КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА

ЛАНСЕЛОТ, ИЛИ РЫЦАРЬ ТЕЛЕГИ

CHRÉTIEN DE TROYES

LANCELOT, LE CHEVALIER DE LA CHARRETTE

Кретьен де Труа

ЛАНСЕЛОТ, ИЛИ РЫЦАРЬ ТЕЛЕГИ

Пер. со старофранцузского
Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди

common place

ББК 84 (0) 4
УДК 821”04/16”

Кретьен де Труа
Ланселот, или Рыцарь телеги / Перевод со старофранцузского Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди. – Москва: Common place, 2013 – 328 с.

ISBN 978-99970-0102-3

Роман «Ланселот, или Рыцарь телеги» принадлежит перу выдающегося средневекового писателя – Кретьена де Труа. Известный сюжет о Ланселоте, впоследствии использованный многими авторами и чрезвычайно популярный в европейской культуре, впервые представлен именно в этом произведении. Полный стихотворный перевод «Ланселота» на русский язык осуществлен впервые. В издание включены научные статьи и примечания к роману.

ISBN 978-99970-0102-3
ББК 84 (0) 4
УДК 821”04/16”

Светлой памяти
Андрея Дмитриевича Михайлова,
выдающегося российского филолога,
чл.-корр. РАН, вдохновителя данного проекта,
с глубокой благодарностью
посвящаем наш труд.

Коль ждёт владычица Шампани[1]
На языке родном преданий[2],
Я порадею от души
Как раб усердный госпожи.
Я ей готов служить покорно,
Не прибегая к лести вздорной,
Хотя б любой на этом месте
Не воздержался бы от лести.
Кто б ни сказал — порукой я,
Что государыня сия
Не знает равных в целом мире,
Парит, как лёгкий бриз в эфире,
Что веет вешнею порой.
Я не из тех, кто день-деньской
Льстит той графине повсеместно.
Скажу ли: как сапфир прелестный,
Что перл и оникс посрамит,
Всех королев она затмит?
Нет, не обмолвлюсь. Правду ту
Опровергать невмоготу.

Скажу лишь: дамы наставленья
Для моего произведенья
Полезнее, чем ум и труд.
О Рыцаре телеги тут
Начнёт Кретьен повествованье.
Сюжет и замысел сказанья
Внушила госпожа ему,
И лишь добавит он к тому
Своё усердье, ум да совесть.
Итак, он начинает повесть.
Лишь Вознесенья день настал[3],
Король Артур свой двор собрал
С той элегантностью привычной,
Что свойственна ему обычно,
И что во всём его достойна.
Когда был кончен пир пристойный,
Гостей король не отпустил.
Баронов многих зал вместил,
Была и королева там
В кругу своих придворных дам
Честных, изысканных манер,
Чей галльский говор — всем пример[4].
А Кей, что пиром управлял[5],
Снедь с коннетаблями вкушал,
И там, где он расположился,
Воитель ко двору явился.
На нём достойный был наряд,
Вооружён с главы до пят.

В таком-то виде, грубо, дерзко,
Он подошёл к Артуру резко
(Тот восседал среди баронов)
И без приветствий и поклонов
Сказал: «Король, в плену досель
Держу я из твоих земель
Девиц и рыцарей, и дам.
И в том тебе я слово дам,
Что не увидишь их вовек.
Поверь тому, что я изрек:
Нет средства у тебя такого,
Чтоб пленников увидеть снова.
И также знай: скорей умрёшь,
Чем им на помощь ты придёшь».
Король ответил, что смирится,
Когда в бессилье убедится.
Теснилась боль в его груди.
И тот в намеренье уйти
К нему спиной оборотился,
Прочь от монарха устремился,
Направившись к дверям покоя,
Но там, помедливши, такое
Он слово бросил наконец:
«Король, коль есть такой храбрец,
Кому б ты доверял всецело,
Мог поручить любое дело,
Вели ему, за мною чтоб
Вёл королеву в край чащоб,

Где я владыка безраздельный.
Тогда вступлю с ним в бой смертельный
И подданных твоих верну,
Что у меня теперь в плену.
Коль верх возьмёт он надо мною,
Тогда вернётся с госпожою».
При этой речи наглеца
В тревоге дрогнули сердца.
А Кей, услышав эти вести,
Когда с дружиною ел вместе,
Оставил блюда, подошёл
К властителю и речь повёл,
Негодованья не скрывая:
«Король, был преданный слуга я,
Вам верой, правдою служил,
Но днесь уйду, нет больше сил
И нет охоты у меня
Служить с сегодняшнего дня».
Обидны королю слова,
Собрался с духом он едва
И наконец сказал в ответ:
«Мой друг, вы шутите, иль нет?»
«Нисколько, сир, я не шучу,
Покинуть ныне вас хочу,
Не требуя даров из дружбы
За длительное время службы.
Я твёрд в намеренье таком:
Уйду тотчас и прямиком»

Король ответил: «Что вас, друг,
Покинуть двор подвигло вдруг:
Обида, гнев или печаль?
Здесь ваше место, сенешаль,
Оставьте вы обиду эту,
Ведь при дворе такого нету,
Чем я б не поскупился, чтобы
Вас зреть вблизи своей особы».
На это Кей: «Вотще сие
Пусть даже золота сетье[6]
Мне каждый день вы б подавали».
Король в смятении, в печали
Сказал супруге, подошед:
«Мадам, вам ясно или нет,
Чего желает Кей добиться?
Отставки, чтобы устраниться
От службы — только почему?
Что ни велите вы ему,
Исполнит всё, а мне — отказ.
Отправьтесь-ка к нему сейчас
И умолите здесь остаться,
Ведь мне не стоит и стараться.
Вы бросьтесь в ноги, если надо,
Не то уйдёт моя отрада,
Лишь Кей покинет этот зал».
С тем королеву отослал
С её согласья к сенешалю.
Тот был с другими вместе в зале,

К нему подходит госпожа
И говорит: «Болит душа,
В моей тревоге нет просвета,
И всё от вашего ответа.
И я в отчаянье: увы,
Покинуть двор хотите вы.
Вы в заблуждении погрязли,
Что движет вами? В вас угасли
Ум с куртуазностью? Как жаль!
Прошу, останьтесь, сенешаль.
Останьтесь, Кей, молю в смиренье».
«О госпожа, прошу прощенья,
Я не могу моленью внять».
Та продолжала умолять,
А с нею рыцари и дамы.
Но отвечал им Кей упрямо:
«Не умолите вы меня».
И та, величие храня,
К его ногам упала. Кей
Просил подняться поскорей,
Но королева: «Не просите.
Исполнить то не премините,
Чего желала я дотоле».
Кей слово дал остаться, коли
Король ему пообещает
Исполнить то, чего желает
Он с королевой обоюдно.
Она: «Конечно, Кей, нетрудно

Ему и мне поладить с вами.
К Артуру сходим со словами:
Мол, вы останетесь при нас».
За нею Кей пошёл тотчас,
Пред королём предстали оба.
«Сир, постаралась я особо,
Чтоб Кей остался. Вам отдам
Его я в руки. Нужно вам
То сделать, что ему угодно».
В ответ король вздохнул свободно
И молвил так: «Быть по сему,
Любые доводы приму».
А он: «Узнайте, сир, чего
Хочу отныне: лишь того,
Что обещали мне вы лично.
Я буду счастлив безгранично,
Коль этого достоюсь я.
Тут с нами госпожа моя,
Вы мне велели ей служить,
Прошу дозволить мне отбыть
С ней в лес, где рыцарь ждать согласен».
Король в печали; безотказен,
Поскольку слово держит он.
Был опечален, угнетён,
Когда согласье дал он вскоре.
И видя королевы горе,
Двор убедился в том, что днесь
Неразумение и спесь

Внушили Кею речь такую.
Король, супругу дорогую
Взяв за руку, заговорил:
«Душа моя, он не хитрил,
Придётся ехать вам при Кее».
Последний молвил: «Поскорее,
О сир, доверьте мне её,
Залогом слово будь моё:
Верну здоровой и живою».
Так вышел вместе с госпожою
И все за ними из дворца.
Тревогам не было конца.
Вот сенешаль уже воитель.
Двух лучших скакунов служитель
На двор выводит между тем.
Скакун парадный, ясно всем,
Достоин дамы августейшей.
Был конь и бодрый, и умнейший,
И не тянул он повода.
Грустна, покорна, но горда,
Садится госпожа в седло
И так вздыхает тяжело:
«Ах, друг, когда бы мне на благо[7]
Вы знали всё, то даже шага
Не дали б мне ступить сей миг».
Хотя и был тот шёпот тих,
Гинабль граф его услышал[8],
Ведь вместе с ней на двор он вышел.

С момента госпожи отъезда
Двор не находит в горе места,
Как будто уж она в гробу.
Не верят в добрую судьбу:
Мол, возвратит её едва ль
Натурой дерзкий сенешаль,
Бог весть к кому её увёз.
Всех опечалило до слёз,
Что у неё такой избранник.
И молвил королю племянник,
Мессир Гавэйн, с глазу на глаз:
«Король, не понимаю вас.
В поступке вашем смысла нет,
Не отвергайте мой совет:
Пока они недалеко,
Мы бы нагнали их легко,
И хватит преданных людей нам.
А я, я не был бы Гавэйном,
Коль в сей же миг не рвался б в путь.
Разумным не сочту ничуть
От сей погони отказаться,
По крайней мере, чтоб дознаться,
Что ждёт владычицу в пути,
Как будет Кей себя вести?»
«Ну что ж, — сказал Артур, — скачите,
Вы куртуазно говорите.
И раз уж волю изъявили,
Велите, чтобы снарядили,

Взнуздали скакунов лихих,
Чтоб нам сей миг воссесть на них».
И вот стоят пред ними кони,
При сбруе, под седлом, в попоне.
Всех прежде он в седло вскочил,
За ним племянник поспешил,
А после сонм тех удальцов,
Что рвались в путь без лишних слов,
В доспехах или как угодно:
Кто вовсе шел без них свободно,
Кто был сполна вооружен.
Гавэйн — тот в латы облачен,
И двое воинов учтивых
Ведут двух скакунов ретивых.
Лишь в лес вошли, в его тени
Коня увидели они.
Конь Кея — стало ясно всем,
И разглядели между тем:
Бредет он с порванной уздою,
Без седока, тропой лесною,
На стремени крови пятно,
Седло в куски раздроблено.
Как только се предстало глазу,
Печаль не сдерживая, сразу
Все переглядываться стали.
Мессир Гавэйн от них подале
В седле красиво восседал,
Он той порою увидал,

Как некий рыцарь появился[9]
На скакуне, что утомился
И, ранен, по́том был покрыт.
Тот поприветствовать спешит
Гавэйна первым, сей в ответ
Учтиво шлёт ему привет.
И встречный спешился тогда.
Узнав Гавэйна без труда,
Промолвил: «Видите ль, мессир,
Мой взмылен конь, устал и сир,
Не годен он, в конечном счете.
Вы ж двух коней с собой ведете,
И потому просить могу,
Клянясь не быть у вас в долгу,
Воздав достойно за услугу,
Прошу дать в долг иль в дар как другу
Мне одного из них сейчас».
Мессир Гавэйн ему: «Для вас —
Тот, что понравится вполне».
Меж тем нуждавшийся в коне
Не стал гадать и выбирать,
В котором крепче мощь и стать,
Воителем без мысли лишней
Тотчас был избран самый ближний.
Его взнуздал он и помчал,
А прежний конь без чувств упал,
Ведь пострадал немало он,
Был обессилен, измождён.

И рыцарь тот без передыха,
Дав шпоры, в лес пустился лихо,
Мессир Гавэйн вдогон ему
Помчался сквозь лесную тьму.
По склону вниз свой путь направил.
Лишь дол он за собой оставил,
Увидел: конь простёрся в поле,
А он им дарен был дотоле.
Вокруг земля разрыхлена,
Ремней обрывки, стремена,
Куски уздечек на поляне —
Свидетельства недавней брани,
Где бился рыцарь не один.
Взгрустнул отважный паладин,
Что сам участие не принял,
И прочь отъехать не преминул,
Не медлил мига одного.
Узрел он рыцаря того:
Он брел один, понур и нем,
На нём доспехи, ладный шлем,
Меч у бедра, щит на груди —
Он и телега впереди[10].
В тот век телеги, мы вам скажем,
Как столб позора в веке нашем.
Три тысячи иль больше их
Сейчас в пределах городских,
Тогда ж была всего одна,
Одной на всех была она,

Как столб позорный для убийц,
Пройдох, иуд и кровопийц,
Банкротов тяжб, полночных татей,
Что о чужом пекутся злате,
Иль тех, кто, грабя каждый день,
На тракт выходит, взяв кистень.
А осуждённого в том веке
Возили на такой телеге
Средь сутолоки городской,
Был вне закона он, изгой,
И двор его не принимал,
Его чурались, каждый гнал.
Телегу эту млад и стар
Считали горшею из кар.
И так в народе толковали:
Коль вы телегу повстречали,
Перекреститесь сей же час,
Чтоб от беды вас Бог упас.
И вот, коня, копья лишённый,
Уж рыцарь у телеги оной,
Он видит карлу у вожжей.
Как будто кучер, карла сей
Сидел с большим шестом в деснице.
И рыцарь так сказал вознице:
«А ну, скажи-ка, карлик, мне,
А не видал ли в сей стране
Ты королевы лучезарной?».
Тут карлик злобный и коварный

Не пожелал поведать весть,
А заявил: «Коль хочешь сесть
В телегу, коей управляю,
То правду сможешь, уверяю,
Узнать о ней, но только позже».
Сказал и быстро дёрнул вожжи,
На думы времени не дал.
Покуда рыцарь размышлял,
Тот на два шага уж отъехал[11].
Садиться — стыд, но стыд помеха ль,
Когда Любовь к тому влечёт?
О, сколько зла то принесёт!
С Любовью Разум не в ладу,
Велит он, чувствуя беду,
Чтоб долга чести не нарушить,
Не делать этого, не слушать
Того, что б худо навлекло[12].
Не сердце, нет, уста свело,
Чтоб лишнего не молвил он,
В Любви тенёта залучён.
И сердцу приказала страсть
Подпасть под карликову власть[13];
Был принуждён в телегу сесть он,
И стыд при том был неуместен:
Любовь дала сие веленье.
Гавэйн, не медля ни мгновенья,
Поехал за телегой сей.
И рыцаря увидев в ней,

Он подивился небывало,
И карлику: «Ответь-ка, малый,
Что с королевой приключилось?»
А тот: «Коль зависть зародилась,
Что этот рыцарь здесь сидит,
Садись и ты, коль не претит.
Обоих повезу легко я».
Гавэйн, услышавши такое,
Решил, что тот ума лишен.
«Не сяду, — так ответил он, —
Коню телега не замена,
Так осрамлюсь я, несомненно.
Куда б ни ехал ты, поеду
По твоему я, карлик, следу»[14].
И в путь пустились трое эти:
Два на телеге, конный третий,
Все по одной дороге шли.
Явился замок невдали,
И знайте: замок — диво дивом! —
Был и добротным, и красивым.
В одну все трое входят дверь.
Дивятся люди: верь, не верь,
А карлик рыцаря привозит
В телеге, но никто не спросит,
А всякий посмеяться рад:
И знать, и чернь, и стар, и млад.
На стогнах гиканье и глум,
Осмеян тот, кто был угрюм.

Проклятья, брань всё неотвязней:
Приговорён к какой из казней,
За что воитель осуждён?
Утоплен будет иль сожжён?
Сдерут ли кожу, иль удавят?
«Ответствуй ты, который правит:
Каким запятнан он грехом,
Убийством или грабежом?
Суда ли это приговор?»
Но карлик, на слова не скор,
Не разговаривал с толпою,
Он вёз воителя к постою.
Гавэйн за карликом пустился,
Тот через город устремился
И в башню рыцарей повёл.
За башней простирался дол,
А супротив неё колосс —
Высокий кряжистый утёс,
Что пиком заострялся кверху.
Гавэйн, преследуя телегу,
В ту башню въехал на коне.
Девицу в зала глубине
Он повстречал в красивом платье,
Соперниц по красе не знать ей.
К ним две девицы подошли,
Красой, достоинством цвели.
Гавэйна лишь узрели в зале,
Приветствия ему воздали,

Спросили, радостью лучась,
Его о рыцаре тотчас:
«В чём виноват, коль сел в телегу?
Иль, карлик, ты везёшь калеку?»
Но карлик им в ответ ни фразы.
Героя высадил он сразу
И удалился, но куда —
Осталось тайной навсегда.
Тут спешился Гавэйн, и вдруг
Пред ним явились двое слуг
И унесли оружье прытко.
С подбоем беличьим накидки
По воле девы принесли,
Затем все ужинать пошли.
А ужин — нет границ усладам,
Там с рыцарем приезжим рядом
Сидела дева за столом.
И угощенье, и приём
Гостей пленили, несомненно.
Их принимали столь отменно,
Столь было общество любезным,
Что вышел вечер тот чудесным.
Усталым отдохнуть пора —
Два приготовлено одра,
Высоких, длинных, среди зала.
И третья там постель стояла,
Богаче и пышней других.
Гласит преданье дней былых,

Что удивляла всех постель
И краше не было досель.
Когда для сна пора пришла,
Хозяйка за руки взяла
Гостей, которых принимала,
И две постели указала,
Сказав: «На них вкушайте сны,
Постели вам отведены,
Но третья дивная кровать
Достойных может лишь принять,
И не для вас её храню я».
Тут стал перечить, негодуя,
Воитель, ехавший в телеге:
Мол, он обижен, в кои веки
Подобный получив запрет.
«Почто вы говорите «нет»,
Почто для нас возбранно ложе?»
Ответ от девушки пригожей
Последовал без промедлений:
«Не ждите, друг мой, разъяснений
И здесь не место препираться,
Ведь с честью вынужден расстаться
Тот, кто в телеге был хоть раз.
Отнюдь не справедлив сейчас
Упрёк, что бросили вы мне,
И вы поплатитесь вполне,
Коль вы возляжете на ложе.
Его убранство, нет дороже,

Не для того, чтоб спали вы.
И коль отважитесь, увы,
За дерзость платой будет горе».
«Сие увидите вы вскоре».
«Увижу?» — «Да!» — «Посмейте только!»
«Мне неизвестно, кто и сколько
Заплатит здесь; пусть злится, плачет,
Сие меня не озадачит:
Я собираюсь лечь на одр,
И, выспавшись, я встану бодр».
Сказавши, рыцарь шоссы скинул[15]
И растянуться не преминул
На ложе, что длинней других
И на пол-локтя выше их[16].
Под пологом парчи с отделкой,
Был пышным соболем, не белкой,
Одр золочёный утеплён,
Достойный царственных персон.
Подушки мягки, взбиты ловко,
И не солома, не циновка —
Той ночью ложе смельчака.
А в полночь молньей с потолка
Пал дрот, что был тяжеловесным,
И наконечником железным
Он этот полог бы прорвал,
Пронзив того, кто почивал
На ложе том, где он возлёг.
Приделан к древку был флажок,

Флажок же пламя обнимало.
Заполыхало одеяло
И простыни, и вся постель,
А дрот слегка пометил цель —
Не ранил рыцаря, пав на пол,
При этом только оцарапал
Немного кожу на бедре.
Тот приподнялся на одре
И, погасив огонь, поднял
Сие копьё и бросил в зал,
Притом постели не покинул.
И снова лёг, и не преминул,
Как в первый раз, уснуть легко,
Невозмутимо, глубоко.
Когда на небе просветлело,
Хозяйка башни повелела
На мессу пригласить гостей,
Их разбудили поскорей.
Во время мессы у окна,
Откуда пашня всем видна,
Стоял тот рыцарь, что намедни
В телегу сел, как тать последний.
В раздумье он смотрел на пашни.
А между тем хозяйка башни
Стояла рядом, прежде с ней
Мессир Гавэйн наедине
Уже беседовал украдкой,
Но долго ль, коротко — загадка,

И мне неведомо о чём.
Они стояли пред окном,
Когда узрели, как чрез луг
С носилками шли двое слуг
И рыцаря на них несли,
А рядом три девицы шли
И горько слёзы проливали.
Им вслед с кортежем выступали
Высокий рыцарь вместе с дамой,
И, приглядевшись, скажем прямо —
Была красавицей она.
И вот стоящий у окна
Узнал в ней королеву и,
В восторге, сладком забытьи,
Был взглядом к ней одной прикован
И созерцаньем очарован.
Когда она исчезла с глаз,
Он вознамерился тотчас
В окно метнуться напрямик.
Почти уж выпал он, но вмиг
Мессир Гавэйн сие узрел
И ухватить его успел.
«Сеньор, уймитесь! Бог вас милуй,
Чтоб эту безрассудства силу
Вам никогда не ведать впредь.
Зачем стремитесь умереть?»
«Напротив, — молвила девица, —
Уж весть могла распространиться

О том, как опозорен он,
Раз был в телегу водворён.
Ведь будет смерть как избавленье,
Тогда как жизнь одно мученье
Тому, кто опозорен столь.
Ему на долю — стыд и боль».
По просьбе рыцарей доспехи
Вернули слуги без помехи,
А госпожа, явив пример
Благопристойнейших манер,
Тому, над кем вчера смеялась,
Над кем так явно потешалась,
Копьё и скакуна дала —
Столь милосердною была.
Простились рыцари учтиво,
И куртуазно, и красиво
С хозяйкой башни, чтоб затем
За виденным кортежем тем
Вдогон тотчас пуститься лихо.
Уйти смогли настолько тихо,
Что слова не сказали им.
И, шпоры дав коням своим,
За королевою стремглав
Они помчались, не догнав
Кортеж — он ехал слишком споро.
По лугу въехали в сень бора,
Где каменистою тропой
Блуждать им выпало с лихвой.

Зажглись на небе утра блёстки,
Когда они на перекрёстке
Вдруг с юной встретились особой.
Её приветствовали оба,
Моля и заклиная деву,
Куда увозят королеву,
Коль ей известно, рассказать.
А та — разумница, видать —
Ответила: «Скажу вам это,
Но прежде жду от вас обета,
Не премините соблюсти —
Скажу про путь и цель пути,
И кто, куда её увёз.
Радеть придётся вам всерьёз:
Ещё туда не попадёте,
Уж вдосталь трудностей хлебнёте».
На то мессир Гавэйн глаголет:
«Девица, коль Господь позволит,
Без колебания тотчас
Готов радеть во имя вас,
Как пожелает ваша милость,
Лишь мне скажите, что случилось».
Тот, кто в телеге восседал,
Таких посулов не давал,
Скорее, он заговорил
Как тот, кем движет страсти пыл:
Мол, всё в пути готов снести,
Чтоб государыню спасти,

А деве только захотеть —
И он служить ей будет впредь.
«Итак, внимайте вы известью. —
Так начала девица, — Честью
Клянусь я вам: Мелеаган[17],
Могуч, по росту великан,
Принц Горра, полонил её,
Взяв во владение своё,
Отколе нет чужим возврата[18].
Тюрьмою станет им страна та,
Изгнаньем, тяжкой кабалой».
Те вопрошают у младой:
«Девица, как туда добраться,
Какой дороги нам держаться?»
Ответ был: «Путь найти несложно,
Но худо встретят вас, возможно,
Приём опасностью чреват,
Ведь нелегко проникнуть в град
Без разрешенья государя.
Там правит Бадмагю[19] исста́ри.
Лишь два пути ведут туда,
Но каждый гибелен, беда,
И каждый путь равно непрост.
На первом есть Подводный мост,
Над ним простёрты воды толщей
Отнюдь не меньшей и не большей,
Чем воды, что лежат под ним.
Он скрыт течением речным

На середине глубины.
И ширины, и толщины
Он фута полтора, не боле[20].
Тот будет прав, кто доброй волей
На ту опасность не пойдёт.
Вас приключений много ждёт,
Однако я о них ни слова.
Есть мост и средь пути второго,
Но хуже и опасней он,
Ещё никем не перейдён.
Остёр он, как булатный меч,
И потому его наречь
Мостом Меча молва успела.
Я всё вам рассказать сумела,
Что только довелось мне знать».
Просили рыцари опять:
«Девица, будьте милостивы,
Пути нам указать должны вы».
А им девица отвечает:
«Тот первый путь, что пролегает,
К мосту в воде, второй же — вот,
К Мосту Меча он приведёт».
Со спутником заговорил
Тот, кто вчера в телеге был:
«Сеньор, я уступаю право.
Тот путь, который вам по нраву,
Вы изберите, я прошу.
Путём другим я поспешу».

Гавэйн же: «Коль сказать по правде,
То в равной степени, представьте,
Опасны, гибельны пути.
Здесь лучший выбор не найти,
Какой же путь мне предпочесть?
Но промедленье мне не в честь,
Коль выбор дали вы свободный.
Я избираю мост Подводный».
«Знать, справедливо, что без спора
К Мосту Меча отправлюсь скоро,
Для возражений нет причин».
Так другу молвил паладин,
И оба вверились душой
Небесной воле всеблагой
И с этим выдвинулись в путь.
Девица им: «Когда-нибудь
И вы сослужите мне службу,
Когда понадобится: дружбу
Со мной вам забывать не след!»[21]
«Подруга милая, о нет,
Мы не забудем», — молвят ей,
И каждый — по стезе своей.
Тот, кто в телеге был, — задумчив,
Как тот, кого Любовь, измучив,
Отняв покой, лишила сил.
Он думу горькую носил,
Не помнил ничего в кручине,
Не ведал даже, жив ли ныне,

Не знал и как зовут к тому же,
Забыл о латах и оружье,
Куда идёт, каким путём.
Не помнил, словом, ни о чём,
Опричь одной особы той,
Из-за которой сам не свой.
Лишь думу горькую приемлет,
Не зрит, не чувствует, не внемлет,
Скакун несет его галопом
Не по окольным узким тропам,
А по дороге напрямик.
И так он мчался, и возник
Пред рыцарем песчаный дол
И там же брод[22], который вёл
На противоположный брег.
Там страж был, ратный человек,
И восседала дева рядом
Верхом на скакуне парадном.
В то время третий час пробил.
В оцепенении застыл
Воитель, в думу погружённый,
Скакун же, жаждой истомлённый,
Заметил ток неподалёку
И прянул к чистому потоку,
А воин-страж на берегу
Воскликнул: «Брод я стерегу,
И вам в него вступать — запрет».
То ль слышал рыцарь, то ли нет,

Он в думе пребывал глубокой.
И напрямик на брод потока
Лихой скакун его помчал.
«Сверни с пути, — тот закричал, —
Напрасно ты рискуешь так:
Нельзя проехать здесь никак».
И он поклялся: шаг тот сделай,
Копьём ему пронзит он тело.
Но рыцарь в тот приказ не вникнул,
И воин в третий раз воскликнул:
«Не лезьте, рыцарь, на рожон,
Мной этот путь вам запрещён.
Вновь повторять не стану я,
Не избежите вы копья».
Но всё невнятно паладину.
Скакун, покинувший равнину,
В поток низвергся прямиком
И воду жадным пил глотком.
А страж: «Вы будете жалеть,
Ни щит не защитит вас впредь,
Ни ваша крепкая броня».
И он в галоп пустил коня,
И всё быстрее и быстрее.
Затем ударил, чтоб скорее
Не внявшего его указу
Средь брода бросить в реку сразу.
И тот, кто атакован был,
Копье и щит свой уронил.

Почувствовав, что он промок,
Придти в себя воитель смог,
Как бы внезапно пробуждённый.
Вскочил в испуге, удивлённый,
Кто так ударил и зачем?
Увидев рыцаря затем,
Он возгласил: «Скажи, вассал,
Почто ударил и напал,
Ведь даже я тебя не видел,
Не то что чем-нибудь обидел?»
«Нет, всё не так, — ответ был дан, —
Решили вы, что я мужлан,
Не вняли трижды вы запрету
Пересекать стремнину эту.
Кричал я вам во всю гортань,
Вы вняли вызову на брань,
По крайней мере, раза три,
И сколько я ни говори,
Вошли в поток, не слыша вроде,
Что вас я поражу на броде».
А рыцарь: «Будь же проклят тот,
Кто вам когда-нибудь вонмёт
Иль вас узрит, будь сам я это.
Не слышал вашего запрета,
Поскольку думами томим.
За вами ль правда, поглядим,
Когда при помощи узды
Я удержу вас средь воды».

И отвечает страж: «И что ж?
Уздою крепкою дерзнёшь
Сдержать меня на броде ныне?
Твои угрозы и гордыня —
Всё для меня как прах летучий».
И рыцарь: «Ничего нет лучше:
Чем бы ни кончился наш бой,
Хоть так, всё справлюсь я с тобой».
Тот выступил в средину речки,
Противник с помощью уздечки
Тотчас поймал его хитро,
Десницей сжал ему бедро
И так держал, сжимал, покуда
Не возопил тот, чуя худо.
Он понял, что от этой встречи
Не избежать ему увечий,
И стал молить ослабить хватку:
«О рыцарь, если хочешь схватку
Продолжить, как нам честь велит,
Возьми коня, копьё и щит,
На равных будем мы сражаться».
А тот: «Готов я честью клясться,
Коль будет так, ты убежишь,
Едва в атаку ринусь лишь».
Той речью страж был оскорблен.
«Не быть сему, — ответил он, —
Садись на скакуна покойно,
Даю обет, что недостойно

Не спрячусь я и не сбегу,
Сей стыд терпеть я не могу».
Не медлил рыцарь наш с ответом:
«Мне убедиться надо в этом.
Ты прежде клятву должен дать:
Не будешь прятаться, бежать
И не притронешься ко мне,
А станешь рядом в стороне,
Пока я на коня не сяду.
Клянусь, получишь ты пощаду,
Коль проиграть тебе придётся».
Тот — делать нечего — клянётся,
Иначе поступить не мог.
И рыцарь из воды извлёк
Копьё и щит, что по теченью
Уж далеко к тому мгновенью
Уплыть успели от него.
Нашёл коня он своего,
В седло вскочил и со сноровкой
За ремни щит схватил он ловко
И прикрепил копьё к седлу.
И вот в воинственном пылу
На сшибку мчатся во всю прыть.
Тот, что был должен брод хранить,
Ударил первым, и удар
Настолько был силён и яр,
Что древко разлетелось в щепы.
Удар ответный, столь свирепый,

На дно реки врага поверг,
Над ним сомкнули воды верх.
Отъехав, слез с коня воитель,
В душе готов был победитель
Сразиться с сотнею таких
И вынул меч из ножен вмиг.
Другой, поднявшись, сделал то же,
Украшен меч весьма пригоже.
Лицом друг к другу оба встали,
Щиты, что золотом блистали,
Держали крепко пред собой.
Звенят мечи, лютует бой,
И ни минуты нет заминки
В их страшном жарком поединке.
Той долгой битвы неуспехи
В душе у Рыцаря телеги
Рождали неизбывный стыд,
Он мнил, что плохо совершит
Обет, им данный пред дорогой,
Раз времени потратил много,
А победил лишь одного.
Не допустил бы он того,
Что даже ста бойцам таким
Дано на равных биться с ним.
Он раздражён и опечален,
Узрев, что славы блеск умален,
Вотще весь день ударов град.
Он вновь теснит, и натиск смят,

Враг убегает с поля брани.
Тот брод, что так стерёг он ране,
Теперь для каждого открыт.
Герой вдогон ему спешит,
Не зная равных в скором беге.
Тот пал и Рыцарем телеги
И осужден, и проклят был
За то, что грубо оскорбил
Того, чья дума тяжела.
Девица, что при нём была
(Её с собой взял победитель),
Услышав, как грозит воитель,
В испуге стала умолять
Ради неё не убивать.
Он молвил: не бывать пощаде
И даже юной дамы ради —
Погибнуть должен оскорбитель.
С мечом идёт к нему воитель,
И тот взмолился, еле жив:
«Будь, Бога ради, милостив,
Яви, как молвил, добродетель!»
А тот в ответ: «Господь свидетель,
Таких обид никто не сносит.
Но если о прощенье просят
Во имя Господа, лишь раз
Прощаю я, так и сейчас
С тобой я должен поступить.
Отказа здесь не может быть,

Раз просишь этого смиренно.
Ты должен обещать, что плена
Не избежишь как узник мой,
Когда отдам приказ такой».
Тут, удручённый, дал он слово,
Девица же сказала снова:
«В великодушии бесценном
Ты внял мольбам его смиренным
И жизнь оставил ты ему,
Но не ввергай его в тюрьму,
А дай желанную свободу
Прошенью моему в угоду.
За это, коль придёт нужда,
Я одарю тебя всегда
Сполна и в меру сил своих».
Тут он узнал девицу вмиг[23],
Услышав сказанную фразу,
И отдал пленника ей сразу.
А та была в стыде, в кручине,
Ведь, мнила, узнана им ныне,
А то не нужно ей совсем.
И он покинул их затем.
Его препоручили Богу,
И рыцарь двинулся в дорогу.
Он ехал до ночи почти,
Вдруг повстречалась на пути
Ему какая-то девица[24],
Стройна, изящна, милолица,

В наряды пышные одета.
Она учтивостью привета
Явила свой прекрасный нрав.
Ответил рыцарь, ей сказав:
«Здоровья, счастья Бог пошли вам».
Она ж: «В дому моём красивом,
Что здесь поблизости, вы ночь,
О, проведите, коль не прочь,
Но при условии одном:
Должны вы лечь со мной вдвоём,
Так я велю, в моём покое».
За предложение такое
Иной благодарил раз сто бы,
Ему ж досадна речь особы,
И он ответил ей: «Спасибо
За ваше предложенье, ибо
Ценю я высоко его.
Что до ночлега моего,
То не в обиду дам отказ я».
Она в ответ: «Коль нет согласья,
Не трачу времени на вас».
Решив: «нет лучшего сейчас»,
Он молвил «да», но если ныне
Он только пребывал в кручине,
Чем ближе станет дело к ночи,
Тем будет боль его жесточе,
И ту, что рыцаря ведёт,
Печаль немыслимая ждёт.

Его любила, может быть[25],
И не захочет отпустить,
Узрев, что волю и желанья
Он вверил ей без колебанья,
Ведёт его к усадьбе близкой,
Что краше всякой фессалийской[26].
Стеной высокой и рекой
Был обрамлён тот дом большой.
В твердыне было ни души,
Опричь его и госпожи.
Внутри просторные палаты
Хозяйкой убраны богато,
Вдобавок был широкий зал.
Вдоль речки путь их пролегал,
Они приблизились к чертогу,
И чтобы внутрь им дать дорогу,
Мост опустили по приказу.
В тот зал они попали сразу.
Он взор величием слепит,
По кровле черепицей крыт,
И дверь была не на запоре.
Когда вошли, узрели вскоре,
Что стол там скатертью накрыт,
Уже с приборами стоит,
Как если б ждали этой встречи.
Мерцали в канделябрах свечи,
Там кубки из сребра, а вина
Налиты были в два кувшина —

И зрелое, и молодое.
Два таза с тёплою водою
Стояли рядом на скамьях,
Чтоб с рук им смыть дорожный прах;
Чтоб руки вытереть герою,
Здесь полотенце есть льняное,
Узор искуснейший на нём.
Нет ни пажей, ни слуг кругом,
Конюший даже не встречает[27].
Сам рыцарь с выи щит снимает
И крепит на стене за лавку,
Копьё он ставит на подставку,
Где место было для него.
С коня он сходит своего.
Девица спешилась затем.
И рыцарь видит между тем,
Что та нисколько не ждала,
Чтоб он помог ей слезть с седла[28].
Когда сошла с коня, в мгновенье,
Без остановки, промедленья,
В покои отошла девица.
Приносит гостю чаровница
Короткий плащ, что цветом ал.
Большими факелами зал
Был освещён, и потому,
Хоть ночь уже сгущала тьму
И звёзды были в вышине,
Хватало света здесь вполне;

На гостя плащ надев тогда,
Девица молвила: «Вода
И полотенце вот для вас.
Их не предложит вам сейчас
Никто иной, ведь здесь одни мы.
Теперь же, друг мой, руки вымой
И сядь за стол где по душе.
А час обеденный уже,
Как это ясно, подошёл».
Омыл он руки, сел за стол,
Желая пиром насладиться.
Тут села рядом и девица,
Вдвоём с ним ела и пила.
Встают они из-за стола,
Когда закончился их пир.
Девица молвила: «Мессир,
Пойдите малость прогуляйтесь,
Коль вы не против, не стесняйтесь,
И вы сюда войдёте снова,
Когда сочтёте, что готова
Я лечь и отойти ко сну.
Будь не в обиду, но одну
Меня найдите в час урочный,
Чтоб свой обет исполнить точно».
И тот: «От слов не отступлюсь,
Незамедлительно вернусь,
Сочтя, что уж пора настала».
Сказал и вышел прочь из зала,

И долго по двору бродил,
Пока вернуться не решил,
Поскольку связан был обетом.
Вот в зал вступил он, но нигде там
Не встретил ту, что назвалась
Ему подругой в этот час.
И не узрев её средь зала,
Он рек: «Во что бы то ни стало,
Где б ни была она, повсюду
Её искать немедля буду».
Он слову верен был как прежде.
Бродил по комнатам в надежде
Найти ту девушку, но скоро
Услышал крики той, с которой
Возлечь он обещал намедни.
Открыта дверь в покой соседний.
Войдя, он рыцаря узрел,
Тот деву повалить посмел
Впрямь поперёк её кровати
В подобранном высоко платье.
Не сомневаясь на тот счёт,
Что помощь с рыцарем придёт,
Вскричала громко, как могла:
«На помощь! Гостем приняла,
Так, рыцарь, помоги скорее,
Избавь меня от лиходея,
Кого, как не тебя просить!
Коль ты не сможешь защитить,

Свершат насилье надо мною
Впрямь на глазах, перед тобою.
Со мной возляжешь — ты в долгу,
И не достанусь я врагу,
Коль ты сейчас не будешь праздным!
О рыцарь, будь же куртуазным,
Спаси меня как мой избранник».
И видит рыцарь: некий странник
Девицу держит, крепко сжав,
До бёдер платье ей задрав.
В нём вспыхнул стыд, а следом гнев.
Но, оголенных их узрев,
Иного чувства не изведал
И сердце ревности не предал.
Два стража — здесь же, при мечах,
Перед дверями на часах,
А сзади четверо стояли,
Секиры острые держали.
С секирой не поспорит меч:
Так надвое могла рассечь
Корову поперек хребта,
Как если бы секира та
Рубила можжевельник с дроком.
Он стал терзать себя упрёком:
«Что ныне делать мне, о Боже?
Всего важнее и дороже
Искать Геньевру-госпожу.
Из-за неё я путь держу,

Так мне ль дрожать как зайцу в поле?
Будь я у Трусости в неволе,
У слабости на поводу —
До верной цели не дойду.
Остановившись, честь теряю.
Но сам себя я презираю,
Веля себе остановиться.
Грусть глубоко во мне гнездится,
Так стыдно мне и больно так,
Что призываю смерти мрак,
Но медлю, хоть близки враги.
Пусть не простит мне Бог грехи —
Без всякой говорю гордыни —
Коль я достойной смерти ныне
Смогу позор сей предпочесть.
А если запятнаю честь,
Уйду от стражей шестерых,
Не повстречав помех от них,
В чём будет подвиг заключаться?
Так поступил бы, может статься,
Последний трус и подлый самый.
Но я мольбы услышал дамы,
Она зовёт, а я в ответе,
Ведь помню о своём обете,
И мне её упрёки горьки».
Тут подошёл к дверной он створке,
Просунул голову как смог
И посмотрел на потолок.

Мечи нависшие узрев,
Он сразу отскочил, успев,
А стражи нанесли удары.
Да так стремительно и яро
О землю грянули клинки,
Что разлетелись на куски.
Он зрит: мечи раздроблены,
Знать, и секиры не страшны,
Он не ценил их совершенно[29].
И бросившись на слуг мгновенно,
Двоих локтями он настиг.
Ближайших двух ударил вмиг
Локтями и руками разом,
И оба навзничь пали наземь.
И промахнулся третий враг,
Четвёртый же ударил так,
Что плащ ему разрезал с маху,
Рассек нательную рубаху
И ранил рыцаря в плечо.
Кровь заструилась горячо,
Но не ослабил рыцарь пыла
И не пенял, хоть рана ныла,
Ускорил шаг, наоборот,
И за виски был схвачен тот,
Кто на хозяйку посягал.
Обет исполнить он желал,
Дабы потом уйти спокойно.
Проучен дерзкий им достойно.

А тот слуга, что промахнулся,
Вооружился, встрепенулся,
Секиру поднял и — вперёд.
Он чаял, ею рассечёт
Впрямь до зубов главу герою.
Воитель был привычен к бою —
Как щит использовал врага,
И поразил того слуга,
Меж выей и плечом попав;
Разрублен плечевой сустав.
А рыцарь, изловчившись вдруг,
Секиру выхватил из рук.
Оставил раненого он,
Ведь был сражаться принуждён
С двумя воителями, также
С тремя стоявшими на страже.
Все пять пустились в нападенье,
Но он отпрыгнул, в то мгновенье
Встав меж кроватью и стеной,
Воскликнув: «Ну же, смело в бой!
Будь вас хоть тридцать или боле,
Мне хватит сил и хватит воли,
И вам не одолеть меня,
Не изнурить, в бою тесня».
Девица, что за ним следила,
«Клянусь вам, рыцарь, — заявила, —
Я здесь — и вам смогу помочь».
Промолвив, отослала прочь

И этих рыцарей, и слуг.
И все они тотчас и вдруг
Ушли, не говоря ни слова.
Девица же сказала снова:
«Сеньор, вы славно мне служили,
От домочадцев защитили,
Со мной пойдёмте, час настал».
За руки взявшись, вышли в зал.
Но рыцарь недовольства полон:
С ней бы расстаться предпочёл он.
Средь зала высилась кровать,
И простыней сияла гладь,
Мягка на ощупь, белоснежна;
Матрас же сделан был прилежно —
Набит соломою не колкой;
И одеялами из шёлка
Была застелена кровать.
Легла девица почивать,
Но не сняла с себя сорочки.
Тут рыцарь не без проволочки
Разулся и босым остался.
Хоть вздох тяжёлый вырывался,
Он словом, что девице дал,
Своё волненье побеждал.
Он заставлял себя? Как мог.
И наконец с девицей лёг
Не без труда и проволочки
И не снимал с себя сорочки,

Подобно спутнице своей.
Дабы не прикасаться к ней,
Он отодвинулся безмолвно
И лёг на спину, инок словно,
Возлегший на свой одр убогий,
Храня обет молчанья строгий.
Он на девицу не смотрел,
По сторонам взглянуть не смел,
Не улыбнулся ей ни разу.
Всё потому, что сердце сразу
Отвергло ту, что столь красива.
И вовсе не желал он дива,
Что всех пленило бы давно.
Одно в нём сердце, и оно
Ему уж было не подвластно,
А госпоже другой причастно,
И он был сердцу не уставщик.
Любовь, сердец людских управщик,
Там дело сделала своё.
Она лишь ценящих её
Пленяет, и слуга богини
Обязан чтить её святыни.
А в сердце рыцаря она
Как никогда была сильна
И выдержку дала такую,
Что осуждать я не рискую,
Что он не встал ей поперёк,
Ведь не за ней идти не мог.

Прекрасно видела девица,
Что рыцарь ею тяготится
И с ней расстаться будет рад,
Других не требуя наград.
Её и не коснулся витязь.
«Сеньор, — сказала,— не сердитесь,
Но вас покину я скорей,
Чтоб в спальне почивать своей.
Вам, полагаю, легче станет,
Ведь общество моё вас ранит,
Я вам беседой душу режу.
Не упрекните как невежу,
Коль откровенна я сейчас.
Пусть будет сладка ночь для вас.
Вы слово так сдержали, право,
Что больше не имею права
Вам в чём-либо послать упрёк,
И да хранит, сеньор, вас Бог.
Я ухожу». Она встаёт,
И не явил досады тот,
Он ей уйти легко позволил,
Как тот, кто сердце приневолил
Служить не ей — другой — сполна.
Всё это поняла она,
В другую комнату ступая.
Там улеглась, совсем нагая,
Сказав себе: «Уже немало
Достойных рыцарей я знала,

Но среди них нет никого,
За исключением его,
Кого б ценила хоть в полсу.
Но, мнится, знаю правду всю:
Он цель поставил пред собою
Опасней и труднее вдвое,
Чем кто другой задумать может.
И пусть Господь ему поможет».
Глаза закрыла и спала,
Пока денница не взошла.
Лишь на небе заря зажглась,
Она проснулась, поднялась.
Тогда открыл и рыцарь очи,
Привёл себя в порядок с ночи,
Вооружился, слуг не ждал.
Когда вошла хозяйка в зал,
Уже на нём броня сверкала.
«Вам утра доброго», — сказала,
К нему приблизиться спеша.
«И вам того же, госпожа», —
Ответил рыцарь ей тотчас
И объявил, что пробил час
Его коня из стойла вывесть.
Та приказала, не противясь,
И говорит: «Сеньор, я всё же
Пущусь в дорогу с вами тоже,
Коль вы меня согласны взять
И на пути сопровождать

По правилам, веленьям долга,
Что установлены задолго
Дотоле в королевстве Логр»[30].
Обычай этот, этот долг
Повелевал всем в старину:
Коль даму, девушку одну
Вдруг рыцарь встретит на дороге,
Воздать почёт ей должен многий,
Чтоб сохранить лицо; сиречь,
Чем даму горести обречь,
Вспороть себе уж лучше глотку.
Но коль обидит кто красотку,
Тот о пристанище забудь,
Изгоем стань и проклят будь.
А если с ней уж спутник есть, то
Страждущий на это место
Тогда лишь ею завладеет,
Когда другого одолеет.
И удоволится тогда
Без унижений и стыда.
Затем и молвила девица,
Чтоб рыцарь, если он решится,
С ней по обычаю пошёл
И оградил её от зол,
Она отправится с ним вместе.
Он ей в ответ: «Клянусь по чести,
Не попадёте вы в беду,
Пока я сам не попаду».

«Я с вами», — молвила она,
Веля седлать ей скакуна.
Приказ заминки не находит,
Слуга ей скакуна выводит
И рыцарю коня к тому же.
Не помогал им сесть конюший,
Помчались, убыстрив аллюр.
Она ему, хоть был он хмур,
В пути кой-что сказать хотела,
Но не внимал он, ведь всецело
Был думой полн, презрев слова.
Любовь над ним взяла права.
Любви богиней уязвлён,
Не клал бинта на рану он,
Чтоб залечить своё мытарство.
И лекарей и все лекарства
Он отвергал в душе, и рана
Его терзала постоянно.
Одна б лишь скинула то бремя...
Скакали всадники всё время
Путём единым напрямик.
И вот явился им родник,
Что посреди поляны бил.
Неподалёку камень был,
На этом камне неизвестной
Забыт был гребень расчудесный,
Слоновой кости, всем желанный.
С времён Изора великана[31]

Никто не обладал таким.
Та, что причёсывалась им,
Оставила на зубьях сих
1368 Почти что горсть волос своих.
Едва заметил взор девицы
Тот камень около криницы,
Чтоб на него не дать взглянуть,
1372 Она решилась повернуть.
А рыцарь, в думу погружённый
И думой умиротворённый,
Не сразу мог умом дойти,
1376 Что сбит девицей он с пути.
Придя в себя, он взволновался:
А не обману ли поддался?
Но понял, что девица та
1380 С пути свернула неспроста,
Чтоб от опасности укрыться.
И он воскликнул: «Эй, девица!
С дороги сбились вы, куда?
1384 Я мню, мы едем не туда,
Раз взяли мы не той дорогой».
«Сеньор, — сказала, — так намного
Короче, знаю, и быстрей».
1388 «Не знаю, — он ответил ей, —
Что вы задумали отнюдь,
Но ясно вам, что прежний путь
Проторен был и прям, и верен,
1392 Его терять я не намерен,

Раз уж пустился по нему.
И соизвольте посему
Поехать им, с него ни-ни».
Так продолжали путь они
До камня и узрели гребень.
«О, право, он великолепен! —
Промолвил он. — Великолепней,
Пока живу, не видел гребней».
Она: «Отдай мне гребень сей».
«С охотой», — он ответил ей,
И наклонился, и поднял,
И, взявши, долго созерцал
На зубьях вившиеся пряди.
Та улыбнулась. Рыцарь, глядя
На ту улыбку, стал просить
Её причину пояснить.
Она в ответ: «О нет, ни слова,
О том сказать я не готова».
«Почто же?» «Не хочу, и всё».
Тут рыцарь упрекнул её
По откровенности простой,
Что те, кто дружит меж собой,
Должны друг другу поверяться.
«Когда способны вы влюбляться,
Во имя избранного вами
Прошу покорными мольбами
Молчаньем не томить меня».
«Вы так настойчивы, что я, —

В ответ она, — сказать смогу
И вам нисколько не солгу:
Сей гребень — гребень королевы.
Так мне сказали, верьте мне вы:
Те белокурые власы
Такой сверкающей красы[32]
На зубья, где их зрите вы,
С её прекрасной головы
Раз угодили, и едва ли
В другой силок они попали».
А рыцарь: «Истина верна:
Есть королева не одна,
Кто та, что гребнем обладала?»
«Сеньор, — девица отвечала, —
Жена Артура-короля».
Тут рыцарь, новости внемля,
Познал такую слабость в сердце,
Что принуждён был опереться
На ленчик своего седла.
Сие увидев, не смогла
Девица скрыть недоуменье,
Предвидя рыцаря паденье, —
Да будет ей испуг прощён, —
Решила, что он чувств лишён,
Поскольку, выслушав слова,
Чувств не утратил он едва[33].
На сердце будто пало бремя,
И перестал он в это время

Воспринимать слова, цвета.
К его коню стремится та,
На помощь рыцарю приспела
И помогала как умела,
Ведь не желала ждать она,
Чтоб рыцарь пал со скакуна.
Увидев это, он смутился,
«О, для чего, — к ней обратился, —
Ко мне вы подошли сейчас?»
Девица, я заверю вас,
Не стала открывать причину,
Не то краснеть бы паладину,
С ним вышла б горшая беда,
Узнай он истину тогда.
Она держала правду в тайне
И молвила любезно крайне:
«Сеньор, искала гребень я,
Склонившись здесь среди былья,
Хотела взять его я в руки,
Мне промедленье паче муки».
Он сам хотел ей гребень дать
И дал, но волосы забрать,
Их не порвав, сумел дотоле.
Ничьи глаза не зрели боле,
Чтоб кто ценил так вещь земную,
Как он ту прядку золотую.
Благодаря в душе судьбу,
К глазам, к устам, к лицу, ко лбу

Он подносил её и млел,
И от восторга пламенел.
Как драгоценную святыню
Прядь королевы он отныне
Меж телом и рубашкой прячет[34].
И для него дороже значат
Рубины и смарагды разве?
Он верит: ни единой язве
Уж не точить его украдкой.
Что́ желчь с плевритом, с лихорадкой
И все молитвы, что творим
Мартину с Иаковом святым[35]!
В нём вера в прядку не померкнет,
Он помощь всякую отвергнет.
В чём сила пряди не поймёте?
Меня глупцом, лжецом сочтёте,
Когда, сказав, я вам солгу.
На разгоревшемся торгу
Сокровищ не окинуть глазом,
А рыцарь всё отверг бы разом,
Когда б их стали предлагать
В обмен на королевы прядь.
Причину вам услышать надо?
Стократ очищенное злато
Стократно переплавлено,
И всё ж не так блестит оно,
Как ночь в сравненье с днём погожим.
Коль злато к волосам приложим,

Его тотчас сравните все вы
С чудесной прядью королевы.
Зачем здесь тратить время мне?
Девица уж на скакуне,
И гребень с ней, что ею взят.
А рыцарь полон был отрад
Из-за волос, что у груди.
Минули дол, лес впереди,
И в нём тропинка простиралась.
Она сужалась и сужалась,
Гуськом пришлось поехать им,
Так тесно всадникам двоим
Бок о бок по тропе идти.
Была девица впереди
Того, кто у неё гостил.
Где самым узким путь их был,
Вдруг видят: рыцарь мчит навстречу.
Едва увидев, издалече
Его девица узнаёт
И так попутчику речёт:
«О сударь, латника сейчас,
Который мчится впрямь на нас,
Готовый в бой, извольте видеть?
Намерен он меня похитить,
И он не ждёт от вас отпор.
Так хочет он, ведь с давних пор
В меня влюблён. В порывах сильных,
Безумец, сам и чрез посыльных,

Молил он полюбить его,
Но не добьётся ничего
За все сокровища земли.
Скорей умру, Господь, внемли,
Чем на любовь его отвечу.
Я знаю, примет эту встречу
Как облегченье он и счастье,
Как будто уж в его я власти.
Хочу я посмотреть на вас,
Как храбрость явите сейчас.
Увижу среди бела дня,
Способны ль защитить меня.
Достойны ль верным стражем зваться?
Но я убеждена, признаться,
Что вы мой рыцарь и оплот».
«Скорей, скорей», — ответил тот,
И поняла она невольно
Под тем ответом «Ну, довольно,
Обеспокоены вы зря,
Мне эти речи говоря».
Пока такую речь вели,
Тот рыцарь был уж невдали,
Навстречу нёсся к ним по тропке.
И потому был шаг торопкий,
Что встречный знал наверняка:
Спешить есть повод — цель близка.
Он мнил себя счастливым ныне
При виде той, своей богини.

Лишь к ней приблизился стремглав,
Её приветствовал, сказав:
«Та, что душе желанна столь,
Но вместо неги шлёт мне боль,
Да будет здравствовать всегда».
То было б грубостью, когда
Она б на это промолчала,
И всё ж ему не отвечала
Хотя б сквозь зубы, хладнокровно.
Он созерцал её любовно,
Заворожён ответом тем,
Уст не сквернящим и совсем
Не стоящим ей ничего.
И в нём, когда б рука его
Всех на турнире одолела,
Такая б гордость не горела.
Как видно, он не чаял счастья —
Подобной чести и участья.
Самоуверенность росла.
Он взял коня за удила
И молвил: «Вас беру с собой.
Ха, видно, кормчий недурной,
Раз в гавань нужную плыву я!
Напасти прежние минуя
И все шторма, взойду на брег
Из моря мук в пучину нег,
От немощи к расцвету сил.
Всё, что желал, я получил.

Раз повстречал вас в миг урочный,
Я увезу с собой вас, точно,
Притом без страха и упрёка».
«В словах для вас не будет прока, —
Она в ответ, — со мною страж».
«Плохой защитник рыцарь ваш,
Раз я с собой вас увожу.
Сей горе-рыцарь, я сужу,
Скорей бочонок соли сгложет,
Чем от меня спасти вас сможет.
Я знаю, не найти такого,
Кто б уберёг вас, право слово.
Близки ко мне вы, посему
При нём вас у него возьму,
Смирится ль он иль не смирится,
Пусть даже защищать вас тщится».
Спокойно слушал наш герой
Все оскорбленья. Той порой
Он не бахвалился, не злился
И за девицу заступился.
«Сеньор, — сказал он, — не спешите
И лишних слов не говорите,
Не сейте на ветер слова.
Уважу ваши я права,
Коль таковые всё же есть.
Как видите, девицы честь
Нуждается в моей защите.
Вы ей препятствий не чините,

И не страшны вы вовсе ей».
А тот бы сжёг себя скорей,
Чем без неё пуститься вдаль.
И рыцарь: «Буду прав едва ль,
Коль увезти её вам дам.
Извольте, брошу вызов вам.
Но раз действительно решимся
Сразиться здесь, мы не сразимся —
Узка тропинка, как мы видим.
Давайте на дорогу выйдем,
На луг иль дол какой-нибудь».
«Иного не хочу отнюдь, —
Ответил воздыхатель, — вы,
Согласен я, весьма правы,
Заметив, что узка тропинка.
Коню здесь не до поединка,
Боюсь, что ногу сломит он,
Коль будет в схватку вовлечён».
Тут он подъехал, хоть с трудом,
Не повредив коню притом,
Не причинив ему увечий,
И молвил: «Жаль, что нашей встрече
Не удалось, сказать по чести,
Быть на виду, в удобном месте.
Я предпочёл бы, чтобы зритель
Узрел, как бился победитель.
Отправимся на поиск мест.
Есть дол поблизости окрест,

Удобней биться на просторе».
Все трое двинулись, и вскоре
В пути им встретились девицы,
И рыцари, и молодицы.
Играли средь цветов и трав.
Тот луг — раздолье для забав:
Кто в шахматы или в триктрак
Средь луга был играть мастак,
Кто — в кости, в дюжину занятных
Забав не менее приятных.
Там большинство людей играло,
Но, как и юности пристало,
Там вспомнил детство кое-кто:
Скакал и пел, плясал рондо,
Резвился в радостном проворстве
Или потел в единоборстве.
А рыцарь в возрасте преклонном
На буром полотне попонном
Сидел на скакуне-испанце;
Седло и упряжь в злата глянце.
В годах, он был заметно сед
И подбоченился, воссед
С непринужденностью, в одной
Рубашке (припекал уж зной).
Он танцы, игры созерцал,
И плащ рамёна покрывал
Из ткани с беличьим подбоем.
А вдоль дороги встали строем

Десятка два, все при мечах
И на ирландских скакунах[36].
Вдруг при явлении троих
Прервались игры, пенье вмиг,
Вскричали певуны, танцоры:
«Глядите, это тот, который
В телеге ехал! Ну же, эй,
Никто из нас играть не смей,
Пока отсель он не уйдёт.
Тот, кто продолжит иль начнёт
Играть, пока он здесь пребудет,
Пусть же навеки проклят будет!»
Тем временем пред старца взоры
Явился сын его, который
Девицу называл своей,
В душе любовь питая к ней.
«Сеньор, — сказал он, — рад я ныне.
Внимайте, по какой причине:
По воле Бога только что
Особу встретил, что мечтой
Была моей, желанней трона.
Будь мне предложена корона,
Я ей бы не был столько рад,
Дороже бы не знал наград,
Чем та, которой удостоен».
«Не знаю, — молвил сыну воин, —
Сей дар принадлежит тебе ли?»
Тот сразу вскрикнул: «Неужели

Увидеть это вам невмочь?
Сеньор, клянусь, сомненья прочь,
Узрите, что она моя.
В лесу, откуда еду я,
Её я встретил на дороге.
Послал мне Бог её, в итоге
Уж я над ней всецело властен».
«Однако вряд ли с тем согласен
Тот, кто идёт вослед тебе.
Её отнимет он в борьбе».
Так толковали сын с отцом,
И пляски кончили притом
Те, что пришедшего узрели.
Играть, резвиться не хотели,
Так был противен рыцарь всем.
Не тратя времени меж тем,
За девушкой идущий витязь
Возвысил голос: «Отступитесь,
Едва ли есть права у вас.
Её коснётесь — и тотчас
Встать за неё я не премину!»
Тут старый рыцарь молвил сыну:
«Не прав ли я, увидев явь?
Дражайший сын, её оставь,
Верни её, не будь глупец».
Но не смиряется юнец,
А удержать клянётся деву:
«Быть надо мной Господню гневу,

Коль отпустить её посмею.
Владеть ей буду, как владею
Вассалами, что служат мне.
Скорей креплений и ремней
Мой щит лишится в одночасье[37]
И перестану верить в вас я,
Мой меч, оружие моё,
Моя отвага и копьё,
Чем уступлю ему девицу!»
На то отец: «Здесь не годится
Сражаться, что ни говори.
Свою гордыню усмири,
Мой сын, послушайся совета!»
Вскричал в гордыне сын на это:
«Не устрашите, не дитя!
Я заявляю не шутя,
Что хлябь морей обнявший мир
Не знал столь доблестных задир,
Кому б, девицу уступив,
Я сдался бы, я не труслив».
И тот: «Чем меньше веришь сам,
Тем больше в доблести упрям.
Я против всяческих капризов,
Чтоб из-за них бросал ты вызов».
«Я опозорюсь, — рёк юнец, —
Коль вас послушаюсь, отец.
Чёрт побери такого труса,
Кто внимет вам, а я искуса

Не избегу, хочу сие.
Известно: выгоды в семье
Искать не след — одно бесчестье:
Я б справил торг не в этом месте,
Притом с немалым барышом[38].
Но выставлять меня глупцом
Хотите вы, и вижу ясно:
Я мог разжиться бы прекрасно,
И тот, кому я незнаком,
Не воспрепятствует мне в том.
Перечите моей вы воле,
Я действовать готов тем боле,
Чем вы суровей и упрямей.
Ведь если рыцарю иль даме
Страсть запрещать, сильней ещё
Она в них вспыхнет горячо.
Но если б уступить вам смог,
Меня лишил бы счастья Бог.
Я в бой пойду вам вопреки».
«О Пётр-апостол, помоги! —
Сказал отец, — Я понял ясно:
Молитва всякая напрасна,
Урок мой ничего не стоил.
Я б сделал всё, чтоб ты усвоил:
В твоём невольном положенье
Ты должен быть в повиновенье,
Иначе наказанье ждёт».
И тут он рыцарей зовёт,

Стоявших строем вдоль дороги,
И отдаёт приказ им строгий —
Схватить упрямого сынка.
«Велю связать его пока,
Но биться, — молвил, — не позволю.
Все вы, вассалы, я глаголю,
Должны верны мне быть затем,
Что вы обязаны мне всем.
Прошу, приказываю вам.
Он действует сродни глупцам,
Причина же в его гордыне;
Не повинуется мне ныне».
«Его удержим, — те в ответ, —
И не дадим ему, о нет,
Осуществить своё решенье,
И он девицу, нет сомненья,
Отпустит волей иль неволей».
Его схватили, побороли,
Держа за руки, за власы.
«Признай своё безумство, сын, —
Сказал отец, — пойми, что стало:
Не власть, а мощь твоя пропала
Ристать на копьях иль мечах.
Сколь ты ни гневайся в сердцах
И не чини в себе растраву,
Ты сделай то, что мне по нраву,
Тогда поступишь как мудрец.
Что предложу, узнай, юнец.

Дабы смирить упрямый нрав твой,
Коль пожелаешь, днесь и завтра
За этим рыцарем мы сами
Пойдём полями и лесами,
И каждый на коне своём.
В дороге, может быть, найдём
Мы соглашение и выход,
И я тебе позволю прихоть,
Коль пожелаешь, с ним сразиться».
Тот принуждён был согласиться,
Хоть против воли, с комом в горле,
Как тот, кого к стене припёрли.
Условье он поставил тут:
Вдвоём за рыцарем пойдут.
Стал ясен дела оборот,
Все луг заполнили и вот
Толкуют: «Видели ли вы?
О, кто в телеге был, увы,
Того почтили не по чину,
И нашего сеньора сыну
Придётся силе покориться,
Оставив рыцарю девицу.
Он по достоинству поступит,
Коль деву недругу уступит.
Отныне проклят тот стократ,
Кто для него играть не рад!
Вернёмся к играм». И опять
Рондо затеялись плясать.

Отъехать рыцарь не преминул
И луг танцующих покинул.
Девица шла не отставая,
Идти с эскортом не желая.
И оба сильно торопились.
Отец и сын им вслед стремились
Чрез кошенный недавно луг,
Покуда в жаркий полдень вдруг
В красивом месте не нашли
Часовню, там же невдали
Стена и кладбище за нею[39].
Не уподобившись злодею,
Воитель спешился и в храм
Пошёл, чтоб помолиться там.
Девица с поводом в руках
Ждала его при воротах.
Когда закончил он молиться
И поспешил к ней возвратиться,
Монаха пожилого встретил.
Монах же рыцаря приветил.
И рыцарь, ближе подошед,
Послал учтивейший привет,
Спросив, что скрыто за стеной.
И отвечал монах седой:
«Там кладбище». — «Храни вас Боже,
Меня туда сводите». — «Что же,
Свожу охотно, господин».
Он двинулся, вслед паладин.

Вошли на кладбище. Надгробья
Столь дивны там, что им подобья
От Домба до Памплоны нет[40].
На каждом имя как ответ
На то, кому когда-нибудь
Навек здесь суждено уснуть.
И слова вымолвить не в силах,
Читал слова он на могилах:
«Здесь упокоится Гавэйн».
Иль «здесь Лохольт», иль «здесь Ивэйн»[41].
И дальше множество имён
Тех, кто прославлен иль почтён,
Героев лучших и известных
В краях и дальних и окрестных.
Нашёл одну он средь могил
Из мрамора, что свежим был,
Превосходил красой иные.
Спросил монаха он: «Такие
Могилы эти здесь к чему?»
Монах ответствовал ему:
«Вы эпитафии читали,
И если их вы разобрали,
Тогда поймёте без сомненья
И смысл их и могил значенье».
«А та, величественней всех,
К чему она?» Отшельник рек:
«Я рассказать о ней намерен.
Сей монумент, как я уверен,

Величественней, краше прочих,
Он образец искусства зодчих.
Таких не зрел — ни я, ни кто.
Внутри он краше, но зато
Не смейте даже и мечтать
Его изнанку увидать,
Старались бы безрезультатно.
Семь силачей лишь, вероятно,
Когда бы силу напрягли,
Открыть могилу бы смогли.
Дабы с неё плиту хоть сдвинуть,
Скажу вам, коль умом раскинуть,
Потребно семеро, как раз
Могучей и меня и вас.
На камне надпись я прочту:
«Тот, кто поднять сию плиту
Возможет без труда один,
Спасёт и женщин и мужчин —
Тех пленников страны, отколе
Ни серв, ни знатный из неволи,
Коль он не местный, не спасался.
Никто домой не возвращался
Из пленников, меж тем вольны
Все жители той стороны
Уйти, прийти когда угодно».
Не медлил рыцарь: он свободно
Схватил, поднял плиту могилы,
Не прилагая даже силы.

Десятерых бы посрамил —
Их силе вызов брошен был.
Монах дивился, и настолько,
1928 Что чуть не пал без чувств, как только
Невиданное увидал,
Поскольку он не ожидал
Увидеть то, что, право, чудно.
1932 «Сеньор, — сказал, — а вам нетрудно
Желанье выполнить моё
И имя мне назвать своё?»
И рыцарь: «Нет, смогу едва ль».
1936 Монах на это: «Очень жаль.
Вы б куртуазно поступили,
Когда бы имя мне открыли.
Вас были б наградить готовы.
1940 Но из какой страны и кто вы?»
«Я рыцарь, как заметно вам,
Из королевства Логр я сам.
Вам знать достаточно и то.
1944 Теперь прошу, скажите, кто
Здесь упокоится навеки?»
«Сеньор, — освободитель некий
Тех, кто томится взаперти
1948 В стране, откуда не уйти».
Едва отшельник речь кончает,
Его воитель поручает
Предвечному и всем святым
1952 И, быстро попрощавшись с ним,

Спешит к попутчице назад.
Была девица возле врат,
Седой монах стоял при ней.
Они — в дорогу поскорей.
Пока она в седло садилась,
Всё, что на кладбище случилось,
Монах успел ей рассказать.
Он имя рыцаря назвать
Просил, коль ей оно известно,
И так настаивал, что честно
Ответила девица «нет»,
Мол, тем не мене не секрет,
Что нет ему подобных в мире,
Где ветра властвует четыре.
На том она простилась с ним,
Спеша за спутником своим.
Те двое, ехавшие вслед,
Достигли церкви, там нашед
Лишь одного того монаха.
Отец, на ком без лат рубаха,
Спросил: «Сеньор, не проезжал
Здесь рыцарь, что сопровождал
Девицу? Расскажите нам».
Монах ответил: «Передам
Всё, что здесь было, вам исправно.
Они уехали недавно.
И рыцарь этот неизвестный
Здесь подвиг совершил чудесный,

Сумев один и не в поту
Могилы мраморной плиту
Поднять. Освободить готов
Он королеву из оков
И с нею вызволит успешно
И прочих узников, конечно.
Но это новость ли для вас,
Который надпись много раз
На мраморной плите читал,
Что не рождался и не знал
Седла ещё подобный воин,
Что был бы рыцаря достоин?»
Тут старый рыцарь сыну молвил:
«Ты слышал? Кто сие исполнил,
Не исключительно ль силён?
Теперь понять ты принуждён,
Кто, я иль ты, свершил ошибку.
Я б не дозволил вашу сшибку
И ради города Амьена[42].
А ты противился надменно
И не внимал моим советам.
Вернуться следует при этом,
Иначе глупость совершим,
Коль вслед им снова поспешим».
И тот ответил: «Я согласен.
За ними путь теперь напрасен.
Раз вы хотите, повернём».
И мудрость выказал он в том.

Девица ехала всё время
Близ паладина стремя в стремя,
Ведь с ним поладить ей хотелось
И вызнать имя не терпелось.
Его назваться умоляла,
Неоднократно призывала,
Пока не молвил он, смягчась:
«Иль я утаивал от вас?
Мой дом — Артурова держава.
Во имя веры в Бога, право,
Вам имя не скажу своё».
И с просьбой отпустить её
Она сворачивает вспять.
Он и не думал возражать.
Девица сразу скрылась прочь.
Пока не наступила ночь,
Скакал без спутницы воитель
И в повечерие увидел
(Путь продолжал он в эту пору),
Как рыцарь выехал из бора,
Где он охотился пред тем.
К седлу был пришнурован шлем
И мясо дичи, что дотоле
Добыто было Божьей волей.
Под ним был конь дородный пегий.
Представ пред Рыцарем телеги,
Вассал привет ему изрек[43],
Позвав учтиво на ночлег.

«О господин, ночь наготове.
Сейчас задуматься о крове
Уже приспело, в самом деле.
В мой дом недалеко отселе
Сопровожу вас сей же час.
Радушнее не примут вас,
Вы там всё лучшее найдёте.
Я буду счастлив, коль пойдёте».
«Взаимно», — отвечает тот.
Вассал немедля сына шлёт,
Чтоб, прежде очутившись дома,
Всё приготовил для приёма
И ужин им поторопил.
Сей паж охотно поспешил
Исполнить отчее веленье,
С готовностью, без промедленья
Он на коне вперёд стремится.
Кому не нужно торопиться,
Те продолжали путь, пока
Не добрались до очага.
Вассала этого жена
Была любезна и нежна,
Пять сыновей, любовь отца, —
Пажей там трое, два бойца,
И дочери — две чаровницы,
Ещё не замужем девицы.
Все, родом не из этих мест,
Несли здесь узнический крест,

В неволе проводили дни
Уж время долгое; они
Родились в королевстве Логр[44].
Вассал учтиво на порог
Чрез двор свой рыцаря приводит.
Навстречу дама к ним выходит,
С ней дочери и сыновья.
К услугам гостя вся семья.
Слезть помогают, привечают,
А их хозяин не взирает
На дочек и сынов своих,
Ведь было ясно всем, что их
Отец желает, гостю чтобы
Приём оказан был особый.
Оружье приняли и шлем,
И дочь хозяина меж тем
Сняла свою накидку с плеч,
Чтоб рыцаря в неё облечь[45].
А ладно ль подавали ужин,
Об этом вовсе сказ не нужен.
Когда отужинали, то
Не воспротивился никто
Тому, чтобы потолковать.
Вассал вопросы задавать
Стал гостю своему, пытая,
Кто он и из какого края,
Но как зовут, он не спросил.
Ответить рыцарь поспешил:

«Из королевства Логр я родом,
А здесь впервые, мимоходом».
Вассал ответом поражён,
Он и взволнован и смущён,
А с ним и дети, и жена.
Все ощутили скорбь сполна
И так промолвили в кручине:
«Сеньор, несчастны вы отныне.
В своей столь горестной юдоли
Вы ссылку с рабскою неволей,
Как мы, здесь примете, увы!»
Он их спросил: «Откуда вы?»
«Сеньор, из ваших же краёв.
Здесь много ваших земляков
В плену, достойнейших людей.
Будь проклят и обычай сей,
И тот, кто оный соблюдает[46].
Никто из пришлых не желает,
Однажды забредя сюда,
В стране остаться навсегда!
В страну открыта всем стезя,
Но не остаться в ней нельзя.
Произойдёт и с вами то же —
Не выйдете отсюда тоже».
«Уйду, во что бы то ни стало».
И был такой ответ вассала:
«Как? Вы уверены вполне?»
«О да. Коль Бог поможет мне,

Чтоб победить, свершу я труд».
«Тогда и прочие уйдут
Без страха, и беда их минет.
Ведь если хоть один покинет
Темницу эту полноправно,
Все остальные и подавно
Отселе выйдут без препон».
И тут вассал был принуждён
Припомнить вдруг рассказ один
О том, как храбрый паладин
Проникнет силою в страну
За королевой, что в плену
У принца, у Мелеагана:
«Как вижу я, здесь нет обмана,
Он — это он. Ему скажу».
И молвил: «Вас, мессир, прошу,
Своей задумки не скрывайте.
Я лучшие советы, знайте,
Взамен вам искренне подам.
И буду в выигрыше сам,
Лишь если вы свершите дело.
Вы мне откройте правду смело,
Свобода многих на кону.
Уверен, вы пришли в страну,
Чтоб королеве дать свободу,
К сему неверному народу,
Который хуже сарацин»[47].
Ему ответил паладин:

«Иного не ищу совсем.
Где держат пленницу не вем,
Но вызволить намереваюсь.
В советах очень я нуждаюсь,
Вы мне их дайте, коль возможно».
Второй же: «О, дорогой сложной
Вы вознамерились идти.
Она вас сможет привести
К Мосту Меча, но надо вам
Серьёзно внять моим словам:
Поверив мне, придёте прямо
Дорогою надёжной самой
К Мосту Меча в конце концов.
Туда вас проводить готов».
Кратчайший путь найти желая,
Спросил воитель: «Та, другая,
Пряма ли, как сия дорога?»
Другой ответил: «Нет, намного
Она длинней, но только так
Надёжней». Он же: «То пустяк;
Но объясните всё подробней,
Мне тем путём пойти удобней».
«Вы на него не попадёте,
Ведь если вы сюда пойдёте,
К проходу путь вас приведёт.
Чреват опасностью проход,
Что Каменным зовёт молва[48].
Хотите, расскажу сперва

О страшных сложностях прохода?
Там и коню не будет хода,
Бок о бок двое не пройдут.
Проход сей зорко стерегут,
Он денно, нощно защищён.
Вам будет доступ преграждён
На путь, что ляжет перед вами.
Разят там копьями, мечами,
И вам придется попотеть,
Дабы его преодолеть».
Когда рассказ он завершил,
Явился рыцарь, это был
Один из сыновей вассала,
«Коль вы желаете, — сказал он, —
Сеньора проведу туда».
И паж, поднявшись, рек тогда:
«И мне пойти позвольте с ним».
Отец с охотою двоим
Своё согласие даёт.
Так рыцарь не один пойдёт.
Благодарит их за услугу,
Ведь рад он был такому кругу.
Беседа подошла к концу,
Покой отводят удальцу,
Где спал он, ведь устал немало.
Как только небо просияло,
Он сразу встал, и то узрел
Тот, кто с ним ехать захотел.

С постелей радостно вскочили,
Едва их в латы облачили,
Они тотчас пустились в путь.
Паж впереди был; и ничуть
С дороги все не отступали,
На Каменный проход попали
В урочный час[49] и прямиком.
Там в центре пост был, а на нём
Всегда дозорные блюли.
Они едва ли подошли.
Тот, кто в бойнице пребывал,
Увидев их, подал сигнал:
«Враги, враги идут!» И вмиг,
Откуда ни возьмись, возник
Вблизи бойницы рыцарь конный,
В броне, отлично снаряжённый.
Оруженосца два при нём,
И всяк с секирою притом.
Лишь рыцарь на проход взошёл,
Его укором уколол
За ту телегу стражник грубо:
«Вассал, ты поступаешь глупо, —
Сказал он. — Дурень, ты дерзишь,
Раз так войти к нам норовишь!
Запретен путь от этой вехи
Тому, кто побывал в телеге.
Бог от телег тебя храни!»
Тут сшиблись яростно они,

Как позволял коней их раж.
Прохода Каменного страж
Копьём нанёс удар свирепый,
И разлетелось древко в щепы.
Его же в шею поразил
Противник. Щит тот обронил
И вверх тормашками слетел,
На камни пав. И не у дел
Секироносцы не остались,
Но биться с ним и не пытались,
Ведь не желали зла отнюдь
Ни паладину, ни коню[50].
И рыцарь понял без труда,
Что не хотят ему вреда
И зла ему не причинят.
Он и не вытащил булат
И путь продолжил, слов не тратя,
А двое спутников шли сзади.
Один из них сказал другому,
Что равных рыцарю такому
Не знает, что его отваги
Не в том ли явственные знаки,
Что он преодолел проход?
Он брату младшему речёт:
«Во имя Бога, брат мой милый,
Вернись к отцу, собрав все силы,
Скажи, что сделал спутник наш».
Но возразил на это паж,

Мол, ни на что не согласится,
От рыцаря не отлучится,
Пока его тот не почтит
И в рыцари не посвятит.
И, мол, пускай брат сам хлопочет,
Раз новость сообщить он хочет.
Итак, все трое не скучали,
И три часа почти промчали.
Предстал им человек тогда,
Спросил он, кто они, куда.
«Мы рыцари, — те молвят дружно, —
Идём туда, куда нам нужно».
А встречный рыцарю сказал:
«Сеньор, я б дать приют желал
И вам, и спутникам». К тому
Он обратился, кто ему
Сеньором прочих двух казался.
«Нетрудно, — рыцарь отозвался, —
Приют какой-нибудь найти,
Но трус лишь мешкает в пути,
Не дея всё во имя дела,
За кое он уж взялся смело.
Моё же дело — нет огромней,
И до привала далеко мне».
А тот настаивал упрямо:
«Мой дом не близко. Скажем прямо,
Отсюда он весьма далёк.
Туда отправьтесь, помня впрок,

Что вас там примут в час урочный,
Придёте же порой полночной».
«Тогда я с вами», — рыцарь рек.
Поехал первым человек,
Чтоб путь указывать троим,
Что шли по тракту вслед за ним.
Уйти уж далеко успели,
Как вдруг конюшего узрели,
Что мчал галопом превосходным
Верхом на скакуне дородном
И гладком, словно яблонь плод.
И человеку крикнул тот:
«Мессир, поторопиться время!
Днесь ополчилось Логра племя
На обитателей сих мест.
Войну затеяли окрест,
Вскипают мятежом и смутой
И молвят, что в стране как будто
Уж появился тот воитель,
Который всюду победитель,
Которому не запретишь
Ходить, куда захочет лишь,
И над вражиной править суд.
Все молвят, что намерен тут
Он справедливость и свободу
Восстановить всем нам в угоду[51].
Спешите же», — конюший рек.
Коня пришпорил человек.

Другие радовались вместе,
Всё было ясно им в том жесте.
Помочь друзьям желали все,
И сын вассала молвил се:
«Сеньор, внемлите же — и будем
Спешить на помощь нашим людям,
Что там уж подняли мечи».
А тут возьми и поскачи
Тот человек в мгновенье ока
К недальней крепости высокой,
Что выдавалась над холмом.
Он мчится к входу прямиком,
Те следом шпорят скакунов.
Стена высокая и ров
Сию твердыню защищали.
И как в неё они попали,
Так впрямь за спинами у них
Дверь опустили в сей же миг,
Назад им перекрыв дорогу.
«Вперёд же! Коль угодно Богу,
Нас не задержат здесь ничем».
И вслед за человеком тем
Направились к двери другой.
Здесь нет препоны никакой,
Но только вышел тот за стены,
Вдруг позади него мгновенно
Упала подвесная дверь.
Все опечалились теперь,

Поняв, что в западне, к несчастью,
Под некой колдовскою властью.
Но тот, о ком рассказ ведём,
Носил кольцо и камень в нём,
Чудесное имевший свойство —
Все чары он вводил в расстройство,
Лишь на него взглянуть. И сразу
Кольцо подносит рыцарь к глазу
И говорит, на камень глядя:
«О дама, дама, Бога ради,
Нуждаюсь в вас, без вас невмочь,
Коль захотите мне помочь».
Та дама — фея[52] — против чар
Ему кольцо вручила в дар,
Ведь ею был воспитан он.
Теперь он твёрдо убеждён,
Что от неё придёт спасенье,
Где б ни был он. И тем не мене,
Воззвав к защитнице своей,
По камню понял рыцарь сей,
Что колдовство тут ни при чём,
И очевидно, что втроём
Заточены в плену теперь.
Но видят: потайная дверь,
Узка, низка и на засове.
Тотчас мечи их наготове
И враз разят. Удар таков,
Что спал разрубленный засов.

Но лишь они достигли воли,
Увидели за башней, в поле,
Вскипает бой, горяч, суров,
И в нём по тысяче бойцов
От тех и тех, коль не считать
Бессчётных негодяев рать.
Сошли они на луг зелёный,
И не по летам искушённый
Вассала сын сказал тогда:
«Пред тем как броситься туда,
Пойти и вызнать не умно ли,
С какой же стороны на поле
Все те, которые друзья?
А где они, не знаю я,
Но посмотрю, коль вы хотите».
Герой ему: «Хочу, идите
И возвращайтесь сей же час!»
Пошёл, и сразу возвратясь,
«Хвала фортуне! — молвил он.—
Я подтвержу, ведь убежден,
Что те, кто ближе, это наши».
И рыцарь бросился тогда же,
Без промедленья в бой вступив.
И вышел рыцарь супротив.
Его он в грудь разит — и так,
Что замертво свалился враг.
Забрал коня его тогда ж
Поспешно спешившийся паж.

Вдобавок взял его доспехи,
Надел их смело без помехи,
И на коня взобрался он,
Щитом, копьём вооружён.
Копьё украшено хитро.
Он меч повесил на бедро,
Сверкает лезвие, лучит.
И так он в бой стрелою мчит
Вослед за братом и сеньором.
Последний, как отрада взорам,
В горячей этой схватке кружит,
Он колет, бьёт и напрочь рушит
Щитов, кольчуг и шлемов сто.
Железо, дерево — ничто,
Они сражённым не защита,
Им пасть под конские копыта.
А он, един и бесподобен,
Был всех их простереть способен.
Смогли и те, кто с ним, в бою
Отвагу доказать свою.
Но люди Логра диву дались:
Его не знали и пытались
Всё вызнать у вассала сына.
Вопросов сыпалась лавина,
И им ответили: «Сеньоры,
Сие спаситель наш, который
Избавит всех нас от невзгод,
От коих долго терпим гнёт.

У нас он должен быть в чести,
Ведь он пред тем, как всех спасти,
Преодолел, преодолеет
Без счёта мест, где смертью веет,
Но больше сделать нужно впредь».
Тут все обрадовались, ведь
Благую новость услыхали
И безгранично ликовали.
Когда распространилась весть,
Ведь всяк спешил её донесть,
Внимали ей, всё знать желая.
И эта радость неземная
Их пыл умножила в сердцах
Врагам бесчисленным на страх.
И если труд их был не зря,
То, верю, лишь благодаря
Заслугам одного, не их,
Всех вместе взятых остальных.
Когда бы сумрак не сгустился,
Их враг бы в бегство обратился,
Но в наступившей темноте
Прервали бой и те и те[53].
И пленники перед дорогой,
Как бы из надобности строгой,
Обстали рыцаря того,
Взяв за узду коня его.
Был каждый на учтивость скор:
«Добро пожаловать, сеньор»,

Иль так: «Порукой честь моя,
Достоин вас принять лишь я.
Во имя Господа, иного
Не посещайте, сударь, крова».
То повторяли друг за другом,
Ведь всяк хотел ему быть другом.
Наперебой и стар и млад
«Вам было лучше бы, — твердят, —
В моем жилище, не в ином».
Стоял там каждый на своём,
И ссоры были не однажды,
Принять его стремился каждый,
Вплоть до того, что взять руками.
А он сказал им: «Между вами
Все ссоры глупы и ничтожны,
Их прекратите, если можно.
Ни вам, ни мне в них пользы нет,
Искать их — только делу вред.
Друг другу помогать разумно,
А вовсе здесь не спорить шумно,
К кому пойду я ночевать.
Вам бы сперва поразмышлять,
Где приютить меня с почётом,
Чтоб всем был прок, конечным счётом,
И чтоб не сбился я с пути».
Но продолжали спор вести:
«Ко мне домой!» «О нет, ко мне же!»
«Я вижу в вас безумства те же, —

Сказал им рыцарь, наконец, —
Мудрейший среди вас — глупец,
Раз бредни эти мне слышны.
Мне помогать в пути должны,
А вы чините только ковы.
Когда б все были вы готовы
Всяк в свой черёд мне угодить
И честь воздать, и услужить
Как только можно, даже ради
Святых, что чтятся в Риме-граде,
Я б лучших здесь нашёл навряд,
Кого бы был восславить рад
За явленный приязни знак.
Пусть Бог не даст мне здравья, благ,
Коль ваши не ценю стремленья.
И пусть благие побужденья
Все приравняются к свершеньям.
Хвала всем вашим помышленьям!»
Ответом всяк доволен был
И проводить его спешил
В дом рыцаря, что жил с достатком,
А путь туда весьма был кратким.
Ему являли уваженье,
И радость, и расположенье
Весь этот вечер, вплоть до сна,
Ведь он сердца пленил сполна.
В момент отъезда новым днём
Стремился каждый быть при нём,

В пути услуги предлагая.
Он отказался, не желая
Чтоб кто-либо поехал с ним,
Но исключенье дал двоим,
Которые с ним шли дотоле,
И никого не взял он боле.
До самой вечери они
Скакали целый день одни
Без приключений через бор.
Гоня коней во весь опор,
В час поздний выбрались из бора.
Дом на опушке видят скоро.
В том доме рыцарь жил с женою,
Любезной с виду госпожою,
Сидевшей около ворот.
Заметив их, она встаёт,
Чтоб их приветствовать, и мило
Лицо улыбка озарила.
«Добро пожаловать, прошу,
Гостеприимство предложу,
Останьтесь здесь, с коней сойдите».
«О госпожа, раз вы велите,
Мы спешимся, благодарим,
И нам ночлег необходим».
Все спешились, и дамой сей
Повелено принять коней.
Она здесь властью обладала.
И дочек, сыновей призвала.

Они явились, куртуазны,
Все как один благообразны,
Девицы рыцарям под стать.
Одним велела сёдла снять,
Скребницей вычистить коней.
Никто не прекословил ей,
Всё, что велела, выполняли.
Велела, чтоб доспехи сняли —
Исполнить дочери бегут.
С них сняв доспехи, им дают
Плащи короткие, служа.
Затем ведёт их госпожа
В дом (он красой чарует взор),
Но в нём отсутствовал сеньор,
В лесу он занят был делами
С двумя своими сыновьями.
Он возвратился, и — пример
Безукоризненных манер —
Хозяйка встретила сеньора.
Ту дичь, что он принёс из бора,
Как только дети разложили,
Отцу немедля сообщили:
«Сеньор, не знаете, сейчас
Три рыцаря в гостях у нас».
«Почтим же Господа хвалами!» —
Сказал и вместе с сыновьями
Гостям обрадовался он.
Хозяйке медлить не резон,

И все готовы вплоть до млада
Служить гостям своим как надо:
Одни готовить ужин стали,
Другие свечи расставляли,
Те вспыхнули, едва зажгли.
Им полотенце принесли,
Для омовенья дланей воду,
Ведь не скупились им в угоду.
К столу направились потом.
В гостеприимном доме том
Они оставили тревогу.
Лишь ужин начали, к порогу
Подъехал рыцарь в мгле вечерней,
Быка он был высокомерней,
Быка, чья всем известна спесь.
Явился он в доспехах весь
На боевом коне в то время.
Одной ногой упёрся в стремя,
Другую вскинул, чтоб держаться
И элегантнее казаться,
Коню на шею с чудной гривой.
Так он предстал им горделиво,
Но даже не замечен был,
Пока к столу не подступил,
Сказав: «Узреть бы гордеца,
Того безумца-удальца,
Ум у кого настолько скверен,
Что он, придя в страну, намерен

Преодолеть здесь Мост Меча!
Ты труд предпринял сгоряча,
Вотще не шёл дорогой верной».
2600 Тот, оскорблённый непомерно,
Не потеряв спокойный вид,
«Преодолею», — говорит.
«Ты?! Ты осмелишься, ужели?!
2604 Ты бы подумал, в самом деле,
Пред тем, как на сие пойти,
О всех последствиях пути,
О том, к чему придёшь ты эдак.
2608 Телегу б вспомнил напоследок.
Взобрался ты в неё тогда,
Не знаю, много ли стыда
Познал, проехавшись в телеге.
2612 Но коль есть разум в человеке,
Решиться б он на то не мог,
Коль в том бы выслушал упрёк».
Тот, кто внимал словам его,
2616 В ответ не молвил ничего,
Но у хозяина с семьёй
Причины были речи той
Дивиться искренне, внимая.
2620 «Мой Бог, невзгода-то какая! —
Так молвил каждый сам себе, —
Будь проклят час в его судьбе,
Когда в телегу вздумал сесть он —
2624 Поступок низок и бесчестен.

Мой Бог, почто в том обвинён,
Почто в телеге ехал он?
За грех какой, за преступленье?
Не смыть такое обвиненье.
Коль не чернить его б тем пятнам,
И в целом мире необъятном
Мы не нашли бы никого
Храбрей, достойнее его
И столь прославленных к тому ж.
Возьми всех рыцарей, сей муж
Всех благородней и прекрасней,
Когда о нём твердят не басни».
Сей думой каждый озабочен,
Другой же рыцарь гордо очень
В то время начал речь такую:
«Послушай, рыцарь, что́ толкую.
К Мосту Меча ты держишь путь.
Коль хочешь, не трудясь ничуть,
Преодолеешь без хлопот —
Переплывёшь по глади вод
На лодке быстро. Посему
С тебя я плату изыму,
Что я за переправу ставлю —
Тебя тотчас же обезглавлю.
А нет, так всё в моей ты власти».
И тот ответил, что несчастий
И гибели не ищет он,
Не ставит голову на кон

В опасном приключенье этом.
И не замедлил тот с ответом:
«Раз ты не принял предложенье,
Посмотрим, кто от соглашенья
Потерпит горе и позор.
Сразиться выходи на двор».
Другой сказал, войдя в игру:
«Не откажусь, но не совру,
Что отказался бы с охотой.
Уж лучше драться, чем на что-то
Гораздо худшее поддаться».
Но прежде, нежели подняться
Из-за стола, где он сидел,
Пажам он строго повелел
Седлать коня его мгновеньем
И побежать за снаряженьем.
И вот запыхались пажи,
Всё исполняя от души:
Одни оружие несли,
Другие скакуна вели.
И знайте, что ни у кого
При виде рыцаря того
С оружьем, в полном снаряженье,
Сжимавшего щита крепленья,
Когда он ставил ногу в стремя,
Сомнений не было в то время,
Что равных нет ему в красе.
Напротив, восхищались все

Конём, что так под ним блистает,
Щитом, который он сжимает
Рукою за ремень. Меж тем
На нём был зашнурован шлем,
Что пригнан так, как будто он
В том шлеме был на свет рождён
И вырос с ним. Прошу вполне
Во всём сейчас поверить мне.
Пред замком на лугу стоял
Тот, кто сражаться пожелал,
Назначив бой в средине луга.
Противники, узрев друг друга,
На сшибку ринулись стремглав,
Жестокий, быстрый бой начав.
Ударом копий обменялись,
Согнулись копья и сломались,
С искреньем разлетелись в щепки.
У них щиты и шлемы крепки,
Кольчуги прочны и клинки,
Но древка и мечи — в куски,
Осколки ранят, а удары,
И сокрушительны, и яры,
Как оговоренная мзда[54].
Но часто их мечи тогда
Разили в крупы скакунов,
И кровь текла у тех с боков,
Поскольку наносились раны.
Вот пали кони бездыханны.

Низверглись кони; седоки
Скрестили, пешие, клинки.
Сражаясь насмерть что есть сил,
Удары каждый наносил.
Они сражались всё свирепей
И с пылом большим, чем в вертепе
Безумец, что сорит денье,
В игры азартной западне
Ища богатств, но их теряя.
Игра их вовсе не такая,
Здесь не дозволена ошибка.
Лишь в цель удары их, и сшибка
Всё горячее, всё лютей.
Уж собралась толпа людей:
Хозяин, с ним жена и дети.
Там были все, и те, и эти,
Из тех, кто в доме был дотоле.
Все по порядку встали в поле,
Дабы следить за схваткой их
Среди просторов луговых.
Тот, кто телегу испытал,
Себя вдруг слабым посчитал,
Увидев, что хозяин — зритель.
И понял хорошо воитель,
Что все с него очей не сводят.
Он в дрожь от ярости приходит,
Поскольку чувствует в душе,
Что должен был давно уже

Сего противника сломить.
Тогда его он стал теснить,
По голове мечом разя.
Обрушился он, как гроза,
И наступал, всё оттесняя,
Его тем самым заставляя
Назад всё время отступать.
И тот уже не мог дышать,
Сопротивляться мог едва ли.
Тут рыцарь вспомнил, как вначале
Был враг его надменный зол,
Как за телегу уколол.
И атакует он стремглав,
Вмиг шлема перевязь порвав
С кольчужными ремнями вместе[55].
Срывает шлем с него из мести,
На землю под ноги бросая,
Врага на муки обрекая:
Тому лишь милости просить.
Как жаворонку не сломить
Атаку кобчика лихого,
Не знать спасительного крова,
Ведь тот нагонит всё равно,
Так посрамлённому одно —
Молить о милости придётся,
Раз лучшего не остаётся.
Услышал рыцарь сей призыв,
Удары, натиск прекратив,

Он молвит: «Хочешь, не обижу?»
«Вы человек разумный, вижу,
Я, как комический герой[56],
Скажу, что этою порой
Всего желанней мне пощада».
На это рыцарь: «Только надо
Тебе в телегу сесть сперва.
Излишни для меня слова
О том, что будет, коль случится,
Что ты откажешься садиться.
Твой рот безумство подтвердил,
Когда ты в том меня корил».
Второй ответил: «Дай же, Боже,
Чтоб я не сел в телегу всё же!»
«Раз так, — ответил тот, — умрёшь».
«Убейте, сударь, лучше всё ж.
Молю во имя Бога вас
О милосердии сейчас,
Чтоб я в телегу не садился.
Я на любой бы согласился
Лихой исход, лишь не на то.
Я лучше умер бы раз сто,
Чем вынести подобный срам.
Не требовать иного вам,
Его не принял бы сейчас же,
Пусть как залог прощенья даже».
Так он взывал, а между тем
Средь луга вдруг предстала всем

На рыжем муле молодица.
Мул быстрой иноходью мчится,
Растрепана и налегке,
Она сжимает плеть в руке,
Стегает мула по хребту.
И конь такую быстроту,
Скача, развить бы не дерзнул,
Как этот иноходец-мул.
Девица Рыцарю телеги
Вскричала: «Упивайся в неге,
Триумф Господь тебе дарует,
Пусть сердце в радости ликует!»
Тот с удовольствием ей внял,
«Благослови вас Бог, — сказал, —
Даруй вам здравье, дни благие».
А та: «О рыцарь, издали я
К тебе приехала сюда,
А привела меня нужда.
О даре попросить хочу,
Взамен тебе я отплачу
По мере сил достойной мздою,
Тебе грядущею порою
Понадобится помощь, верь»[57].
И он: «Поведайте теперь,
Чего хотите, коль могу,
Я всё исполню, помогу,
Лишь только бед бы не навлечь».
«О голове ведётся речь

Того, кто побеждён тобою.
Ты ввек не встретишься, не скрою,
С изменником подлей, чем он.
Не будет грех тобой свершён,
Напротив, будешь милостив,
Главы предателя лишив,
Ведь в мире нет его гнусней».
Поверженный при речи сей,
Что смертью для него чревата,
Вскричал: «Не верьте бесноватой!
Возненавидела меня.
Прошу вас, сжальтесь, не казня,
Во имя Сына и Отца,
И матери Своей творца,
Что и раба Ему и дщерь!»
Девица рыцарю: «Не верь.
Внимать предателю негоже,
Пусть даст тебе отраду Боже,
О коей ты и не мечтаешь,
Да милость Господа познаешь
В той миссии, что ты избрал!»
В сомненьях рыцарь пребывал,
В задумчивости медлил он:
Иль подарить ему резон
Главу желающей её,
Иль милосердие своё
Явить тому, кого жалел?
На обе просьбы он хотел

Обоим им ответить разом,
Так Жалость с Щедростью приказом
Ему велели поступить.
Великодушному как быть?
Девица голову возьмёт —
И Жалость, сломлена, падёт,
А не возьмёт её девица —
Мгновенно Щедрость посрамится.
Ловушка, в коей оказались
И Щедрость пленницей, и Жалость,
Ему досадна и зазорна.
Девица требует упорно,
Чтоб он ей голову отдал,
Тот к милосердию взывал
И к жалости в его душе.
Он пощадил его уже,
Так отчего не ведать жалость?
Конечно, прежде не случалось,
Когда, противника сломив,
Врага любого победив,
Коль молят о пощаде сразу,
Такого не было ни разу,
Чтоб он в пощаде дал отказ,
Хотя бы только в первый раз.
И он помилует, бесспорно,
Того, кто молит столь покорно,
Ведь это рыцаря обычай.
А та пребудет ли с добычей?

Да, коль её он сможет дать.
Он молвит: «Рыцарь, ты опять
Со мной померишься в борьбе,
И милость я явлю тебе,
Когда не хочешь умереть.
Тебе позволю шлем надеть,
Вооружиться, чтобы смело
Вновь защитить главу и тело,
Как ты захочешь. Но запомни,
Что примешь смерть, коль суждено мне
Тебя повторно победить».
Другой ответил: «Так и быть,
О лучшем и не попрошу я».
«Тебе я фору дам большую, —
Добавил тот. — Начнём сражаться,
И я не стану отклоняться
От места, где сейчас стою».
Второй готов, они в бою
Сошлись, являя гневный пыл,
Но снова рыцарь победил.
Победа запросто далась,
Ещё быстрей, чем в первый раз.
И тут воскликнула девица:
«Щадить здесь, рыцарь, не годится,
Что ни сулил тебе бы воин,
Ведь он пощады не достоин,
Хоть даже смог бы победить.
Коль вздумаешь его простить,

Не раз тебя предаст, пойми.
Злодею голову сними,
Ведь в королевстве нет подлее.
Сними, мне дай её скорее,
Поступок тем благоразумней,
Что ты, когда отдашь главу мне,
Получишь мзду за эту кровь.
Обманет, если сможет, вновь
Тебя речами рыцарь низкий».
И тот, конец свой видя близкий,
Просить пощады громко стал,
Но втуне голос пропадал
Под стать его реченьям всем.
И рыцарь, взяв его за шлем,
Отсёк ремни, и в то мгновенье
Серебряное обрамленье
Упало с вражьего шелома.
Вскричал отчаяньем гнетомый:
«О, пощади, о, не карай!»
«Не пощажу, сколь ни взывай.
Клянусь душою, что во мне,
Тебе отсрочку дал вполне».
Тот крикнул: «Грех свершите ныне,
Коль внимете моей врагине,
Так умертвив меня, поверьте!»
А жаждущая этой смерти
Настаивала на своём,
Чтоб снял тот голову мечом,

Не слушая его слова.
Удар. Скатилась голова,
И тело на лужайку пало.
При сём девица ликовала[58].
И рыцарь голову поднял,
Взяв за власы её, и дал
Той, что открыто торжествует.
«Пусть сердце и твоё ликует,
Желанной вещью обладая,
Как и моё, ведь обрела я
Столь ненавидимое мной.
Была б в печали я одной,
Что до сих пор он прожил столько.
Я дам тебе награду только,
Когда нужду в ней обретёшь.
Безмерный выигрыш найдёшь
От сей услуги, обещаю.
Теперь уйду и поручаю
Тебя я Богу, да хранит».
Сказав, расстаться с ним спешит,
И Богу вверили друг друга.
Любой, кто посредине луга
За этим боем наблюдал,
Большую радость испытал.
Был каждый преисполнен рвенья
Снять с рыцаря вооруженье,
По мере сил его почтя.
Омыли руки чуть спустя,

Опять за стол решили сесть.
С большой охотой стали есть,
Поскольку радость в них сияла.
Окончив ужин как пристало,
Хозяин гостю своему,
Что ближе всех сидел к нему,
Сказал: «Сюда, сеньор, пришли
Из Логра мы, родной земли,
И ныне мы б хотели, чтобы
Вы встретили почёт особый
И радость с пользой в сей стране,
Деля их с нами наравне.
Ведь нам и прочим всем полезно,
Чтоб честь с удачей повсеместно
В делах сопутствовали вам».
Ответил рыцарь: «Знаю сам».
На этом кончил речь вассал.
Едва хозяин замолчал,
Поднялся сын его тотчас
И рек: «Сеньор, мы ради вас
Пожертвовать готовы лучшим,
Коль поручительство получим,
Что впрямь услуги вам нужны.
И больше ждать мы не должны
От вас такого предложенья.
Мессир, напрасны огорченья,
Что конь ваш пал в недавней схватке,
Здесь кони лучшие в достатке.

Вы наше сделайте своим,
Взамен мы лучшее дадим,
Всё, в чём у вас теперь нужда».
И тот: «Охотно, господа».
И вот постели всем готовы,
И спать легли. Как только новый
Занялся день, они поднялись.
Пока в дорогу собирались,
Устав приличия блюдя,
Простились с дамой, уходя,
С хозяином и всей семьёю.
Одной детали здесь не скрою
(Важна подробность для меня).
Всё дело в том, что на коня,
Который рыцарю в угоду
Был подведён немедля к входу,
Сесть не желал он, потому
То предоставил одному
Из рыцарей, что были с ним,
Сам взял коня его засим.
Так пожелал он в это время.
Как только все вступили в стремя,
Пустились в путь без промедленья,
Но с разрешенья, с одобренья
Хозяина, что им служил
И привечал по мере сил.
Путём прямым коней гоня,
Все трое на закате дня

Узрели Мост Меча заклятый
Перед вечерней в час десятый.
Перед опасным сим мостом
Сошли с коней они втроём
И зрят предательский поток.
Он чёрен, гибелен, глубок,
Так безобразен, что уместно
Прозванье «дьявольская бездна»
Для сей опаснейшей из рек.
И если зверь иль человек
Падёт в поток, погибнет в оном,
Как в море бурном и солёном.
Был через реку мост проложен,
На все другие не похож он,
Подобных не было мостов.
И я заверить вас готов,
Мостов ужасней не бывает.
Он — меч — до белизны сверкает,
Вися над бездной ледяной;
Он крепок, прочен и длиной
В два раза больше, чем копьё.
С концов обоих лезвиё
Прибито было к пню-колоде.
С него не пасть при переходе
Из-за разлома иль провала —
Так прочен мост сей небывалый,
Что груз мог выдержать большой.
Но испугались всей душой

Те два, что с рыцарем пришли,
Едва увидели вдали
Двух львов иль леопардов злых,
Цепь к камню приковала их
Опоры, что в конце моста.
И меч, как мост, и бездна та,
И пара львов их так пугали,
Что в дрожь обоих повергали.
И те: «Мессир, совет примите
По поводу того, что зрите,
Необходим здесь наш совет.
Мост пригнан так, что хуже нет,
Обтёсан также не ахти.
Сейчас же не свернув с пути,
Вам поздно будет отступаться.
Резон на что-либо решаться,
Лишь помня о конечном счёте,
И если реку перейдёте —
Что невозможно, мнится нам,
Как помешать реветь ветрам,
Как птицам пенье запретить
Иль чадо в чрево возвратить,
Чтоб снова повторились роды,
Как вычерпать морские воды —
Так невозможно то, увы.
Ещё представьте: это львы,
И каждый дик и разъярён.
Прикованные с двух сторон,

Они тотчас вас уничтожат,
И выпьют кровь, и мясо сгложут,
Костей и то не пощадят!
Уже на них нам бросить взгляд,
И это требует отваги.
Подумайте о вашем благе,
Иначе вас они убьют
И непременно разорвут
Все члены тела на куски,
Не пощадят вас их клыки.
Себя должны вы пожалеть
И с нами оставаться впредь.
Вы будете виновны, коли
Здесь предадитесь доброй волей
Ужасной смерти неизбежной».
Тот улыбнулся безмятежно:
«Сеньоры, вас благодарю,
Тревогу ту, что в вас я зрю,
Вам дружба с верностью внушили,
Я знаю: вы б не погрешили,
Мне не желали бы беды.
Надежда с верою тверды —
Господь хранит меня всегда.
Мне мост не страшен и вода,
Как и весь край суровый, лютый.
Рискнуть готов я сей минутой
И чрез пучину эту ринусь.
Скорей умру, чем вспять я двинусь!»

Те слова молвить не могли,
Вздохнув, слёзами изошли,
Как и один, так и второй.
Мост пересечь решил герой
Как можно проще. И нежданно
Повёл себя он очень странно,
Сняв облаченье с рук и ног.
Иначе бы пройти не мог,
Будь, как обычно, оснащён.
Тогда бы удержался он
На том мече острей косы
С руками голыми, босым,
Освобождённым от всего,
Что бы стеснить могло его,
То бишь раздеться не преминув.
И башмаки, и шоссы скинув,
Он вовсе не боялся мук
От всех порезов ног и рук
И предпочёл бы истерзаться,
Чем пасть с моста и оказаться
Поверженным в пучину ту.
С великой болью по мосту
Он шёл вперед, при этом раня
Ступни и голени, и длани.
Вела Любовь и направляла,
Его страданья умаляла.
Он сладость обретал в мученьях,
Полз на руках и на коленях

И встал на берег наконец.
Притом не забывал храбрец
О львах, которых видел вроде
Перед мостом при переходе.
Но посмотрев по сторонам,
Ни ящерки не встретил там,
Ни хищника, что в ужас бросит.
К лицу свою ладонь подносит
И, вглядываясь в перстень свой,
Он львов не видит той порой,
А ведь считал, что видел львов.
Так понял он: всё это ков,
Поскольку ни души кругом.
Те два на берегу другом
Тотчас пришли в восторг, конечно,
Узрев, что тот прошёл успешно,
Им раны зреть не довелось.
Подумал рыцарь: обошлось,
Раз эти раны не глубоки.
Остановил он кровотоки
Своей рубашкою льняной.
И видит башню пред собой.
Внушительней строений он
Ещё не видел испокон,
Чтоб впечатляло так оно.
Стоял, опершись об окно,
Нерослый Бадмагю-правитель.
Добра и чести был ревнитель

Сей государь благочестивый,
Вершил деянья справедливо
В любых условиях сеньор.
А сын отцу наперекор
Всё время действовал упрямо.
Любил нечестье, скажем прямо,
И не отверг бы ни за что
Возможность сподличать, а то
И на измену бы польстился.
Он близ отца облокотился.
Отец и сын внизу узрели,
Как вдоль потока еле-еле
Шёл рыцарь, изнывал от ран.
Тут побледнел Мелеаган,
Предавшись ярости и гневу,
Теперь он понял: королеву
Отнять собрались у него.
Он не боялся никого,
Пусть даже самых сильных, славных;
Он в доблести не знал бы равных,
Не будь злодеем, подлецом.
А сердце каменное в нём
И милосердья ни на йоту.
Что в короле родит заботу,
То в сыне разжигает гнев.
Король, воителя узрев,
Отлично понял, что непрост
Сей рыцарь, одолевший мост.

На это бы не мог решиться
Тот, в ком и дремлет и гнездится
Та Трусость, что позор накличет
Скорей, чем Доблесть возвеличит.
И значит, Доблесть тем не мене
Слабее Трусости и Лени,
Ведь проще худа натворить,
Чем благо людям подарить.
Я б толковал об этом дольше,
Но не хотел бы медлить больше,
Не это на уме сейчас.
Я продолжаю свой рассказ,
И каждый выслушать изволь,
Как сына порицал король.
Сказал он: «Мы случайно, да,
Вдвоём с тобой пришли сюда
И у окна здесь очутились,
Но мы душой обогатились,
Увидев подвиг несравненный,
Достойный почестей, бесценный,
Такой, что в толк не взять уму.
Скажи, дивишься ли тому,
Кто совершил сей подвиг истый?
С ним поскорее примирись ты
И королеву возврати.
Сразившись с ним, не обрести,
А потерять всё можно, знай.
Дань куртуазности воздай,

Вели: пусть королева выйдет,
Пока тебя герой не видит.
И привечай, радушья полон,
Чтоб то, зачем сюда пришёл он,
Без препирательства отдать.
Сам знаешь, что идёт спасать
Геньевру он, жену Артура.
Не превратись же в самодура,
Невежам, сын, не уподобься.
Раз к нам явился он, сподобься
С почтением сопроводить,
Радушье по уму явить,
Принять его благообразно,
Миролюбиво, куртуазно.
Кто чтит других, тот чтит себя,
И увенчает честь тебя,
Коль скоро явишь уваженье
Тому, кто в мире, вне сомненья,
Первейшей славой осиян».
И пробурчал Мелеаган:
«Срази Господь, коль это так!»
Забыть Мелеагана как!
Он мнил, что лучший он по праву.
Продолжил он: «Иль вам по нраву,
Чтоб я, сложивши руки, ноги,
Всё дал ему, как раб убогий.
Храни Господь, скорей смогу
Вассалом стать тому врагу,

Чем уступлю я госпожу.
Нет, ни за что, я вам скажу.
Наоборот, с ним меч скрещу я.
Сражаясь, даму защищу я
От всех безумцев, что дерзают
И на неё здесь притязают».
Но на своём стоял король:
«Сын, куртуазным быть изволь,
От сумасбродства отрекись.
Прошу тебя, угомонись,
Ведь знаешь, что за славу примет,
Коль королеву он отнимет,
Едва тебя он одолеет.
Её не даром вожделеет,
А воздаянием за бой,
В том знаки славы мнит герой.
Придя за ней, как я уверен,
Не миром взять её намерен,
А поединком, удалец.
Ты поступил бы как мудрец,
Лишив сражения его.
Ты глуп, мне больно оттого,
Но раз упрямствуешь, не так
Мне мучиться, твой видя крах.
С тобой же худо может статься,
Поскольку рыцарю сражаться
Здесь не с кем, кроме как с тобой.
Ему дарую мир, покой

От имени себя и присных.
Я чужд предательств ненавистных
И подлости не выношу.
Я этого не совершу
Ни для тебя, ни для иного.
Сомнений нет, сдержу то слово,
Что дам я гостю своему:
Нужды ни в чём не знать ему,
Ни в снаряженьи, ни в коне.
Раз уж он в нашей стороне,
Знать, храбр и мужественен он.
Здесь рыцарь будет защищён,
На жизнь его не покусятся,
Лишь ты способен с ним сражаться.
И должен ты уразуметь:
Тебя ему лишь одолеть —
И больше нет ему врагов».
«Я долго слушал вас без слов, —
Мелеаган сказал отцу, —
Вам многословие к лицу,
Но тщетно тратите усердье.
Я не монах, и милосердье
Такое чуждо мне, чтоб думал,
Что честь большую обрету, мол,
Отдав любимую легко.
И это дело далеко
От скорого его решенья.
У всех событий завершенье

Такое будет, что не ждёте.
Пусть примете его в почёте,
И то не повод нам для ссор.
Пусть даже вы, вассалы, двор
Лишитесь мира и покоя,
Всё восприму весьма легко я.
Напротив, то меня устроит:
Ему меня бояться стоит.
Из-за меня не надлежит
Вам делать то, что уличит
Вас в вероломстве, может статься.
Вам любо добряком казаться,
А мне дозвольте злым пребыть».
«Как? Ты не можешь уступить?!»
Мелеаган: «И не желаю».
«Ну что ж, тогда я умолкаю.
Я с ним поговорить спущусь,
Подать совет ему стремлюсь.
Помочь ему угодно мне,
Ведь на его я стороне».
Король покинул свой оплот,
Седлать коня приказ даёт.
Конь боевой и крупный был.
Немедля в стремя он вступил,
Забрав трёх рыцарей и двух
Оруженосцев, верных слуг:
Глядишь, на что-то пригодятся.
Не останавливаясь, мчатся,

Моста достигли, наконец.
Там раны вытирал храбрец,
Сдержать пытался ток багряный.
Король подумал: эти раны
Так просто не уврачевать,
Ждать исцеленья — словно ждать,
Что в море высохнет вода.
С коня он спешился тогда,
И тот, кто получил увечье,
Тотчас пошёл ему навстречу,
Но государя не узнал.
Он тягостную боль скрывал,
Хоть ныли члены нестерпимо,
Держался он, как невредимый.
И государь при виде этом
Спешит почтить его приветом:
«Мессир, — сказал он, — дивно мне,
Раз вижу я, что в сей стране
Вы появились столь нежданно.
Извольте к нам, и, право, странно:
Сей подвиг ваш неповторим,
Мы встарь не зрели и не зрим
Настолько смелого героя,
Чтоб он решился на такое.
Я вас особенно ценю,
Ведь никому иному, мню,
И в мысли это не пришло бы.
Поймите, вам почёт особый,

Я буду к вам лоялен крайне;
Король я, весь подвластен край мне.
Советы вам я предложу,
Любую помощь окажу[59].
Я думаю, что буду прав,
Цель ваших поисков назвав,
Цель — королева, несомненно».
«Мессир, вы правы совершенно,
И здесь я лишь из-за неё».
«Мой друг, чтоб получить её
Придётся пострадать дотоль.
Вы ранены, — сказал король, —
Я вижу: кровь из ран струится,
И не надейтесь, что смягчится
Тот, кто сюда её привёз, —
Вы биться будете всерьёз.
А прежде отдых нужен вам.
Для ваших ран я средство дам —
Затянутся быстрей гораздо.
Мазь трёх Марий зовётся мазь та[60].
Иль средством лучшим полечу,
Коль есть такое, ведь хочу,
Чтоб в здравье были, не в беде вы.
Крепка темница королевы,
С ней нет сближенья никому,
И даже сыну моему,
Что там неволит королеву.
Безумец, предаётся гневу,

И нет гневливца сумасбродней.
Вы мне понравились сегодня,
И дай мне Бог вам угодить,
Необходимым всем снабдить.
Каким бы ни было к тому же
У сына моего оружье,
Такое ж дам, ему на горе.
Под стать коня возьмёте вскоре.
Коль вы не против, вам даю
Защиту крепкую свою,
Чтоб не боялись никого,
За исключением того,
Кто королеву к нам привёз.
Таких не слышали угроз,
Как я грожу родному сыну.
Его изгнал бы на чужбину —
Настолько я предался гневу
За то, что прячет королеву —
Но это сын. Отбросьте страх,
Коль не повергнет вас он в прах,
Мне вопреки не сможет он
Вам нанести ущерб-урон».
Ответил рыцарь: «Сир, спасибо,
Но я напрасно медлю, ибо
Не след мне времени терять.
Мне вовсе не на что пенять,
Ведь нет от ран помех, поймите.
Вы к сыну вашему ведите,

Я лишь с оружием своим
Готов немедля биться с ним,
И нападать, и защищаться».
«Мой друг, вам лучше отлежаться
Пятнадцать дней иль три недели,
Чтоб раны все зажить успели.
Полезен отдых вам теперь
Для восполнения потерь.
И не позволю я вовек,
Не допущу, чтоб человек
В подобной, как у вас, броне
Вступал в сражение при мне».
И рыцарь: «Раз угодно, впрочем,
Забуду об оружье прочем,
Поскольку даже с тем, что есть,
Не уроню в сраженье честь.
Не жалуясь ни на отсрочку,
Ни на какую проволочку.
Но повинуясь вашей воле,
Я жду до завтра и не боле,
А после — втуне разговор,
Не стану ждать я с этих пор».
Король, дав гостю обещанье
Исполнить все его желанья,
Велит вести его в покой
И отдаёт приказ такой:
Чтоб гостю тщательно служили.
Повиноваться поспешили.

Король, мечтая непреложно
Прийти к согласию, коль можно,
Гонца за сыном отослал.
Вновь говорить он с ним желал
Как адвокат и примиритель.
«Сын, примирись с ним, — рек родитель, —
И отмени ваш бой неправый!
Он прибыл к нам не для забавы,
Не чтоб зверей из лука бить,
А чтобы доблесть проявить
И славу приумножить делом.
Но должен отдохнуть он телом,
Как я воочью убедился.
Когда бы мне он покорился,
То месяц-два не стал бы впредь
С тобой сражаться вожделеть,
Как это делал он доселе.
Отдав монархиню, ужели
Считаешь, что утратишь честь?
Не бойся, и пора учесть:
Сие напрасная забота.
Грех отнимать и прятать что-то,
Коль это разуму претит;
Ты б был сегодня же убит
Тем рыцарем. Однако плохи
И руки у него и ноги:
На них порезы, раны сплошь».
«В сей речи толка ни на грош, —

Ответил сын ему надменно, —
Клянусь Петром, что непременно
Отрину все увещеванья.
Достоин я четвертованья,
Бесспорно, раз перечу вам.
Он жаждет славы? Жажду сам!
Почёта ждёт? И я не прочь!
И если биться он охоч,
Я соглашусь стократ охотней». —
«Я вижу, ты всё сумасбродней, —
Сказал король, — последствий жди.
Раз хочешь, завтра же пойди
Ты с этим рыцарем сражаться».
«Пусть впредь мне эдак не терзаться, —
Мелеаган сказал упрямо, —
Сейчас хочу я биться прямо,
Не отлагать на завтра бой.
Взгляните: я ведь сам не свой,
Как никогда мне нынче туго.
Болят глаза — симптом недуга,
Трясётся в лихорадке плоть.
Не обрету до схватки вплоть
Здоровья, радости, услад.
Я ничему уже не рад».
Тут понял Бадмагю прекрасно:
Мольбы, советы — всё напрасно.
Покинул сына, удручён,
И взял коня-красавца он,

Которого с оружьем вместе
Послал достойному сей чести.
Там лекарь был, хирург один,
Столь праведный христианин,
Что преданнее есть едва ли.
Как он умел, не врачевали
Все монпельеские врачи[61].
Лечил он рыцаря в ночи
Как только мог, в великом тщанье —
На то монарха приказанье.
Молва об этом поединке
Всех облетела без заминки,
Баронов, рыцарей и дам
По близлежащим областям.
С краёв, откуда день пути,
Не медлил в те места прийти
И местный люд, и люд нездешний.
Стекаются как можно спешней
Всю эту ночь, и на рассвете,
С восходом солнца, те и эти
Толпой у замка собрались,
Так тесно — не пошевелись.
Наутро встал король с раздумьем
О бое, что считал безумьем,
Он с сыном встретиться хотел.
А тот уже шелом надел,
Который в Пуатье был сделан[62].
Ни мига медлить не хотел он,

О примиренье мысли нет.
Король молил, а сын в ответ
Не слушал ничего упрямо.
На площади, пред башней самой,
Где люди собрались толпой,
Неотвратимый грянет бой,
Как пожелалось королю.
Был рыцарь вызван Бадмагю
И привели его почётно
На площадь, где столпился плотно
Из Логра-королевства люд.
Как музыку органа ждут
В церквах на праздник годовой,
На Троицу иль Рождество,
Как принято обыкновеньем,
Таким бесчисленным скопленьем
Стояло множество людей.
И в протяжение трёх дней,
Одетые во власяницы,
Босые, шли толпой юницы
(Артура край — отчизна им),
Взывали к Богу и святым,
Прося и крепости и сил
Тому, кто биться должен был,
Чтоб дать всем пленникам свободу.
И также горрскому народу
Пришлось молитвы возносить
И слёзно Господа просить

Послать победу их сеньору.
До звона, в утреннюю пору,
Доставили на площадь конных
3552 Противников вооружённых.
В доспехах оба скакуна.
У злочестивца длань сильна,
Отменное телосложенье.
3556 Изысканны в кольчуге звенья,
Ему шелом, а также щит,
Который на груди висит,
Безукоризненно подходят.
3560 Но всё ж противник превосходит,
Врагам и то понятно се.
Мелеагану прочат все
Немного шансов с ним в борьбе.
3564 И вот на площади толпе
Явился государь, который
Настолько не любил раздоры,
Что всех пытался примирить,
3568 Но сына не уговорить.
Рек Бадмагю: «Коней держите
На привязи, не отвяжите,
На башню не взойду пока.
3572 Не будет милость велика,
Коль допустить то промедленье».
Покинув их не без волненья,
Туда отправился король,
3576 Где госпожа его дотоль

Учтивой просьбою вчерашней
Уговорила быть на башне,
Чтоб поединок им открылся.
Он с этой просьбой согласился.
Решив её сопроводить,
Во всём старался угодить,
Почтить её стремился он.
Расположились у окон:
Он вправо отошёл, а влево —
К окну другому — королева.
И множество стояло там
Девиц и куртуазных дам,
И рыцарей — почтенный сбор,
Тем Логр отчизна, этим — Горр.
Там пленных было также много.
В сердцах их пополам с тревогой
Мольбы смешались и проклятья.
Мужи и жёны без изъятья
Взывали к Богу, чтобы Им
Был и поддержан и храним
Спаситель их на поединке.
Бойцы, чтоб не было заминки,
Раздвинули простолюдинов.
Мечи за рукояти вынув,
Держа за крепкие ремни,
Удары нанесли они.
Затем простёрли копья с блеском,
И расщепились древка с треском,

Да так, что щепки ввысь взметнулись.
Тут оба скакуна столкнулись,
Лоб в лоб и грудью в грудь сошлись
3608 Во время, как пересеклись
Мечи противников, их шлемы
С такою силою, что все мы,
Услышав шум хоть издали,
3612 Его бы громом счесть могли.
Ремни, поводья и крепленья,
И остальное снаряженье,
Сколь прочным ни было оно,
3616 Порвались в клочья всё равно.
Бойцы нимало не смутились,
Как только оба приземлились,
Не жалко снаряженья им.
3620 Вскочив мгновением одним,
Схлестнулись вновь без лишних слов
Свирепей пары кабанов.
Друг другу втуне не грозят,
3624 Друг друга яростно разят,
Как те, кто в ненависти слеп.
Был каждый их удар свиреп,
Как видно, промах не знаком им:
3628 Бьют по кольчугам и шеломам.
Из лат кровавый ток бежал,
Один другого поражал
Жестоко, грубо, беспощадно.
3632 Ударов яростных изрядно

Друг другу нанесли они,
Так что попробуй уясни,
Кто в преимуществе пред кем.
Однако было ясно всем,
Что тот, кем мост преодолен,
Ослаблен очень, утомлен.
Покрыт был ранами воитель.
В ошеломленье каждый зритель,
А паче — логрцы, так как зрят,
Что ослабел ударов град.
Так страшно за него народу,
Что уж предвидели невзгоду:
Вот-вот погибнет он от ран,
А победит Мелеаган.
И пленное роптало племя.
Но в башенном окне в то время
Явилась девушка одна.
И молвила себе она,
Что рыцарь не из-за неё
В бою сломил своё копьё,
Не ради всех на бой смотрящих,
Толпой на площади стоящих.
Он подвиг свой, по мненью девы,
Предпринял ради королевы.
И если б ведал, что она
Стоит и смотрит из окна,
Как бьётся раненый и слабый,
В нём сила духа возросла бы.

Узнать бы имя удальца,
Она б окликнула бойца,
Чтоб глянул вверх он поскорей.
И молвит госпоже своей:
«Во имя Господа, мадам,
Во имя нас взываю к вам,
Мне имя рыцаря скажите,
Коль вам известно, сообщите,
Ему помочь тем удалось бы».
И королева ей: «От просьбы,
Которой я сейчас вняла,
Не вижу никакого зла,
Скорей, совсем наоборот.
Сие Озёрный Ланселот[63],
Так он зовётся, сколько помню».
«Мой Бог, как на сердце легко мне,
Как мне отрадно!» — отвечала.
Затем вскочила и вскричала,
Как можно громче возгласив,
И все услышали призыв:
«О Ланселот! лик оберни,
Кто смотрит на тебя, взгляни!»
И Ланселот на этот клик
Оборотил немедля лик,
Увидев над собою ту
Особу, кою, как мечту,
Он видеть вожделел всецело.
Та в башне на скамье сидела.

И рыцарь с этого момента
Недвижно, вроде монумента,
Глаз не сводя с неё одной,
К Мелеагану стал спиной.
Тот в спину рыцаря толкал,
Как только случай выпадал,
Исполнен радости, он мнил,
Что Ланселот лишился сил.
Ликуют Горра уроженцы,
А логрцы, словно отщепенцы,
Едва ли сдерживают стон,
И уж несчастных целый сонм,
В отчаянии без границ,
Пал на колени или ниц.
Тот плачет, этот веселится.
И вновь окликнула девица
Из башни рыцаря того:
«О Ланселот, ах, отчего
Ты поступаешь не на благо?
Доныне мужество с отвагой
Тобой владели. Ныне что?
Не знаю и не верю в то,
Что создавал когда-то Бог
Такого, кто сравниться мог
С тобою честью, славой шумной.
Теперь, как видим, неразумно
Из-за спины ты бой ведёшь,
К врагу лица не повернёшь.

Так повернись и будь бесстрашней,
А взоры упокой на башне,
С неё сводить не должно глаз»[64].
И рыцарь, сам себя стыдясь,
К себе в душе познал презренье,
Ведь понял, что через мгновенье
Падёт и проиграет бой,
Что все поймут само собой.
И вот он отступил нежданно
И оттеснил Мелеагана,
Чтоб тот пред башней оказался.
Но обойдённый попытался
Повторно вырваться вперёд,
Да не позволил Ланселот.
Всей силой тела и меча
Обрушился он сгоряча,
И тот никак не увернулся,
На месте раза три крутнулся
Невольно полным оборотом.
Любовь владела Ланселотом,
В нём храбрость с силой нераздельна
И ненавидит он смертельно
Врага надменного сего,
Что вышел супротив его.
Любовь и ненависть, сплотясь,
(Сильней не знал он отродясь),
Внушили рыцарю бесстрашье.
Похолодело сердце вражье,

Мелеагану бой не шутка,
И чтобы гневались столь жутко,
Ещё не видел он вовек.
Нет, ни единый человек
Его не ранил так, как этот.
Он нападенье, тот же метод,
В ответ пытался применить,
Дабы удары отстранить.
Но Ланселот, и не грозя,
С двойною силою разя,
Пригнал его к стене заветной.
Он предан даме беззаветно
И потому пред башней той
Стоял на месте как влитой,
Ведь отшагни он вправо, влево,
Не мог бы видеть королеву.
Так Ланселот за ходом ход
Мелеагана взад-вперёд
Ведёт, где только пожелает,
И всё ж на месте застывает,
На госпожу направив взор.
На даму смотрит, и костёр
В геройском сердце полыхает,
И ненависть не потухает
По отношению к врагу.
На каждом может он шагу
Разить и гнать его на поле,
А тот влечётся против воли,

Как будто он слепец, хромец.
И видит Бадмагю-отец,
Что сын его в бою слабеет.
Мелеагана он жалеет,
Он всё б уладил, если можно.
Однако королеву должно
Ему для этого просить.
И с ней он начал говорить:
«Мадам, я даровал вам дружбу,
Служил я вам любую службу
С тех пор, как вы в плену моём.
Я и не ведаю о том,
Чего не сделал бы тотчас,
Дабы умилостивить вас.
Мне возвратите долг, поскольку
О милости прошу я только,
Вы отказать мне не должны,
Когда со мною вы дружны.
Мне очевидно, признаю,
Что сын мой побеждён в бою,
Но к жалобе я не взываю,
А об одном лишь умоляю —
Дать Ланселоту пощадить
Того, кого б он мог убить,
Будь лишь на то у вас охота.
Конечно, вас и Ланселота
Он поведеньем огорчил
И милости не заслужил.

Но прекратите бой, молю,
Явите милость к королю.
За сына моего вступитесь.
Поймёте, если согласитесь,
Что мною сделано для вас».
«Сир, вы не встретите отказ.
Я б согласилась, — молвит дама, —
И даже ненавидя прямо
Того, кто мне противен столь.
Вы так внимательны, король,
Что ради вас желаю я,
Чтоб схватка кончилась сия».
Негромко сказанную фразу
Услышали, однако, сразу
Мелеаган и Ланселот.
Тот, кто влюблён, способен тот
Принять тотчас беспрекословно
То, что любимой, безусловно,
Весьма придётся по душе.
И он покорен госпоже,
Ведь любит крепче, чем Пирам[65],
Когда сие под силу нам.
Речь королевы слыша вдруг,
Лишь излетел последний звук
Из уст прекрасных на свободу,
Мол, «я желаю вам в угоду,
Чтоб он удары прекратил»,
На месте Ланселот застыл.

Не тронет он Мелеагана,
Пусть даже смерть грозит иль рана.
Стоит, прикован к даме взглядом,
А тот удары сыплет градом,
Исполнен гнева и стыда,
Поскольку понял он тогда,
Что под чужой защитой он.
И дабы сын был присмирён,
Покинул Бадмагю оплот.
Протиснувшись через народ,
Он так изрек Мелеагану:
«Пристойно ль рыцарскому сану
Разить того, кто не ответит?
Ты так задирист, всяк отметит,
Когда не к месту сей задор.
Определённо видит взор,
Что он сильней и ты повержен».
Мелеаган, в стыде не сдержан,
Ответил королю-отцу:
«Вы уподобились слепцу?
Ни зги не видите, отец.
Вообразит один слепец
То, что не я здесь сильный самый».
«Удостоверь сие, упрямый.
Мне все порукой будут сплошь
И скажут, прав ты или лжёшь,
О правде судят по заслугам».
Сказал и дал веленье слугам

Заставить сына отступить.
И слуги изъявили прыть,
Спеша приказ исполнить рьяно,
Став позади Мелеагана.
А удержать им Ланселота
Невелика была забота.
Не в шутку бы понёс урон,
Ведь не давал отпора он.
И молвил отпрыску король:
«Теперь мириться с ним изволь
И возврати-ка королеву.
Довольно предаваться гневу,
Пора тебе забыть раздор».
«Вы только что сказали вздор
И полный бред, сказать по правде.
Уйдите, бой нам предоставьте,
Не вмешивайтесь в брань постыдно».
Король на это: «Очевидно,
Что Ланселот тебя убьёт,
Коль бой никто ваш не прервёт».
«Меня убьёт он? Возражу,
Скорей победу одержу,
Когда, отец, вы устранитесь.
Позвольте биться нам, уймитесь».
И тот: «Пусть мне поможет Бог,
Все уговоры здесь не впрок».
«Почто же?» — «Потому что я
Не допущу, чтоб спесь твоя

Вела к погибели тебя же.
Безумец лишь, забывшись в раже,
Как ты, свою торопит гибель.
Но как бы ты обижен ни был,
Я от беды тебя спасу,
Ведь смерть твою я не снесу.
Бог не допустит, свято верю.
Как пережить сию потерю?»
Не втуне было уверенье,
И заключили соглашенье.
Мелеаган отцу в угоду
Даст государыне свободу
С одним условьем: Ланселот,
Как только даму обретет,
Оттоль спустя годичный срок
Сразится вновь, подняв клинок
Мелеагана супротив.
Тот согласился. Изъявив
Единодушное согласье,
Все порешили в одночасье:
Король Корнуэлла, Бретани,
Артур узрит сие ристанье,
Что при дворе его случится.
Коль королева согласится
И Ланселот заверит всех,
Что если враг одержит верх,
Монархиня уйдёт с ним в Горр —
И навсегда уж с этих пор.

Одобрен договор такой
И рыцарем и госпожой.
Тогда противников смирили,
Обезоружив, отдалили.
А в Горре был обычай принят:
Лишь кто-то плен страны покинет,
То все избавятся от гнёта.
Благословляют Ланселота,
И вы поверите легко,
Сколь счастье было велико,
Так было и на самом деле.
Все логрцы вмиг повеселели,
Спасителя превознося.
И все воскликнули, гласяː
«Мессир, нам счастье полной чашей,
Едва узнали имя ваше,
Поскольку убедились мы,
Что вскоре выйдем из тюрьмы».
Здесь суматоха началась,
И каждый ринулся, стремясь
К освободителю пробиться,
А тот, кто близ него теснится,
От счастья не находит слов.
И грусть, и радость меж рядов,
Средь ликовавшего народа,
Которому дана свобода.
Мелеагана ж люди хмуры,
Унылы, мрачны и понуры.

Мелеаган в унынье, в горе.
Король покинул площадь вскоре,
И Ланселота не забыл —
Идти с собою пригласил.
Тот с королевой жаждал встречи.
«Что ж, это будет недалече,
Законно просите, друг мой.
И предоставлю сей порой
Вам также сенешаля Кея».
Тот прянул на ноги скорее,
Душой от радости расцвёл.
И Бадмагю его повёл
В просторный зал, куда пришла
Та, что воителя ждала.
Как вежливость повелевала,
Пред Бадмагю она предстала.
Был Ланселот при короле.
И вот с печалью на челе,
Потупив лик, она молчит.
«Мадам, — король ей говорит, —
К вам Ланселот пришёл с визитом.
Вам восхищаться предстоит им».
«Им восхищаться, сир? Нисколько.
Приму визит его — и только»[66].
«Ответ ваш неожидан столь, —
Так куртуазный рек король, —
Вы недовольны? Отчего?
Мала награда для того,

Кто вам служил примерно, честно,
Кто странствовал и повсеместно
Своею жизнью рисковал,
С Мелеаганом воевал
И спас вас ратными трудами
От ненавидимого вами».
«И всё же действовал впустую.
Признаюсь вам, что никакую
Не заслужил награду он».
И рыцарь был ошеломлён,
Но всё ж хранил смиренье с виду.
Как любящий, простил обиду:
«Мадам, хоть боль терплю большую,
Вас ни о чём не вопрошу я».
Он мог бы долго ей пенять,
Но не изволила внимать,
А чтоб усилить скорбь его,
Она, не молвив ничего,
Отправилась в соседний зал,
И тот её сопровождал
Горящим взором до порога,
А было там идти немного,
Ведь рядом комната была.
Мечта его за ней влекла,
Но не дерзнул пойти воитель.
А Сердце, истинный властитель,
В нём было дерзко и сильно,
Идти за ней оно вольно.

Недвижно тело, а глаза
Туманит горькая слеза[67].
И пропустил её король,
Промолвив гостю: «Не чудно ль!
Не понимаю, в чём же дело,
Почто она не захотела
Вас видеть, с вами речь вести?
И будь вы у неё в чести,
Не в этот миг она ушла бы
И выслушала вас хотя бы,
Чего достойны вы вполне.
Известно ль вам, скажите мне,
Какие недоразуменья
Служили поводом презренья?»
«Не ждал такого оборота,
Что дама презрит Ланселота,
Беседой не почтит меня,
Жестокой мукою казня».
Король ему: «Она ошиблась.
С врагом, рискуя жизнью, сшиблись,
Из-за неё вступая в бой.
Идите же сюда, друг мой,
Вас к сенешалю отведу».
И рыцарь: «С радостью пойду».
Вот сенешаль предстал обоим,
И оказавшись пред героем,
Он первый речь к нему повёл,
И рыцарь слышит сей глагол:

«Ты посрамил меня!» — «Ужели
Я посрамил вас, в самом деле?
Скажите», — молвил Ланселот.
«Да, посрамил, — ответил тот, —
Ты совершил с отваги пылом
То, что мне было не по силам».
Король, оставив их двоих,
Покинул комнату в тот миг,
И Ланселот спросил, сильна ль
Та боль, что терпит сенешаль.
И Кей ответствовал: «Безмерно.
Как никогда досель, наверно.
И я давно б уж в мёртвых сгинул,
Когда б король, что зал покинул,
Меня бы не утешил, к счастью,
Как должно дружбе и участью,
Поскольку был меня не чужд.
При нём не знал я вовсе нужд
И не испытывал лишенья:
Всё мне давал без промедленья,
Знал все желания мои.
Но извращал блага сии
Рожденный им Мелеаган.
Злодейства жаждой обуян,
Он слал ко мне врачей, которым
Велел губительным раствором
Мои раненья врачевать,
Дабы во гроб меня вогнать.

Благой отец, а сын предатель!
Король, как истый врачеватель,
На раны клал мне пластырь нужный,
Чтоб исцелился я, недужный,
Как только можно поскорей,
Меж тем как гибели моей
Желал злодей Мелеаган,
Велев снимать повязки с ран,
Чтоб яд на раны налагать.
И я могу предполагать,
Что государь о сем не ведал,
Иначе бы он ходу не дал
Сыновней подлости такой.
Но как он с нашей госпожой
Любезен был, я повествую:
И башню так сторожевую
Не охраняли от набега,
Пожалуй, со времён Ковчега,
Как он её берёг, хранил
И даже сыну возбранил
Он лицезренье сей особы.
И оттого-то жаром злобы
Украдкой проникался тот.
Король ей воздавал почёт
И был её слуга усердный,
Блюститель долга милосердный
По государыни уставу.
Иных арбитров он по праву,

Опричь неё, не знал дотоль.
За это чтил её король,
Платила верностью она.
Но правда ли молва верна,
Что вы ей ненавистны стали
Так, что при всех она едва ли
Вам слово молвила сейчас?»
«Молва верна, заверю вас, —
Не дрогнул голос Ланселота, —
Но, Боже правый, отчего-то
Днесь виноват я перед ней».
Но отчего — не ведал Кей,
Лишь выразил недоуменье.
«Пусть всё решит её воленье, —
Сказал, смирившись, Ланселот, —
Проститься нам пришёл черёд,
Найти Гавэйна нужно мне.
Теперь он в этой же стране.
Я знаю, путь его непрост,
Ведь он избрал Подводный мост».
Затем он комнату покинул
И отпроситься не преминул
У государя в этот путь.
Тот не противился ничуть,
Но те, кого он спас дотоле,
Избавив от тюрьмы-неволи,
Спросили, что́ им предстоит.
«В дорогу,— молвил,— поспешит

Тот, кто захочет быть со мною,
А кто не хочет, с госпожою
Пускай останется в стране:
Он вовсе не попутчик мне».
Кто пожелал, тот с ним пошёл,
И всяк от радости расцвёл.
Оставшись в свите королевы,
Тому обрадовались девы,
И рыцари, и дамы тоже.
Но не было меж ними всё же
Того, кто б страстно не хотел
Вернуться в свой родной надел.
Их королева удержала,
Она Гавэйна ожидала,
Сказав, что будет в этом месте,
Пока о нём не придут вести.
Уж облетела весть страну,
Что королева не в плену,
И все, кто был в плену досель,
Вольны уйти из сих земель
Куда хотят и уж не страждут.
Все убедиться в этом жаждут.
О чём-либо ином едва ли,
Собравшись, люди толковали
И уж не гневались на то,
Что здесь дороги невесть что,
По ним все ходят как попало,
Ведь нынче по-иному стало.

Узнали люди края Горр
(Все, кто не видел бранный спор)
О Ланселотовом отъезде
И собрались в том самом месте,
Куда ушёл он, как им мнилось.
Надеялись монарха милость
Снискать себе, его пленив
И государю возвратив.
А те, что с Ланселотом были,
С собой оружье взять забыли,
И потому-то люди Горра,
С оружьем прибывшие, скоро
Его схватили без труда
Под брюхо скакуна тогда
Герою ноги привязали.
Тут логрцы с гневом им сказали:
«Вы понапрасну столь упрямы,
Все под защитой короля мы».
Им отвечали: «Так ли, нет,
Вы наши пленники и след
Вам ко двору вернуться вновь».
Дошла до государя молвь
О том, что взяли Ланселота
И обрекли на смерть за что-то.
Он весть воспринял сам не свой,
Поклялся не своей главой,
А тем, что для него дороже,
Казнить убийц; мол, ждать негоже:

Едва их шайка попадётся,
Им только выбирать придётся
Между петлёй, водой, огнём.
Коль не сознаются ни в чём,
Не станет верить оправданьям,
Ведь сердце полнится страданьем,
И ввергнут он в такой позор,
Что будет презрен с этих пор,
Не отомсти им непременно.
Но отомстит им, несомненно.
Повсюду ложный слух проник
И государыни достиг.
Она за трапезу садилась.
Чуть было жизни не лишилась,
Как только весть о верном друге
Она услышала в испуге.
Когда же новости вняла,
Всё вмиг на веру приняла,
Чуть речи дар не потеряла,
Но окружающим сказала:
«Печалюсь об умершем я,
И справедлива боль моя,
Из-за меня вступил он в бой,
И скорбь мою поймёт любой».
Но про себя она сказала
Так, что не слышали средь зала,
Что пищу, воду предлагать ей
Теперь напрасное занятье,

Раз умер тот, который ей
При жизни был всего милей.
И вскоре встав из-за стола,
Она в покои отошла,
Тая от всех и боль, и муки.
Уж к горлу прижимала руки,
Чтобы убить себя, она,
Но сердцу исповедь нужна.
И каялась в своем грехе
По отношению к слуге,
Который так ей предан был,
Что век бы преданно служил,
Будь жив ещё на этом свете.
Её во все страданья эти
Жестокость собственная ввергла,
Часть красоты её померкла,
Ей не до пищи, не до сна.
И множила грехи она,
Их в памяти перебирая,
Из сердца пени изливая:
«Несчастная, как это вдруг
Сурово был мной принят друг?
Его и слушать не хотела
И на него не посмотрела,
Не поприветствовав его.
Вот плод безумья моего!
Безумья иль измены скверной,
Жестокости моей чрезмерной,

Что называла я игрой?
Не понял этого герой
И не простил измену мне.
И я уверена вполне:
Погублен он моей ошибкой.
Ко мне явился он с улыбкой,
Решив, что радостью приветной
Должна воздать ему ответно,
Но с глаз его я прогнала,
Удар смертельный нанесла.
С ним отказавшись говорить,
Ему пресекла жизни нить,
Велела сердцу замереть.
Что оставалось: только смерть!
И не брабантцы в ней виновны[68].
Прости, Господь, мой дух греховный,
Не искупить убийства ввек,
Скорее и морей и рек
На всей земле иссохнет влага.
Увы! Какое это благо
И как могла б возликовать я,
Пред смертью хоть бы раз в объятья
Его, любимого, приняв!
Как? Все свои одежды сняв,
Упиться негою счастливой.
Но умер он, а я труслива,
За ним уйти я не могу.
Но чем же другу помогу,

Продлив бессмысленную жизнь,
В мученьях вечных укоризн
Скорбя о милом непрерывно?
После него мне жить противно,
А видел бы он боль мою,
Возликовал бы, сознаю.
Убив себя, бежать от боли —
Не это ль признак слабой воли?
А я страданий долгих жажду
И наслаждаюсь тем, что стражду,
Предпочитаю жить тоской,
Чем в смерти обрести покой».
Так мучилась она, скорбела
И не пила два дня, не ела.
Известье разнесла молва,
Что государыня мертва.
У скорбных слухов скор полёт —
В великом горе Ланселот,
Узнав о гибели любимой,
Страдает, верьте, нестерпимо.
И понимают все вокруг,
Какой гнетёт его недуг.
И вы бы поняли, конечно,
Как он горюет безутешно,
Как проклинает жизни участь,
Как призывает смерть он, мучась
В стенаниях на грани сил.
Из пояса, что он носил,

Петлю связал он и в слезах
Сказал в отчаянии: «Ах!
Как Смерть меня схватила вдруг,
Здоровье превратив в недуг!
Лишаюсь чувств, едва дышу
От груза, что в себе ношу;
Моё страданье беспредельно,
Надеюсь, что оно смертельно,
Ведь от него, Бог даст, умру.
Иную ль долю изберу,
Коль Бог мне это воспретит?
Нет, Он ко мне благоволит,
И даст продеть мне в пояс шею.
Я так принудить Смерть сумею
Забрать меня, хоть и не хочет.
Она на тех лишь косу точит,
Кого страшит её приход.
Однако пояс этот вот
Велит ей предо мною пасть.
Когда простру над нею власть,
Я от неё возьму что нужно.
Она подходит, но натужно,
А я хочу её сейчас!»
Итак, он, умереть стремясь,
В петлю главу продел скорее
И пояс затянул на шее.
Дабы петля не подвела,
Он крепит к ленчику седла

Конец своей удавки тайно,
Чтоб не увидели случайно.
Затем он наземь соскользнул
И сделал так, чтоб конь тянул,
До вздоха смертного волок:
Он часа больше жить не мог.
Те, кто с ним шёл стезёй единой,
Его падения причиной
Внезапный обморок сочли,
Зане не видели петли,
Сдавившей горло Ланселоту.
И проявили все заботу,
Его подняли, взяв на руки,
И вдруг узрели средство муки,
Которым он душил себя,
По доброй воле жизнь губя.
Тотчас разрезали шнурок,
А пояс затянуться смог
И так сдавил бедняге горло,
Что у того дыханье спёрло.
На шее, в горле вены вздуты,
Но не порвались. С той минуты,
Хотел он этого иль нет,
Не мог себе нанесть уж вред.
Но неудачу сей попытки
Переживал он горше пытки,
Иначе, будь сейчас один,
Свёл счёты б с жизнью паладин,

Будь у него судьба другая.
«О Смерть, жестокая и злая[69]!
Ах, ты бессильна, стало быть,
Меня, не даму, погубить
Во имя Господа благого!
Ты милосердия такого
Свершить, я знаю, не дерзнёшь,
Из подлости ко мне нейдёшь,
И нет иного объясненья.
Ах, вот какое снисхожденье
Явила ты, избрав её!
За всё участие твоё
Глупец признательность лишь явит.
Но что сильнее душу травит —
Жизнь, что меня желает столь,
Иль Смерть- беглянка? Только боль
По-своему чинят они!
Прости мне, Господи, но дни
Себе продлил я поневоле.
Я должен был не жить уж боле,
Лишь понял истину из истин:
Я королеве ненавистен.
И это, верно, неспроста —
Не без причин суровость та.
Но чем я провинился, чем?
О, знал бы это перед тем,
Как Небеса её прияли,
Я бы как следует вначале

Вину всю искупил сполна,
Простила б, может быть, она.
Но в чём же преступленье, Боже?
Ей стало ведомо, похоже,
Что я проехался в телеге.
Всё дело в этом лишь огрехе,
Ведь то единственный мой грех.
Коль он причиной бедствий всех,
Почто же гибель он привлёк?
Не страшен для любви упрёк.
И кто способен упрекнуть
Меня за то, на что толкнуть
Смогла Любовь меня когда-то,
И справедлива ли расплата?
Любовь с куртуазией вместе —
Вот милой дар, достойный чести.
Но я им не воздал подруге!
И в чём пред ней мои заслуги?
Назвать подругой госпожу,
Нет, это дерзость, я сужу,
Но что-то о любви я знаю,
И будь я мил ей, полагаю,
Меня не стала б презирать.
Я счёл достойным всё отдать,
Велению любви покорный.
Как знак любви моей бесспорный,
Она принять сие могла б.
Не так ли страсти верный раб

Распознает искус Любви?
Но что ей все труды мои!
Я убедился, как она
Ко мне сурова, холодна,
И я за верное служенье
Познал одно пренебреженье,
Упрёки и позор в миру,
Но всё играл в её игру.
Так сладость сделалась мученьем.
Кто не знаком с любви ученьем,
Тот омывает честь всегда
Водой солёною стыда,
Не отмывая честь тем самым,
А пачкая, как грязью, срамом.
Невежды, что Любовь не чтят,
Её ругают и чернят,
Любви при этом сторонятся,
И власть её познать боятся.
Но совершенствует себя
Лишь тот, кто чтит Любовь, любя,
И он не может быть греховен,
А трус в предательстве виновен».
Шёл Ланселот в раздумьях сих
Средь грустных спутников своих,
Которым жизнью был обязан.
Тут весть пришла; узнал тотчас он,
Что госпожа не умерла.
Душа героя ожила,

Он смерть оплакивал её,
Тая мучение своё,
Но радость от известья вскоре
Превысила стократно горе.
Приют покинули с отрадой,
Прошли шесть лье пути до града,
Предстали перед Бадмагю
И передали королю
О Ланселоте весть благую.
Тот выслушал её, ликуя
На радости, что рыцарь жив.
Он был изысканно учтив,
Весть королеве сообщая.
И та: «Поверить Вам должна я,
Раз говорите, сударь, вы.
Но если умер он, увы,
Не быть счастливой мне ни дня.
Покинут радости меня,
Когда из преданности мне
Умрёт он по моей вине».
На том король простился с нею,
А дама радостью своею
Мечтала с другом поделиться.
Ей недосуг уже сердиться
И впредь являть ему суровость.
Напротив, радостная новость,
Что шла направо и налево,
Оповестила королеву,

Что Ланселот, её любя,
Чуть было не убил себя.
Теперь она повеселела
И ни за что бы не хотела,
Чтоб горе с ним стряслось такое.
Вот Ланселот вошёл в покои
И торопился сколько мог.
Едва вступил он за порог,
Король облобызал его
И рад был гостю до того,
Что и летать готов он был.
Умерил он восторга пыл,
Сказав связавшим Ланселота,
Пусть ждут сведенья с ними счёта
И мёртвыми себя считают.
Ему на это возражают,
Мол, думали, что он велел.
Король им: «Перейдён предел.
Здесь правда вами мне открыта.
Сей рыцарь под моей защитой,
И значит, не ему урон,
А мне, ведь мной отпущен он.
Но тем не хвастайтесь потом,
Когда покинете мой дом».
Услышав речь негодованья,
Воитель приложил старанья,
Чтоб мир наладить сей же миг.
Когда успеха он достиг,

Введён к монархине был прямо.
И взор не опустила дама;
Напротив, радостно навстречу
Пошла к нему, любезной речью
Почтив желанный ей визит,
Затем с собою сесть велит.
Легко беседа потекла,
Обоих сразу увлекла,
Поскольку тем у них хватало —
Любовь давала их немало.
Тут стало рыцарю понятно,
Что государыне приятно
С ним говорить, и не без вздоха
Сказал он так: «С тех пор, как плохо
Меня вы приняли, мадам,
Себе ответа я не дам,
Почто причину утаили?
Меня вы чуть не погубили,
Но не осмеливался я
Спросить вас, в чём вина моя
И каково же прегрешенье.
Днесь искуплю я преступленье,
Но в чём оно, мне надо знать,
Чтоб непокой души унять».
И королева говорит:
«Ужель телега вам не в стыд?
В неё садились вы, страшась
И сожалением крушась,

Что не было пути иного.
И потому-то вам ни слова,
Ни взгляда не послала я».
И рыцарь молвил: «Судия
Грешить мне не позволит боле
И поразит, коль вашей воле
Я что-то поперек свершу.
Но, заклиная вас, прошу
Дать искупить мне прегрешенье,
И если заслужу прощенье,
Мне сообщить, что я прощён».
«Мой друг, ваш промах искуплён,
Вы ничего мне не должны
И мной всецело прощены».
Он: «Благодарствую за милость,
Но всё, что на сердце скопилось,
Не здесь мне выразить словами,
А только с глазу на глаз с вами,
Когда позволите мне вы».
И плавным жестом головы
Она на окна указала.
«Сегодня вечером, — сказала, —
Придите к этому окну,
Когда все отойдут ко сну.
Вы проберётесь через сад,
А здесь искать вам запретят
Подругу на ночь, верьте мне.
Внутри я буду, но извне

Сюда пройти не суждено вам,
Прикосновеньем рук и словом
Дано общаться будет нам.
Коль по душе такое вам,
Останусь до утра в том месте,
Но всё ж мы быть не сможем вместе,
Поскольку в спальне у меня
Кей-сенешаль лежит, кляня
Свои бесчисленные раны,
А на двери, что под охраной,
Не отпереться в ночь замку.
Придёте — будьте начеку —
Везде расставлены шпионы».
«О госпожа, — в ответ влюблённый, —
Шпионам не по силам я —
Не дремлет бдительность моя».
Так обусловивши свиданье,
Они простились в ликованье.
И Ланселот, покинув зал,
Всю боль, что прежде испытал,
Смог позабыть и превозмочь.
Была ещё далёко ночь,
И день ему казался дольше,
Чем сотня дней иль даже больше,
Казалось, год не столько долог.
Спусти уж ночь туманный полог,
У госпожи б он был давно.
Вот, побеждая свет дневной,

Простёрла ночь над миром крылья,
Скрывая день своей мантильей.
Как чёрный плащ, сомкнулся мрак.
Увидел рыцарь: день иссяк,
И сразу притворился вялым,
Сказался хворым и усталым,
Что, мол, ко сну его клонит.
Наверно, каждый объяснит,
Кто прибегал к тому приёму,
Зачем изображал он дрёму
Пред замка жителями всеми.
Но одр не свой его в то время
К себе манил; он бы не лёг
И сил в себе найти б не мог,
Хотя бы пожелать решиться
Вдруг до такого опуститься.
Он тихо встал с одра скорее,
Ни на минуту не жалея,
Что ночь беззвёздна, нет луны,
И факелы не зажжены,
И свечи в доме не горят.
Но был он убедиться рад,
Что всё это осталось в тайне:
Считали, что в опочивальне
Он будет спать ночь напролёт.
Без провожатых Ланселот
Пробрался в сад в ночной тиши,
Не повстречал там ни души.

По воле случая благого
К тому же часть стены садовой
Недавно рухнула как раз.
4588 И он пролез чрез этот лаз
И прянул быстро и неслышно
К окну, где встал он неподвижно,
Беззвучно, молча, не дыша,
4592 Пока не вышла госпожа
В сорочке белого белей.
Ни юбки, ни блио на ней —
Короткий только плащ прекрасный,
4596 Подбитый мехом, ярко-красный.
Увидел рыцарь, как она
К нему склонилась из окна,
Что под железною решёткой.
4600 Её приветствует он кротко,
Она ответствует ему.
Взаимна страсть, и потому
В речах, которые вели,
4604 Вы б ноты фальши не нашли,
Была чужда обоим низость.
В мечтаньях предвкушая близость,
Друг друга за руки держали,
4608 Но ближе быть могли едва ли,
Сердились в сердца глубине,
Кляня решётку на окне.
Но гордо Ланселот глаголет,
4612 Что если госпожа позволит,

Он к ней в покои попадёт,
Помех в решётке не найдёт.
А государыня ему:
«Ужель не видите сквозь тьму
Как прутья пригнаны надёжно,
Сломать их будет невозможно.
Не вырвать их и не стянуть,
Не разомкнуть, не отогнуть».
«Бояться, госпожа, не надо,
Моим стремленьям не преграда
Железо прутьев сих нисколько,
Коль не откажите мне только.
А если получу согласье,
Найду дорогу в одночасье.
Но если не хотите вы,
Тогда препятствие, увы,
Никак я не преодолею».
Она же: «Сдерживать не смею,
Не мной закрыта вам дорога.
Но подождите ради Бога,
Пока на ложе не взойду,
Чтоб шумом не навлечь беду.
Но будет нам смешно едва ль,
Когда здесь спящий сенешаль
От шума нашего проснётся.
Здесь удалиться мне придётся,
Ведь все пристойным не сочтут,
Когда меня застигнут тут».

Он молвил: «Госпожа, не бойтесь,
Шум не издам, не беспокойтесь,
Начать я дело не премину.
Меж тем решётку я раздвину,
При этом вам не наврежу
И никого не разбужу».
Лишь королева удалилась,
Он выломать решётку силясь,
На прутья ринулся тотчас.
Давил, тянул, что мочи тряс,
Покуда прутья не поддались.
В конце концов они сломались,
Но острыми краями всё ж
Фалангу первую, как нож,
Отрезали мизинца-пальца
И безымянный у страдальца
Отняв до первого сустава.
Ужасна рана и кровава,
Но боли он не ощущал,
Лишь путь вперёд его прельщал.
В окно, что было высоко,
Проник он быстро и легко,
Бесшумно продвигаясь к цели.
Он Кея зрит в его постели,
К постели госпожи спеша;
Над ней склонился не дыша,
Как перед алтарём державным.
И королева жестом плавным

Ему объятья распахнула
И сразу к сердцу притянула,
Когда на ложе увлекла.
Она героя приняла
Тепло, и ласково, и страстно,
Зане Любви в ней всё подвластно,
А так велела ей Любовь.
Но если в ней пылала кровь,
То он любил сильней стократ.
Его любовь — как сущий клад:
Сердца иные обделила,
Лишь в сердце у него царила,
Во всей красе явившись вся,
Урон влюблённым нанеся.
Пьянило счастье Ланселота,
Ведь государыня с охотой
Горячим ласкам отвечала,
В свои объятья заключала,
А он держал её в своих.
Ему был сладок всякий миг
Лобзаний, ощущений нежных,
И в наслаждениях безбрежных
Такой восторг объял его,
Что о подобном ничего
Не говорили, не писали.
Я умолкаю, ведь едва ли
Повествовать об этом след.
Но радостей на свете нет

Изысканнее, слаще сих.
Рассказ мой умолчит о них.
Восторгом этим Ланселот
Ночь упивался напролёт,
Но встало дневное светило,
Пришлось покинуть ложе милой.
Зарю он встретил истой мукой,
Безмерно тяготясь разлукой,
Неотвратимой на беду.
Однако сердце, как в бреду,
Всё к госпоже своей влеклось
И не могло быть с нею врозь
Из-за такой большой приязни,
Когда разлука горше казни.
Ушёл он телом, сердцем — нет;
К окну направился, но след
Оставило заметный тело —
Всё на постели багровело
От крови, капавшей из ран.
Он шёл, печалью обуян,
Рыдая, глубоко вздыхая
И о свиданье не мечтая.
Возобновится ли оно?
Понурый, вылез он в окно,
Куда влезал в таком веселье.
Хотя и пальцы ослабели
От столь серьёзного пореза,
Поставив на окно железо,

Решётку вновь задвинул он
Так хорошо со всех сторон,
Что вовсе не увидишь тут,
Что двигали хотя бы прут,
Тянули или поднимали.
Пред тем как уходить, в печали,
Пред спальней, как пред алтарём,
Склонился рыцарь, а потом
В смертельной муке удалился.
Неузнанный, он возвратился
К себе в жилище на заре,
И там простёрся на одре,
И никого не разбудил.
Вдруг с удивленьем он открыл,
Что на перстах его раненье,
Но он не ощутил волненья,
Поскольку знал наверняка,
Что он поранился, пока
В окне решётку раздвигал.
И он ничуть не унывал,
Ведь предпочёл себе бы смело
И руки разорвать и тело,
Лишь бы войти в окно в ночи.
В ином бы месте получи
Ранение, что столь серьёзно,
Он, верно, мучился б несносно.
А королева в сладких снах
Средь гобеленов на стенах

В покоях мирно почивала.
И в это время знать не знала
О том, что простыни в крови[70],
Считая простыни свои
Чистейшими и без изъяна.
Мелеаган проснулся рано,
Оделся быстро и умылся
И к королеве устремился,
Застав проснувшейся её.
Узрев, что ложе у неё
Всё в пятнах алых и густых,
Толкнул он спутников своих
И, будто зло изобличая,
Взглянул на Кея, примечая,
Что простыни его багряны.
Заметьте, что у Кея раны
Открылись вдруг в полночный час.
«Нашёл! — вскричал он. — Выдаст вас
Неоспоримая улика.
О, как я обманулся дико,
Отстаивая дамы честь,
Когда в трудах сих пользы несть!
Кто защищал её — в убытке,
Лишь вертопрах успешен прыткий.
Вас от меня же мой родитель
Хранил как истинный блюститель,
Но вопреки ему — как жаль! —
Стерёг вас ночью сенешаль

И всё от вас он получил.
Однако вас я уличил».
«В чём дело, поясните мне вы?»
«Кровь на постели королевы
Уликой срама расценю
И вас публично обвиню.
Всё докажу я не тая,
Ведь ложе Кея, вижу я,
Как и у вас, в кровавых пятнах —
В свидетельствах греха наглядных».
Тут королева, в первый раз
На оба ложа обратясь,
Следы кровавые узрела
И, удивившись, покраснела,
Сказав: «Помилуй меня, Боже,
Не Кея кровь на этом ложе,
Нос кровоточил у меня,
И оттого-то простыня
Вся в пятнах, я убеждена».
Так, правда, думала она.
«Клянусь Владыкой, всё обман, —
Сказал в сердцах Мелеаган, —
И отговорки ваши хрупки.
Прольётся свет на все поступки,
Вина на вас и тщетны споры».
И он добавил: «Здесь, сеньоры,
Глядите в оба, чтоб они
Не скрыли простыни, ни-ни,

Пока за королём схожу я.
Он всё узрит, и докажу я
То, что душою не кривлю».
Тогда пошёл он к королю
И молвил, пав к его ногам:
«Сир, вещь одна предстанет вам,
Которой сильно удивитесь.
Вы с королевою увидьтесь
И правду в неприкрытом виде,
Разоблачённую, узрите.
Но прежде чем идти, сеньор,
Прошу вас снять с меня надзор,
Что вам законом велен был.
Я королеву получил
Весьма немалою ценою —
Вы мстили мне своей враждою
И стерегли, её блюдя.
Но нынче утром, к ней войдя,
Когда она была в постели,
Узнал я, что на самом деле
Всю эту ночь с ней пробыл Кей.
Сир, не сердитесь, ей-же-ей,
Я вам не жалуюсь нисколько,
Но мне мучительно и горько,
Что госпожа меня презрела,
А Кею отдалась всецело».
Король сказал: «Умолкни, лжец!»
«Взглянув на простыни, отец,

Поймёте, был ли Кей на них.
Не веря в правду слов моих,
Меня вы приняли за враля,
Но в пятнах крови сенешаля
Сейчас я покажу вам ложе».
«Идём, — сказал король, — мне всё же
То видеть нужно самому.
Лишь так я истину пойму».
И поспешил король в покой,
Где встретился он с госпожой.
Она вставала уж с постели.
И видит кровь он в самом деле
На простынях обоих лож,
Промолвив: «Вижу, что не ложь
Донёс мне сын мой, госпожа!»
Она же: «Честью дорожа,
Никто бы и во сне кошмарном
К таким наветам, столь коварным,
Я полагаю, не прибег.
Кей — куртуазный человек,
Он твёрд и предан мне всецело.
Я не на ярмарке, чтоб тело
Иль предлагать иль продавать.
Кей не из тех — как мне не знать! —
Кто б очернил меня наветом.
Я и не мыслила об этом
И не поверю никогда».
Мелеаган отцу тогда:

«Я был бы, сударь, вам обязан,
Будь вами Кей за всё наказан,
И королеве б стыдно стало.
Вам правый суд вершить пристало,
Прошу явить его скорей,
Ведь и Артура предал Кей,
Сеньора предал своего,
Тот вверил Кею существо,
Которое любил безмерно».
«Я докажу, что всё неверно, —
Ответил Кей, — внемлите, сир,
Пусть Бог, когда покину мир,
Не даст покой душе моей,
Коль спал я с госпожой своей.
Я смерть бы предпочёл греху
И короля я не могу
Предать ни при каком условье.
Пусть Бог мне лучшее здоровье
Вовеки больше не пошлёт,
Пусть жизнь мою тотчас возьмёт,
Коль я имел такие планы.
Я знаю собственные раны,
Они открылись ночью и
Залили простыни мои.
Ваш сын винит меня спесиво
И попросту несправедливо».
И тот воскликнул: «Боже правый,
Вас демон совратил лукавый,

Всё это козни Сатаны!
Вы были страстью зажжены,
Нечистым духом обуяны,
Когда разбередили раны.
Сколь здесь ни лги, ни суесловь,
А на обоих ложах кровь
Мне доказательством явилась.
И раз вина установилась,
Уместно будет наказанье.
Никто бы в столь высоком званье,
Такого ввек не совершал.
Вы осрамились, сенешаль».
«Сир, — к королю воззвал тут Кей, —
С себя и с госпожи своей
Сниму я эти обвиненья.
Ваш сын поверг меня в мученья,
И он неправ, им зло творится».
«Но вам не следует с ним биться,
Ведь вы больны», — сказал король.
«Сир, вы дозволите, и сколь
Я б ни был болен, без заминки
Сойдясь с ним в честном поединке,
Я докажу вам правоту,
Разоблачая клевету».
Монархиня тайком вассала
За Ланселотом отослала
И государю говорит,
Что сенешаля защитит

Поборник в этом злоключенье,
Коль даст на бой он дозволенье.
Мелеаган вскричал в ответ:
«Тех рыцарей не видел свет,
С кем откажусь столкнуться в брани,
Хоть речь пойдёт о великане,
Пока б один из нас не пал».
Тут Ланселот явился в зал
И стольких рыцарей привёл он,
Что до отказа зал стал полон.
Пред ним, пред всеми остальными,
И старыми, и молодыми,
Всё королева рассказала.
«О Ланселот, — она сказала, —
Мелеаган винит меня,
Позором честь мою черня
В глазах всех бывших здесь, представьте.
Его отречься вы заставьте.
Кей спал со мной, он заверяет,
Ведь наши ложа обагряет
Кровавый след, увидел он.
И будет Кей приговорён,
Коль сам себе он не поможет
И не найдёт того, кто сможет
Сразиться, чтоб его спасти».
«Не нужно тяжбы вам вести,
Пока я здесь, — сказал воитель, —
Да не позволит Вседержитель

Подозревать вас в сраме этом.
Я докажу пред целым светом,
Что чист и помыслами он.
Будь я хоть толику силён,
Честь сенешаля отстою
И защищу его в бою».
Мелеаган, шагнув вперёд,
Сказал: «Будь мне Господь оплот,
На всё охотно соглашаюсь,
Не думайте, что я смущаюсь».
«Сир, — Ланселот сказал тогда, —
Я сведущ в правилах суда,
Согласно практике судебной,
Нам клятвы принести потребно,
Уж очень тяжки обвиненья».
Мелеаган без промедленья
Сказал решительно ему:
«Я все условия приму.
Пусть мощи принесут сейчас же[71],
Я прав, не сомневайтесь даже».
Воскликнул громко Ланселот:
«Господь да будет мой оплот,
Лишь тот, кто с Кеем не знаком,
Мог бы винить его в таком».
Коней им приготовить просят,
Оружье слуги им приносят,
Доспехи каждому вручают,
Обоих сразу облачают.

С мощами принесён киот.
Мелеаган и Ланселот
К святыне подошли в смиренье
И опустились на колени.
Мелеаган к ней длань вознёс
И громко клятву произнёс:
«Святыми и Тобою, Боже,
Клянусь, что с королевой ложе
Кей этой ночью разделил
И ею удоволен был».
Другой воскликнул: «Клеветник!
Клянусь в торжественный сей миг,
Не прикасался Кей к ней даже.
И пусть лжеца Господь накажет,
Своею волей показав,
Кто прав из нас, а кто не прав.
Добавить к клятве я хочу,
Пускай кого-то огорчу
И уязвлю я несказанно,
Но если мне Мелеагана
В бою удастся побороть,
Когда поможет мне Господь
И эти мощи, не смягчусь,
Не пощажу его, клянусь!»
Тут Бадмагю был озадачен,
Услышав клятву, стал он мрачен.
Как только кончился обряд,
Из стойла вывести спешат

Коней отборных боевых.
Противники, воссев на них,
В упор друг на друга стремятся.
Во весь опор их кони мчатся,
И вот в стремительном галопе
Бойцы столкнулись так, что копья
От ярости удара их
Расшиблись в щепки в тот же миг.
На землю оба покатились,
Но не погибли и схватились,
Поднявшись на ноги опять,
И ну друг друга осыпать
Ударами разящей стали.
От шлемов искры отлетали,
Вздымаясь к небу, как пожар,
И каждый был настолько яр,
Что, нападая, защищаясь,
И сталкиваясь, и сближаясь,
Они разили так друг друга,
Что не переводили духа,
Не восполняли сил запас.
Король, за жизни их страшась,
Воззвал к монархине, стоявшей
На башне замка и взиравшей
На поединок из окна.
Молил Творцом он, чтоб она
Велела прекратить им сечу.
И дама искреннею речью

«Мессир, — ответила ему, —
Всё, что угодно вам, приму».
Тут Ланселот услышав это,
Из-за монархини ответа
На эту просьбу Бадмагю
Забыл воинственность свою,
Решил покинуть поле брани.
Вскипела кровь в Мелеагане,
Он стал теснить его, напав.
Король к ним бросился стремглав
И руку сына смог отвесть он.
Тот заявил: «Мир неуместен,
Не он рассудит нас, а меч!»
Король на это: «Не перечь!
Ты должен мне повиноваться
И сожалением терзаться
Не будешь, выслушав отца.
Будь верен долгу до конца,
Ужели позабыл о том,
Что пред Артуром-королём
Ты должен биться с ним охотно?
Иль ты не знаешь, сколь почётно
Стать победителем в бою
Там, ни в каком ином краю?»
Король всё это говорил,
Дабы унять сыновний пыл.
И так он смог разнять их миром.
Желая встретиться с мессиром

Гавэйном, просит Ланселот
Дать разрешенье на поход.
С согласья Бадмагю и дамы
Он прежний путь свой, тот же самый,
К мосту Подводному избрал.
Эскорт его сопровождал.
Там было рыцарей немало,
Однако и таких хватало,
Кого он видеть не хотел.
И день в дороге пролетел,
Им до моста в вечерней мгле
Одно лишь оставалось лье.
Они близки уж были к цели,
Но вскоре карлика узрели.
Под карлой конь большой, дородный
И для охотников пригодный,
А чтобы управлять конём,
Был хлыст наездничий при нём.
Внезапно, словно по приказу,
Спросил он без приветствий, сразу:
«Кто Ланселот из вас, друзья?
Я свой, скажите не тая,
Поскольку я вас вопрошаю
Затем, что вам помочь желаю».
Ему ответил Ланселот
Словами: «Пред тобою тот,
Кого ты ищешь». Карлик рек:
«Ах, благородный человек!

Простись со всеми, паладин,
И мне доверившись, один,
Со мною в край счастливый съезди.
Я требую, чтоб в этом месте
Нас ждать велел ты остальным.
Мы скоро возвратимся к ним».
Не чувствуя ловушки скрытой,
Расстался Ланселот со свитой,
За подлым карликом пойдя.
Отряд бы долго ждал вождя,
То было бесполезным делом,
Поскольку тот, кто завладел им,
Его не мыслил отпускать.
И люди начали роптать,
Поняв, что не вернётся он.
Что делать? Каждый угнетён
Глубокой искренней печалью.
Бранили карлика-каналью,
Мол, предал он! его работа!
Везде искали Ланселота,
Не зная, где его найти,
Откуда поиски вести.
Вот на совете в преньях шумных
По предложению разумных
Решили путь продолжить свой,
Идти к мосту, что под водой
В реке отсюда недалече,
И там искать с Гавэйном встречи,

А он советами, быть может,
Найти пропавшего поможет.
План всех устроил, потому
Не воспротивились ему,
К мосту пошли без разногласий.
Его достигли в одночасье,
И видят рыцаря в потоке,
С моста он в омут пал глубокий.
То был Гавэйн, никто иной,
Он появлялся над водой
И исчезал в ней сей же миг.
При помощи крюков и пик
Он, наконец, был извлечён.
В кольчугу рыцарь облачён
И в шлем, когда-то столь блиставший,
Десятки прочих затмевавший.
И наколенники его
Все проржавели оттого,
Что в испытаньях не однажды
Он, бой выигрывая каждый,
Брал по́том с кровью торжество.
Копьё и щит, и конь его
На берегу другом остались.
Те, кем спасён он, сомневались,
Удастся ль выжить бедолаге,
Что сильно наглотался влаги?
Когда изверг он влагу ту,
Разъяв тем самым немоту,

Он вновь обрёл способность речи
И в горле сделалось полегче,
Членораздельной стала речь.
Уже он слово мог изречь
И не преминул сделать это.
Он о Геньевре ждал ответа
От тех, кто справа был и слева:
Известно ль им, где королева?
Ему сказали, что она
При Бадмагю, и тот сполна
О ней заботится, радеет,
Как должно всячески лелеет.
Гавэйн спросил: «А кто-нибудь
За ней в тот край не торил путь?»
«О, да», — «И кто отважный тот?» —
«Сие Озерный Ланселот.
Он Мост Меча преодолел,
Освободить её сумел
И нам в плену томиться не дал.
Однако всех нас карлик предал,
Отродье гнусное, хромец,
Коварно обманул нас лжец,
И Ланселот был уведён им.
Не ведаем, что стало с оным».
Гавэйн спросил: «Когда случилось?»
И те: «Сегодня, ваша милость,
Отселе близ искали вас
Мы с Ланселотом в этот час».

«А как он вёл себя с тех пор,
Как прибыл в королевство Горр?»
И люди сказывают повесть
Не без подробностей, на совесть,
О том, что сделал Ланселот;
О том, что королева ждёт
Гавэйна в Горре и оттуда
Она не выедет, покуда
Его не узрит, наконец,
Иль весть о нём не даст гонец.
Гавэйн спросил их: «Как угодно:
Когда покинем мост Подводный,
Пойдём ли мы за Ланселотом?»
И порядили общим сходом
Сначала к королеве мчать,
Его же — королю искать.
Все знали: отпрыск королевский
В тюрьму его завлёк злодейски,
Мелеаган ему ведь враг.
И знай король, где он и как,
Ему б велел свободу дать,
Есть основанья полагать.
Так успокоясь понемногу,
Они отправились в дорогу.
Вот к замку подъезжают прямо,
А в замке Бадмагю, и дама,
И сенешаль почтенный Кей,
И пресловутый лиходей,

Что козни подлые устроил
И прибывших обеспокоил
Безвестной Ланселота долей.
Стенали все не оттого ли,
Что были преданы столь гнусно?
Печальное известье грустно
Их королева приняла.
Она держалась как могла,
И куртуазной и спокойной,
Ведь при Гавэйне непристойно
Ей боль душевную являть,
Но всё ж тревогу подавлять
Едва-едва ей удавалось.
В ней радость с грустью сочеталась:
О Ланселоте боль внутри,
Но пред Гавэйном — посмотри
И скажешь: больно весела!
Все, до кого молва дошла,
Что Ланселот исчез внезапно,
Терзались скорбью неослабно.
И государь бы ликовал, —
Гавэйну честь он воздавал
И принимал его достойно, —
Но было в сердце неспокойно,
Страдал он из-за Ланселота,
Который угодил в тенёта.
К нему монархиня взывала,
Чрез горы, долы умоляла

Отправить слуг его искать
И времени не упускать.
Кей-сенешаль, Гавэйн в то время
Пришли к ней с остальными всеми
И умоляли короля.
А тот ответил, им внемля:
«Заботы на себя возьму,
И торопить вам ни к чему.
Успешен будет поиск этот,
Без ваших просьб гонцы поедут».
Пред ним склонились все тотчас,
И отдан был гонцам приказ.
А были воины способны,
По королевству, расторопны,
Без устали и там и тут
Они расспрашивали люд.
О Ланселоте им вещали,
Но новостей не сообщали.
Ни с чем гонцы вернулись вспять
Туда, где их остались ждать
Все рыцари, Гавэйн и Кей.
Решили рыцари скорей
При всём оружии и лично
Отправиться искать вторично.
Днём, отобедав в зале главной,
Вооружились все исправно,
Пришла пора идти к седлу им,
Теперь отъезд был неминуем.

Но юный паж вошёл тогда,
Пробрался сквозь толпу туда,
Где стал пред королевой прямо.
Была бледна не в меру дама,
Безвестием о милом друге
Она печалилась, в недуге
Лишившись прелести былой.
Ей поклонился вестовой
И также Бадмагю, что возле
Неё воссел, всем прочим — после,
Гавэйна с Кеем не забыл.
Он королю письмо вручил.
Владыка вскрыл его печать
И клирику велел читать
Посланье гласом внятным, зычным.
Тот клирик был чтецом отличным,
Он быстро разобрал писанье.
Днесь Ланселот, гласит посланье,
Сеньору благодарность шлёт
За щедро возданный почёт,
За благосклонность и участье,
И он почтёт себе за счастье
Его приказам подчиниться.
Пусть Бадмагю не усомнится,
Что он в Артуровой державе,
Исполнен мужества и здравья.
Он просит госпожу назад
С Гавэйном, Кеем в мужний град

Вернуться, коль она не прочь.
Письмо составлено точь-в-точь
Так, чтобы приняли на веру[72].
Восторгов излилось не в меру,
Весь двор был радостью охвачен.
Отъезд назавтра же назначен.
Лишь стало на небе светло,
Все облачились — и в седло.
Их провожал король любезный,
И были проводы помпезны:
Сопроводить изволил их
Вплоть до границ земель своих.
Немалый путь был им проделан,
И вывел их за свой предел он.
Как только дело завершил,
Расстаться с дамой поспешил
И с прочими простился всеми.
Та куртуазно в это время
Прощалась с добрым королём,
Благодарила за приём,
Его за шею обняла
И обещание дала
Воздать ему любой услугой
И от себя и от супруга.
Мессир Гавэйн и Кей в ту пору
Ему, как другу и сеньору,
То ж обещали напослед.
Все в путь пустились, и привет

Король послал вдогонку им,
А особливо тем троим,
И в замок возвратился сразу.
В пути монархиня ни разу
В течение недели целой
Привалов делать не хотела.
Король Артур со всем двором
Узнали с радостью о том,
Что едет госпожа назад.
Король вдвойне ещё был рад,
Поскольку думал, что заслугой
Его племянника с супругой
Соединится нынче он,
Что Кей и каждый им спасён.
Но всё иначе обстояло.
Тотчас безлюдно в граде стало.
Народ приехавших встречал,
И каждый радостно кричал,
Будь то виллан иль рыцарь важный:
«Да здравствует Гавэйн отважный!
Вернул он королеву нам,
Дал возвратиться беглецам,
Дал многим узникам свободу!»
Но отвечал Гавэйн народу:
«Вы ошибаетесь, сеньоры.
Оставьте эти разговоры,
Сей подвиг совершён не мной.
Меня стыдите похвалой.

Я опоздал к свершенью долга,
Зане в пути промедлил долго,
А Ланселот был в нужном месте,
И как никто великой чести
Достоин он, лишь он один!»
«Но где он, добрый господин?
Не с вами он. Идёт ли следом?»
«Как это где? — Гавэйн в ответ им, —
Теперь при нашем властелине.
Так нет его?» — «Нет, господине,
Как и в пределах сей земли.
Лишь королеву увезли,
О нём ни весточки у нас».
Тут догадался в первый раз
Гавэйн, что ложное письмо то,
Придя к ним не от Ланселота,
Их в заблуждение ввело.
Все опечалились зело.
Весь двор назад вернулся хмур,
И попросил король Артур
Поведать обо всём и сразу.
Всяк жаждал приступить к рассказу
О том, что Ланселот свершил,
Как госпожу освободил
И кончил узников мытарства,
Как карлик с помощью коварства
Его похитил, спрятав где-то.
Владыке не по нраву это,

Он опечалился зело,
Но всё ж от сердца отлегло:
Он королеву вновь обрёл,
То счастье всех превыше зол.
Когда любимая с тобой,
Всё остальное трын-травой.
В отсутствие же королевы,
Как мне известно, дамы, девы,
Которым замуж в самый раз,
Со всех концов страны сойдясь,
Собрались вместе на совет.
Девицы молвили, что след
Найти им мужа поскорее.
Решили все на ассамблее
Турнир затеять. Решено:
За этих дама из Ноо,
А из Помлегуа — за тех[73];
Те, кто потерпит неуспех,
Не претендуют ни на что,
А победителей зато
Девицы выберут в супруги.
Трубят о том по всей округе,
И даже в дальние края
Молва разносится сия.
Турнир провозглашён заране,
Чтоб больше для потешной брани
Привлечь народу издалёка.
В канун означенного срока

Вернулась госпожа как раз.
О возвращении тотчас
Узнали дамы и в палате
Предстали, времени не тратя,
Пред ясны очи короля
И обращаются, моля
Подарок им преподнести,
К смиренной просьбе снизойти.
Ещё не зная, что же просят,
Тот обещание приносит
Их просьбу удовлетворить.
Суть дела стали говорить:
Хотят, чтоб госпоже их сир
Прийти дозволил на турнир.
Король всегда был безотказен:
«Она не против — я согласен».
Довольны, вышли дамы, девы,
Пошли на поиск королевы,
И такова к ней просьба дам:
«Не отвергайте же, мадам,
То, что король нам поручил».
«О чём здесь речь? — ответ им был. —
Скажите!» Дамы отвечали:
«Когда бы вы согласье дали
Прийти взглянуть на наш турнир,
Не воспрепятствует вам сир
На это зрелище явиться».
«Что ж, если муж мой согласится,

Приму я ваше предложенье».
По всей стране без промедленья
Девицы разносили весть,
Что есть надежда им привесть
Монархиню на праздник бранный
В день, для ристания избранный.
Молва летала там и здесь,
Ни град не минула, ни весь,
И столь быстра, и столь крылата,
Что в край, откуда нет возврата,
Она проникла той порой.
Но человек теперь любой
Мог вновь туда войти свободно
И выйти мог когда угодно.
Та новость со двора на двор
Летя по королевству Горр,
Проникла в дом, где постоянно
Жил сенешаль Мелеагана,
Достойный ада зла союзник.
И там-то Ланселот как узник
Мелеаганом заточён.
Его так ненавидел он,
Как никого иного в мире.
Услышав новость о турнире,
Узнав и дату торжества,
Он не расплакался едва,
Исчезла радость, сердцу туго.
А сенешалева супруга

При виде горести бескрайней
Шепнула Ланселоту втайне:
«Во имя Господа, мессир,
Да внидет в вашу душу мир,
Что с вами сталось, объясните.
Не пьёте вы и не едите,
Не шутите, не веселитесь.
Со мною смело поделитесь,
Что в ваших мыслях, что гнетёт?»
«Не удивляйтесь — молвил тот, —
Мадам, что нынче тяжко мне,
Я весь в отчаянье, зане
Не быть мне среди куртуазных
Особ достойных и прекрасных:
Турнир здесь разумею я,
Там будет люда толчея.
Коль вам не чуждо доброхотство,
Коль Бог послал вам благородство,
Чтоб дать туда поехать мне,
Поверить можете вполне,
Что поступлю я по обету:
К вам возвращусь в темницу эту».
И та: «Всё б сделала я, ах,
Коль не предвидела бы крах
И гибель собственную чутко!
Мне даже и подумать жутко:
Злодей — сеньор Мелеаган,
Коль помогу вам, сей тиран

Отмстит жестоко мне и мужу.
Неудивительно, что трушу,
Ведь он безжалостен, порочен».
«Коль вы, мадам, боитесь очень,
Что не вернусь я к вам в темницу,
Когда турнир тот завершится,
Я вам сейчас же поклянусь
(От клятвы я не отрекусь),
Что всем препонам поперёк
Я возвращусь к вам под замок,
Когда свершится предприятье».
«Мой Бог, не стану вам мешать я,
Но при условии». — «Каком?» —
«Дать клятву мне, что прямиком
Вернётесь вы в темницу снова
И подтвердите, что готовы
Мне подарить свою любовь».
«Мадам, приду в темницу вновь
И всю, что есть, любовь дарю вам».
«Не о сейчас я говорю вам, —
С усмешкой отвечала дама. —
Я догадалась, скажем прямо,
Что вы другой отдали ту
Любовь, которую я жду.
Но не в обиде я нисколько,
Беру то, что могу, и только.
Сим удовольствуюсь вполне.
Но всё ж пора услышать мне

Торжественный обет; клянитесь,
Что вы в темницу возвратитесь».
Ей Ланселот ответил снова,
Поклявшись истиной Христовой,
Что возвратится он в тюрьму.
Тут платье алое ему[74]
Дала супруга сенешаля;
И скакуна отдать не жаль ей,
Он был красив, силён, горяч.
И Ланселот пустился вскачь,
На нём новейшая броня,
Вся цвета алого огня.
Галопом он к Ноо стремится.
Решив в том лагере сразиться.
Расположился он в предместье.
Приют ему был не по чести —
Дом низок и не в меру мал,
Но появляться не желал
Он там, где узнан мог бы быть.
Смог замок рыцарей вместить
Лишь самых знатных, большинству же
Стать на постой пришлось снаружи.
Туда явилось столько их,
Что одному из пятерых
Под крышей места нет совсем,
И из восьми, наверно, семь
Не шли б на эту авантюру,
Когда бы не жена Артура.

В округе лье на пять и боле
Расположились на приволье
В палатках и шатрах походных.
И много было благородных
Девиц и дам на диво тут.
Коня у входа в свой приют
Оставил Ланселот снаружи.
И так как утомился дюже,
Сняв латы, лёг он почивать
На неудобную кровать.
Матрац был жёсток, узко ложе,
И покрывало из рогожи.
Он без оружья на боку
Лежал, всё время начеку.
Пока лежал, смеживши веки,
К нему герольд ворвался некий,
В одной рубашке он и бос,
Ни куртки нет на нём, ни шосс —
В корчме оставил их в залог он.
Так бегал не жалея ног он,
Одет совсем не по погоде.
Он осмотрел коня при входе,
Но чей был конь, не мог понять —
Не мог владельца он узнать.
Кто привести его дерзнул?
Дверь приоткрыта, он шагнул
И Ланселота на кровати
Тотчас узнал совсем некстати.

Перекрестился, онемев.
А Ланселот, его узрев,
Велел оставить в тайне это,
Но если выболтает где-то
И всё узнает Ланселот,
Пусть шею сам себе свернёт
Иль ослепит себя тогда.
Герольд вскричал: «Сеньор, всегда
Я чтил вас, чтить и дальше буду.
До смерти ни за злата груду,
Ни за сребро вас не предам,
Никак не наврежу я вам».
Он выбежал из дома сразу
И стал кричать что мочи фразу:
«Здесь тот, кто всех локтём отмерит[75]!
Здесь тот, кто всех локтём отмерит!»
Тот возглас в каждый дом проник,
И люди, выходя на крик,
Просили смысл им объяснить.
Герольд же продолжал темнить
И шёл, всё то же восклицая.
На сей раз поняли, вникая:
«Здесь тот, кто явит прочих меру!
Мы по глашатая примеру
Кричать об этом станем все;
Он тот, кто первым молвил се»[76].
Собрались группы справа, слева:
Девицы, дамы, королева,

Воители, простые люди
И множество арбитров-судий.
Народ везде, куда ни глянь.
Там, где должна вершиться брань,
Помост сколочен был из древа,
На нём воссядет королева,
И дамы, и девицы с нею.
Помоста дивней и длиннее
Нигде, пожалуй, не найти,
И завтра на него взойти
Должны все дамы с госпожой.
Они хотели видеть бой [77]
И знать, чем завершится схватка.
Вот десять супротив десятка,
Вот двадцать против двадцати
И тридцать против тридцати,
Где восемьдесят, девяносто,
Где по сто́, где и дважды по́ сто,
И так теснятся у помоста,
Что свалка завязалась просто.
Кто был с оружием, кто без,
Вздымались копья, словно лес,
Столь много принесли их те,
Кто жаждал биться; в тесноте
Видны повсюду копья были,
Хоругви ввысь, знамёна взмыли.
Участники готовы к бою.
Теснятся рыцари толпою

И ждут того, за чем пришли.
Иные стали невдали,
Всем отличиться невтерпёж.
И целина, и пашни сплошь
Заполнены несметным людом,
Пересчитать всех было б чудом,
Столь много там их собралось.
Но Ланселоту не пришлось
Присутствовать на первом сборе.
Как только он явился, вскоре
Герольд его увидел и
Не смог сдержать слова свои:
«Вот тот, кто всех локтём отмерит!
Вот тот, кто всех локтём отмерит!»
Его спросили: «Кто же это?»,
Но не дал им герольд ответа.
А Ланселот, в толпу вступив,
Встал двум десяткам супротив
И проявлял такую удаль,
Что зритель думал: «А не чудо ль?» —
И глаз с героя не сводил.
За Помлегуа в той схватке был
Герой, не знавший пораженья,
Под ним скакун быстрей оленя,
Стремглав летящего по ландам.
Он был Ирландии инфантом
И всех ударами дивил.
Но незнакомца бранный пыл

Восторг рождал повсюду вящий.
«Кто этот всех превосходящий?» —
Проведать не терпелось всем.
А королева между тем
Девице самой прозорливой
Украдкой молвила: «Должны вы
Исполнить то, что повелю,
Заминки я не потерплю.
С помоста этого спуститесь
И тихомолком обратитесь
К тому, кто в пурпуре блистает.
Как можно хуже пусть ристает[78] —
Такой даю ему приказ».
Девица бросилась тотчас
Всё исполнять как было должно.
Приблизившись насколько можно,
Она сказала Ланселоту
Так, чтобы было ни на йоту
Не слышно тем, кто справа, слева:
«Мессир, велела королева
Вам передать приказ такой:
«Как можно хуже!» И герой
«Да будет так», — ответил ей.
Столь предан госпоже своей.
Вот на противника в упор
Он мчит коня во весь опор
И вдруг даёт досадный промах.
До вечера в таких приёмах

Он действовал, и всё скверней,
Покорный госпоже своей.
Противник между тем не дремлет,
И Ланселот удар приемлет
Всей тяжестью его копья.
Он обращает вспять коня
И дня турнирного остаток
Проводит избегая схваток.
Но сохраняя жизнь свою,
Не запятнал он честь в бою,
Дурную славу не стяжал
И только страх изображал
Пред теми, кто ему встречался.
Тот, кто им прежде восторгался,
Теперь хулу ему гласил
И, издеваясь, поносил.
Герольд, твердивший: «Это тот,
Кто в битве каждого сметёт», —
Стоял смущённо и угрюмо
Под шквалом хохота и глума
Кричавших: «Что, приятель, смолк?
Не знает рыцарь в мерке толк.
Так мерил, что сломал мерило,
Которое хвалил ты было».
Иные молвят: «Что стряслось же?
Он прежде был столь храбр, а позже
Стал трусом, да ещё каким:
Не устоял ни пред одним!

Быть может, храбрым он казался,
Поскольку раньше не сражался
И проявлял напор такой он,
Что и бывалый даже воин
Не смог сдержать, лишь потому,
Что был в безумье, как в дыму.
Поняв же, что оружье значит,
Теперь его навек он спрячет
И биться не захочет уж.
Он сам увидел, что не дюж.
Подобных трусов не бывало!»
На всё монархиня взирала
И втайне радовалась, ведь
Ей довелось уразуметь,
Что незнакомец — Ланселот.
Покуда не стемнело, тот
Был трусом и сживался с ролью.
Когда все расходились, вволю
Решали, спорили о том,
Кто самым лучшим был бойцом.
Ирландского владыки сын
Считал, что только он один
Достоин приза и почёта.
И зря: ведь было там без счёта
Тех, что в отваге с ним равны.
Но Алым рыцарем больны
Остались дамы и девицы,
Как на подбор все чаровницы.

Глазами так и пожирали
Его, а остальных едва ли.
Вначале видели они,
Как самым доблестным сродни
Он на ристалище блистал
И вдруг внезапно трусом стал,
Страшился совершать атаки.
Могли б и худшие вояки
Повергнуть и пленить его.
Все порядили таково:
Назавтра встретятся опять,
И на турнире выбирать
Мужей себе девицы будут
Из тех, кто там призы добудет.
На том во мнениях сошлись
И по жилищам разбрелись.
А после из различных мест
На поле слышались окрест
Бойцов такие разговоры:
«Где рыцарь худший, тот, который
Таким позором днесь покрылся?
Куда пошёл? Где приютился?
Куда искать его пойдём?
Его, быть может, не найдём.
Он Трусостью гонимый трус,
Висит на нём несносный груз.
Да, в мире редок трус подобный.
Он, впрочем, прав: весьма удобно,

Стократ удобно трусом быть,
Чем славу смельчака добыть.
А Трусость негу вожделеет,
Её доверие лелеет,
Всё задарма ей достаётся.
Хоть Доблесть с нею не ведётся,
Вовеки не роняя честь,
Чтоб даже рядом с нею сесть,
Она впадает в подхалимство,
Находит в ней гостеприимство,
Готовность чтить и угождать ей,
Так что и честь близка к утрате».
Шёл допоздна злословья толк
До хрипоты — и всё не молк.
Других мы осуждаем часто
Тогда, как хуже мы гораздо
Тех критикуемых других.
Итак, злословный толк не тих.
Лишь новый день явился в мир,
Все жаждали начать турнир.
И вот уж возле госпожи
Девицы, дамы и мужи,
Те, что оружья не носили,
Поскольку узниками были
Иль добровольно крест приняли[79],
Они всем лучших называли:
«Вот рыцарь, госпожа, взгляните,
Щит красный с золотою нитью,

То Говернал де Робердик[80].
Вот щит, вы видите, возник
С орлом, что супротив дракона?
То сын владыки Арагона
За первым выступает вслед.
Сюда он прибыл для побед
И славы в королевстве нашем.
А рядом с ним сейчас укажем
Того, кто в сечах знаменит.
С ним зелено-лазурный щит,
Что с леопардом — видно ль вам? —
То Дезире, прельститель дам.
А вот с эмблемой: два фазана
Стоят клюв в клюв — щит Когийяна
Де Мотирека. В двух шагах
На серых в яблоках конях
Бок о бок двое; с чёрным львом
Их щит на фоне золотом.
Семирамис — один воитель,
Другой его сопроводитель,
И у обоих герб един.
А вот, взгляните, паладин,
Его эмблема — дверь, откуда
Олень появится как будто —
Король Идер, сомненья бросьте».
Так говорили на помосте.
«В Лиможе сделан этот щит,
С ним Пиладес на бой спешит,

Сражаться хочет он всечасно:
Лишь этого желает страстно.
Другой — в Тулузе, и хитро
Его убранство; Кей д`Эстро
Привёз его. А тот на Роне
Искусно выточен в Лионе,
Такого больше нет, поверьте,
Дан за великое усердье
Толасу ла Дезерту он,
Тот им надёжно защищён.
А этот — Англии творенье,
Он Лондона произведенье,
На нём две ласточки в полёт
Взлетят, как видите, вот-вот,
Но нет, к земле их приковали
Удары пуатвенской стали.
Тоас Ле Жен владеет им».
И вот со знанием каким
Вооруженье обсуждали,
Но видел кто-либо едва ли
Того, кто потерпел сором.
Решили: скрылся поделом.
И королева уж хотела
Послать за ним, но это дело
Резон ей было поручить
Той, кто могла его свершить,
То есть девице прозорливой.
Ей: «Сядьте на коня, должны вы

Искать вчерашнего бойца
Вплоть до победного конца,
Найдёте, передайте тут же,
Чтоб бился вновь как можно хуже.
Когда приказ передадите,
Его ответа подождите!»
Не медлила девица та.
Вчера приметив неспроста,
В каком он скрылся направленье.
Она смекнула: без сомненья,
Её опять за ним пошлют.
Снуя меж строев там и тут,
В конце концов, его узрела
И шёпотом ему велела:
«Как можно хуже бейтесь вновь,
Коль госпожи моей любовь
И милость сохранить хотите».
И выслушав приказ, воитель
Ответил ей: «Пусть так свершится».
И в тот же миг ушла девица.
Оруженосцы, челядь вся
Тут засвистали, голося:
«Взгляните! Ба! Не небылица ль:
В доспехах алых чудо-рыцарь!
Вернулся он, но для чего?
Нет в целом мире никого
Презренней, низменней, чем он.
Он сдался Трусости в полон,

Не может встать ей супротив».
И к королеве поспешив,
Назад девица возвратилась.
Та обо всём узнать стремилась,
Вопросов градом осыпала
И в сердце скрыто ликовала,
Уверившись, что это был
Тот, кто в душе её царил
И ей принадлежал всецело.
Она девице повелела
Найти его, сказав тотчас,
Что просьба, нет, её приказ
Теперь как можно лучше биться.
И ей ответила девица,
Что всё исполнит без задержки.
Она сошла с помоста в спешке,
Её конюший ожидал
И скакуна ей передал.
В седло вскочила, поскакала,
Когда же рыцаря сыскала,
Ему рекла: «Сеньор, сейчас
Даёт вам госпожа приказ:
«Как можно лучше бой ведите».
А он ответил: «Ей скажите,
Что не страшит меня ничто,
Будь только ей по нраву то;
Что любо ей, то любо мне».
И поспешила на коне

Девица передать ту фразу,
Ведь знала, что по вкусу сразу
Она придётся госпоже.
Дорогой краткою уже
Она к помосту поскакала.
И королева тут же встала,
Навстречу было устремилась,
Но по ступенькам не спустилась,
А наверху осталась ждать.
Девица знала: передать —
Порадовать её той речью.
И по ступенькам к ней навстречу
Взошла, промолвив: «В самом деле,
Мадам, я никогда доселе
Достойней рыцарей не знала.
Не колебался он нимало
И подчиниться вам готов.
Поверьте в истину сих слов:
К себе он полон безучастья,
Хоть горе ждёт его, хоть счастье».
Ей королева: «Поглядим!»
И села там, откуда зрим
Ей будет всякий поединок.
Тут Алый рыцарь без заминок
Щит за ремни схватил и се —
Явить себя во всей красе
Ему не терпится, есть повод.
И вот, расправив конский повод,

Он поскакал меж двух рядов,
Чтоб встретить тех клеветников,
Осмелившихся, хоть и втуне,
Полдня и ночь всю накануне
Над ним публично издеваться,
Его позорить, насмехаться.
Так дерзко тешились они!
Сжимая щит свой за ремни,
Инфант ирландский, негодуя,
К нему рванулся напрямую,
Копьё наставил, пылок, яр.
Таков при стычке был удар,
Что королевский сын почти
Не смог удара нанести,
Ведь древко на куски разбилось,
А остриё его вонзилось
Не в мягкий мох, а в древесину.
Но Ланселот был рад почину
И тут приём свой применил —
За щит противника схватил
И так толчком умелым ухнул,
Чтоб конь не устоял и рухнул.
Тут из шеренг обеих прочь
Помчались рыцари помочь
Ирландцу. Эти — защитить,
Те — от паденья оградить.
Его клевреты хоть радели,
Да все с коней тотчас слетели

В начавшемся переполохе.
Мессир Гавэйн в той суматохе
Участия не принимал,
Он лишь взирал и понимал,
Притом с восторгом небывалым,
Сколь смел и ловок рыцарь в алом:
Он затмевал всех на глазах,
А те пред ним — увы и ах!
Герольд уверенность обрёл,
Он крикнул громко на весь дол,
Чтоб каждый слышал: «Вот пред вами
Тот, кто отмерит всех локтями!
Сегодня он себя прославит
И доблести пример нам явит!»
Поводья натянул герой,
Коня пришпорил — и стрелой
На рыцаря с осанкой гордой.
Удар такой, что распростёртый
Был за сто футов от седла.
Такие совершал дела
Копьём, мечом своим воитель,
Что от увиденного зритель
Мог испытать лишь восхищенье.
Да и участники сраженья
Не меньше радовались, ведь
Приятно было лицезреть,
Как лихо валит седоков он.
И каждый, кто им атакован, —

Редчайший случай, чтоб в седле
Мог усидеть — все на земле.
Коней, которых так добыл,
Он всем желающим дарил.
Всяк, кто над ним вчера смеялся,
«Ах, мы погибли, — сокрушался. —
Мы поддавались заблужденью,
Предав недавно униженью
Того, кто превзошёл сейчас
По меньшей мере во сто раз,
Тех, кто сегодня на турнире.
Всех рыцарей в подлунном мире
Он победил, затмив собой,
Пред ним ничтожество любой!»
Девицы ошеломлены.
Боялись, что обречены
И впредь безбрачными остаться.
Им разве можно полагаться
На красоту, происхожденье,
На власть свою и на владенья?
Что толку в злате их, красе,
Коль рыцаря не стоят все
И их постигнет неудача?
А многие поклялись, плача:
Коль в жёны он их не возьмёт,
Не выйдут замуж в этот год,
И не один, будь он храбрец,
Не поведёт их под венец.

А королева, слыша толк их,
От реплик воздержалась колких,
Но улыбнулась всё ж тогда,
Поскольку знала: никогда
И за бесчисленное злато,
Каким Аравия богата,
И самой знатной среди них,
Что лучше, краше остальных,
Сей рыцарь сердца не предложит,
Хоть страсть сердца им всем изгложет.
А каждая его желала
И к прочим ревностью пылала,
Как будто став ему женой.
Столь ловко действовал герой,
Что не подумаешь никак,
Чтоб кто-то бился точно так.
И столько было свершено им,
Что лагерям пришлось обоим
Сойтись на том, что равных нет
Тому, кто носит алый цвет.
Так говорили честь по чести.
Но рыцарь при своём отъезде
Метнул попону, меч, копьё
Туда, где встали толчеёй,
Пробился и умчал карьером.
Уехал он таким манером,
Чтоб все, кто в поле оставался,
Не поняли, куда девался

Воитель доблестный в итоге.
И оказавшись на дороге,
Он не преминул повернуть
Туда, отколе начал путь,
Чтобы исполнить обещанье.
Когда закончилось ристанье,
Его искали, только тщетно:
Исчез он быстро и бесследно
Затем, чтоб узнанным не быть.
Тут стали рыцари грустить:
Хотели чествовать его,
Останься он на торжество.
Но если рыцарям обида
То, что он так исчез из вида,
Больней девицам слышать весть,
Что он пропал куда невесть.
Они святым поклялись Жаном[81]:
Когда не быть им за желанным,
Отвергнут прочих, в этот год
Никто их замуж не возьмёт.
Закончен праздник в королевстве,
Девицам оставаться в девстве.
А Ланселот во весь опор
Примчался снова в свой затвор,
Куда дотоль за пару дней
Вернулся сенешаль-злодей,
Спросив тотчас о Ланселоте.
Та дама, что в такой заботе

Наряд ему вручала красный,
Которой конь его прекрасный
Был тоже в пурпур облачён,
Призналась мужу в том, что он
Был на турнир отпущен ею
В Ноо, где удалью своею
Хотел блеснуть. И сенешаль
Сказал жене: «Мадам, едва ль
Вы хуже поступить могли б!
Я обречён, и я погиб.
Сеньор со мной поступит вскоре
Суровей, чем законы моря
С несчастным тем, что за бортом.
Казнён я буду, лишь о том
Сеньор Мелеаган узнает,
Не пощадит он, покарает».
«Не бойтесь, добрый господин, —
Сказала дама,— нет причин
Такому страху предаваться.
Он на мощах мне смог поклясться —
Вернётся, мешкая едва ль».
Вскочил в седло тут сенешаль,
Чтобы поехать прямиком
И господину обо всём
Подробным доложить рассказом.
Его он успокоил разом,
Поведав, что жене его
Поклялся рыцарь до того

Как ехать, что назад прибудет.
«Поклялся, — значит, так и будет, —
Сказал Мелеаган затем. —
Но мне досаден между тем
Поступок вашей дамы странный.
Я бы расстроил эти планы,
Чтоб помешать его затее.
Назад скачите поскорее,
Как только возвратится он,
Чтоб был в темницу заточён,
Откуда он не сможет выйти,
Ни шагу сделать — проследите
И доложите мне тотчас».
«Исполню в точности приказ», —
Вассал ответил уходя.
И дома рыцаря найдя,
Он заточил его в тюрьму.
О том сеньору своему
Отчёт был сенешалем дан.
Когда узнал Мелеаган,
Что Ланселот уже в оковах,
Созвал он плотников толковых
И каменщиков всех умелых,
Какие есть в его пределах.
Когда они к нему пришли,
Он им велел, чтоб возвели
Твердыню-башню и на стройке
Чтоб вовсе не было простойки,

Пока не будет всё готово.
Взят камень с берега морского,
Поскольку близко с этим краем
Заливом Горр был омываем.
Мелеаган знал хорошо
В заливе остров небольшой.
Сюда-то по его приказу
Свезли каменья, древо сразу.
И вот за пятьдесят семь дней
Был возведен трудом людей
Высокий каменный оплот.
По завершении работ
Под кровом ночи Ланселота
Ввели в узилище оплота
И дверь замуровали там.
Пришлось поклясться мастерам,
Что никогда и никому
Они не скажут про тюрьму.
На всём строжайший был секрет.
Там ни дверей, ни окон нет,
Одно окошко лишь в темнице,
В которой рыцарю томиться[82].
Согласно плану, иногда
Давалась скудная еда
Чрез то окошко Ланселоту.
Всё было точно по расчёту,
Как указал Мелеаган,
Предатель подлый и тиран.

Так были все его веленья
Исполнены, и во владенья
Артура рыцарь поскакал.
Примчавшись ко двору, предстал
Пред королём и королевой
И с чувством мести, с жаром гнева
Промолвил: «Сир, я словом связан
И биться здесь при вас обязан,
Но Ланселот, противник мой,
Куда-то скрылся с глаз долой.
А я о поединке лично
Обязан объявить публично
И всех в свидетели беру.
Коль он вернулся ко двору
И если здесь он, без заминок
Объявит пусть, что поединок
С минуты сей на год отложит.
Он вам рассказывал, быть может,
При обстоятельствах каких
Назначен бой для нас двоих.
Вот эти рыцари могли бы
Всё точно вам поведать, ибо
При них тот заключался ряд,
Коль правду молвить захотят.
Меня он опровергнет пусть,
Я без наёмника добьюсь,
Чтоб правосудие свершилось!»
Тут королева наклонилась

К Артуру, молвив: «Не хотите ль
Знать, как зовётся сей воитель?
Мелеаган, чинитель зла.
К нему я с сенешалем шла,
Когда он взял меня в полон».
Король в ответ: «Что это он,
Мадам, я понял превосходно:
В изгнанье он держал народ мой».
И дама больше ни словца.
«Беру в свидетели Творца, —
Сказал король Мелеагану, —
О Ланселоте, лгать не стану,
К несчастью, нет у нас вестей».
Мелеаган же: «Сир, ей-ей,
Мне Ланселот поклялся раз,
Что здесь и именно при вас
Сегодня мы сойдёмся двое.
И объявляя вам о бое,
Хочу я, чтобы вызов оный
Присутствующие бароны
Могли бы ныне подтвердить.
Чрез год приспело совершить
То, что велит нам договор —
Должны вступить мы в бранный спор».
При сих словах Гавэйн, несдержан,
Вскочил, ведь очень был рассержен,
Услышав дерзкий столь ответ.
«Сир, Ланселота с нами нет, —

Он рек, — и след его утерян,
Но я искать его намерен.
Бог даст, пока не минет год,
Мной будет найден Ланселот,
Когда не мёртв он, не в неволе.
А не появится он коли,
Готов я за него вступиться
И вместо Ланселота биться.
Меч за него поднять мне впору
В урочный день по уговору».
Мелеаган воскликнул: «Коль
Сразиться жаждет он, король,
Ему дозвольте — в добрый путь.
Прошу вас, ибо я отнюдь
Подобных рыцарей не знал,
С кем бы сразиться так мечтал,
Но Ланселоту исключенье.
Не помышляйте о замене,
Когда с одним из этих двух
Я не смогу сразиться вдруг.
Мне нужен из двоих один».
И дал согласье властелин,
Лишь при неявке Ланселота.
И в то же время за ворота
Мелеаган помчался прочь,
В пути провёл и день и ночь
И прибыл к своему отцу.
Здесь было нужно гордецу

Нарочито казать отважность
И делать напускную важность
И удивленье на лице.
А Бадмагю в своем дворце
Устроил в Баде торжество.
На день рождения его
Приглашено не счесть гостей.
Там было множество людей.
Заполнены дворца светлицы,
Вот рыцари, а вот девицы.
Средь них одну вам укажу,
Однако позже я скажу
О ней, о роли той, в которой
Она предстанет очень скоро.
Она сестра Мелеагана,
Но объяснять вам это рано —
Всему черёд свой будет дан.
Хочу, чтоб складен был роман,
И портить я его не стану[83].
Сейчас вернусь к Мелеагану,
И здесь рассказу вы внемлите,
Что королю он по прибытье
Во всеуслышанье сказал
Так, чтобы слышал всяк вассал,
И знатный, и простолюдин:
«Скажите, добрый господин,
Пожалуйста, хочу постичь я:
Счастлив, достоин ли величья,

Тот, кто мечом с недавних пор
Артуров устрашает двор?»
И не задумываясь даже,
Отец ответствовал тогда же:
«Мой сын, в ком только честность есть,
Его почтит, воздавши честь,
Стремясь попасть к нему в друзья,
Раз честь заслужена сия».
Затем, чтоб поощрить его,
Спросил он сына, для чего
Такую речь к нему повёл он,
Какого чаяния полон
И из каких он прибыл стран.
«Сир, — отвечал Мелеаган, —
Не знаю, помните ли вы
Все те условья, каковы
Поставили с прямым расчётом,
Когда меж мной и Ланселотом
Был установлен договор.
Вы, верно, помните, сеньор,
Что, взяв в свидетели народ,
Вы нас просили через год
К Артурову двору явиться.
Я не преминул облачиться
И в день условленный прийти,
Чтоб совершилась цель пути.
По всем условьям, без сюрпризов,
Я бросил Ланселоту вызов,

Но тот, с кем бой мой был намечен,
Мной, к удивленью, не был встречен —
Сбежал он в дальние края.
Тогда перед отъездом я
Гавэйна клятву получил,
Что если рыцарь опочил
Или к условленной поре
Он не приедет, при дворе
Всё ж этот поединок грянет.
И он поклялся мне, что станет
Со мной сражаться за него.
Нет у Артура никого
Достойнее, чем рыцарь тот.
И бузина не зацветёт[84],
Пойму я, может ли по праву
Гавэйн носить такую славу.
Хочу с ним биться, наконец».
«Мой сын, — сказал ему отец, —
Ты говоришь не образумясь.
Всем, кто не знал, что ты безумец,
Открыл своё ты сумасбродство.
Ведь скромность — признак благородства,
Тогда как наглый сумасброд
Безумством слеп и им живёт.
Пойми, мой сын, и посмотри:
Ты груб и холоден внутри,
Для дружбы, нежности потерян
И миловать ты не намерен,

И ненависти сдался в плен,
И потому-то мной презрен,
Навек с несчастьем обручишься.
Ты доблестью своей кичишься,
Но в нужный час и на поверку
Найдётся тот, что даст ей мерку.
Достойным рыцарям не след
Кичиться доблестью побед,
Хвалиться собственной отвагой.
Всё видно: худо или благо.
Для подтверждения величья
Бахвальство — словно перья птичьи,
В моих глазах же упадёшь.
Сын, все слова здесь втуне сплошь,
Безумцу мудрость поверять —
Лишь время попусту терять,
Лишать безумца неразумья
Само есть по себе безумье.
Того не научить уму,
Кто не последует ему,
Всё вмиг развеется туманом».
Гнев овладел Мелеаганом,
И ни единый человек,
Заверить смею вас, вовек
Не знал такого исступленья.
Забыв сыновнее почтенье,
Мелеаган вскричал в ответ:
«Не говорите ли вы бред,

Назвав безумством в укоризне
Рассказ мой о моей же жизни?
Я видел в вас отца, сеньора,
Но разуверился в том скоро,
Жестокую услышав брань,
Что перешла приличья грань.
Не сможете сказать причину
Такого отношенья к сыну,
Что вы избрали?» — «Не смолчу». —
«И в чём же суть, я знать хочу». —
«Суть в том, что вижу я в тебе
Лишь гнев, ты явно не в себе.
Я знаю всю твою натуру,
Из-за неё, а также сдуру,
Ты попадёшь в беду, быть может.
Будь проклят тот, кто предположит,
Что Ланселот, геройства цвет,
Прославленный на целый свет,
Бежал, боясь тебя! Он или
Уж мёртв и погребён в могиле
Или томится взаперти
В тюрьме, откуда он уйти
Без разрешения не волен.
Я был бы крайне недоволен,
Узнав, что мучим он теперь.
Была б потеря из потерь,
Когда бы он, столь благородный,
Столь доблестный, столь превосходный
И столь разумный, кончил дни

До срока, Боже сохрани.
Всё это только ложный толк!»
На этом Бадмагю умолк,
Но каждую отцову фразу
Услышала, постигла сразу
Одна из дочерей его
(Среди рассказа моего
О ней сказал пока немного).
За Ланселота в ней тревога
Вдруг родилась при вести сей.
Что он в темнице — ясно ей,
Ведь и следы его исчезли.
«Пусть Бог меня оставит, если
Я успокоюсь до того,
Как не узнаю я всего
О том доподлинно», — решила
И тут же к стойлу поспешила,
Ни звука не издав, тайком.
На кротком муле прямиком
Она уехала оттуда.
Но должен вам сказать, покуда
Она не ведала, куда
Ей надо ехать, а тогда
Спросить ей путь не довелось.
Пустилась рысью на авось
Она без слуг, сопровожденья,
Не выбирая направленья.
Девица очень торопилась,
Достигнуть цели так стремилась,

Что всюду поиски вела,
Но ничего не обрела.
Ей было мешкать недосужно,
Подолгу отдыхать не нужно,
Когда на ней лежит забота —
Освобожденье Ланселота.
Узнать бы, где её герой,
Спасать его — вопрос второй.
Но прежде чем его найти,
Объехать, обыскать в пути
Земель немало ей придётся,
И всё напрасно, мне сдаётся.
К чему сказание моё
О долгих странствиях её
По тысяче дорог, равнинам,
И по горам, и по долинам?
Спускалась вниз, взбиралась вверх,
Так ничего не вызнав сверх
Того, что пред отъездом знала.
И дольше месяца блуждала
Вотще: ни весточки о нём.
Идя по полю как-то днём
В глубокой думе и тоске,
Узрела башню вдалеке
На берегу залива вдруг.
Ни хижин, ни домов вокруг,
Ни одного людского стана.
То мастеров Мелеагана
Великолепная работа —

Тюрьма сеньора Ланселота.
Но то пока ей невдогад.
Едва увидев башню, взгляд
Она не в силах отвести.
Что это цель её пути —
Сказало сердце деве юной.
Приведена она Фортуной
К тому, чего она ждала.
Приблизясь, башню обошла,
Насторожилась чутким ухом:
Хоть что-то уловить бы слухом.
Но странно: как ни посмотри,
Ни окон в стенах, ни двери,
Лишь видит узенькую щёлку.
В высокой башне не без толку
Ни лестницы, ни входа нет.
По осмыслению примет
Ей стало ясно, что колосс-то
Построен с умыслом, не просто.
Не для того ли, стало быть,
Чтоб Ланселота заключить?
Она позвать его решила,
«Эй, Ланселот!» воскликнув было,
Но тут же смолкла, ибо вдруг
Из башни к ней донёсся звук,
Звук безутешного стенанья
И неумолчного рыданья.
То явно смерти был призыв
Того, кто пенями в надрыв

Взывал к ней, словно к милосердью,
Мечтая исцелиться смертью
От долгих тяжких мук своих.
Он к жизни собственной в тот миг
И к плоти выражал презренье.
Чуть слышно изливая пени,
Так бормотал он слабым гласом:
«Фортуна! как жестоко разом
Всю жизнь мою сгубила ты,
Когда столкнула с высоты,
Где находился я, на дно.
Я счастлив был, но суждено
Теперь страдать мне. Всё так зыбко:
Слезой заменена улыбка,
Что мне дарила ты досель.
Увы мне! Доверять тебе ль,
Когда за столь короткий срок
Я стал несчастен, одинок,
Тобой безжалостно покинут
И в бездну самую низринут?
Ты надо мной смеялась, но
Тебе, Фортуна, всё равно,
Ведь судьбы делаешь тщетой.
О Крест святой, о Дух святой!
И вот я гибну, я стою
У самой смерти на краю.
Где вы, Гавэйн, герой отважный,
Столь мужественный и бесстрашный?
Спасать меня нейдёте вы

И долго медлите, увы.
Куртуазии это чуждо.
Вы другу лучшему неужто
Прийти на помощь не должны?
По обе моря стороны
Таких, заверю вас, нет мест,
Где не искал бы вас хоть шесть,
Хоть семь, хоть десять лет я в тщанье.
Я б вас нашёл, лишь знай заране,
Что вы заключены в тюрьму[85].
Но для чего мне, не пойму,
Спор продолжать здесь? Вы, напротив,
Себя всем тем не озаботив,
И утруждаться не хотите!
Друзей пойдите вы найдите:
Злодей, сказавший это, прав.
Поистине, в беду попав,
Нам без труда проверить можно,
Кто настоящий друг, кто ложный.
Увы! Уж год, как заточён
Я в этот мрачный бастион,
Гавэйн, вы мной пренебрегли,
Раз бросить так меня смогли.
Иль вы о том ни сном, ни духом
И вас виню не по заслугам?
Да, так и есть, и потому
Так думать вовсе ни к чему,
Подобен я неправым судьям.
Но верю: вам и вашим людям

Не помешало ничего бы
Меня из каменной утробы
Извлечь, спасая жизнь мою,
Узнай вы только правду всю.
Мы ведь соратники, друзья,
И в это твёрдо верю я.
Зачем же стал так говорить я?
Против меня идут событья.
Пусть Бог и пусть Сильвестр святой [86]
Тебя осудят, ворог мой,
Меня обрекший на страданья,
О, худшее из всех созданий,
Мелеаган, мой ненавистник,
Мучитель лютый и завистник!»
Утихли пени, смолк на том
Тот, кто страдает день за днём.
Но та, стоявшая под башней,
Услышав стон его всегдашний,
Решила: здесь его найдёт,
И закричала: «Ланселот!
Ответьте, наверху сидящий,
Зовёт вас друг ваш настоящий!»
Но звуку в башню не пробиться,
И громче крикнула девица.
К нему донёсся слабый звук.
Он удивился: кто бы вдруг
Мог звать его извне сейчас?
Теперь он внятно слышит глас,
Но чей он, всё же непонятно.

Решив, что призрак, вероятно,
Он огляделся: никого —
Он да узилище его.
«Господь, — сказал он, — что я слышу?
Но ничего притом не вижу.
Не чудо ли явилось мне
Днесь наяву, а не во сне?
Я если б спал, то счёл себя бы
Игрушкою видений слабой,
Но я не сплю, и потому
Всё это в толк я не возьму».
Тогда поднявшись еле-еле,
Направился он к узкой щели
Неспешно, малыми шажками.
Прильнув к ней, стал искать глазами
Вверх, вниз, вперед, по сторонам,
И вот представилась глазам
Та, что к нему извне взывала.
Он не узнал её, узнала
Она его и начала:
«О Ланселот, я к вам пришла
Издалека, чтоб вас найти.
Вот цель достигнута почти,
Хвала тебе, Господня сила!
Я та, что дар у вас просила.
А шли тогда к Мосту Меча вы
И, как просила, дар кровавый
Вы дали, голову, сиречь,
Что по велению отсечь,

У моего смогли врага.
Мне та услуга дорога,
Я за неё искала вас
И за неё спасу сейчас».
«Благодарю вас, — он ответил, —
О, сколь мой жребий будет светел,
Когда меня вознаградите
И из тюрьмы освободите!
Девица, если вам удастся
Меня извлечь, могу поклясться
И обещаю, что тогда
Служить вам буду я всегда.
Клянусь я Павлом пресвятым[87],
Коль я хочу, чтоб днём одним
Господь к себе приял меня,
Не будет пусть такого дня,
Когда я не был бы готов
Любой приказ без лишних слов
Исполнить, что б вы ни велели.
Чего бы вы ни захотели,
Коль то по силам мне, тотчас
Получите, заверю вас».
«Друг, сомневаться вам не след,
Вы скоро выйдете на свет.
Уже сегодня непременно
Освободитесь совершенно.
Мне не нужна и ливров груда,
Лишь только б вас извлечь отсюда.
Затем вас отведу к жилищу,

Дам отдых, дам комфорт и пищу —
Всё, что желаете, вполне
Получите, поверьте мне.
Пусть вас не беспокоит это.
Однако прежде нужно где-то
Здесь раздобыть орудье мне
И им расширить щель в стене,
Лишь так вам путь смогу отверзть я.
Вы выйдете через отверстье».
«Да будет вам Господь оплот, —
Обрадовался Ланселот, —
Здесь вервь есть длинная, она
Садовниками мне дана,
Чтобы протискивать в окошко
Мне воду грязную с лепёшкой,
От коих тело уж изныло».
Дочь Бадмагю тут раздобыла
Квадратный, острый, крепкий дрот.
И, словно пикой, Ланселот
Стал по стене им бить тогда
И, наконец, не без труда
Удобный ход себе проделал.
О, нет счастливее удела,
Как дар свободы обрести
И из тюрьмы своей уйти!
Так птица мчится вглубь эфира!
И знайте: за всё злато мира,
Что предложили бы ему,
Он не вернулся бы в тюрьму.

Хоть Ланселот освобождён,
Он так был слаб и измождён,
Что, выйдя, в стороны качался.
Уже запас в нём сил кончался.
Девица, взяв его как можно
И бережно, и осторожно,
С собой на мула усадила
И вскачь галопом припустила,
Проезжих избегая троп.
Быть не замеченными чтоб,
Они передвигались тайно.
Ведь если кто-нибудь случайно
Узнает их, считай тогда,
Грозит им страшная беда.
Девица этого боялась,
Дорог опасных уклонялась
И прибыла в известный дом.
Она гостила часто в нём,
Удобном, не сродни лачуге.
И этот дом, а также слуги —
Всё во владении её.
Весьма надёжное жильё
Для постороннего незримо,
В нём всё есть, что необходимо.
Сюда был Ланселот введён.
Когда вошёл в жилище он,
Его раздели той порою,
Девица помогла герою
Лечь спать в высокую кровать.

Затем усердно омывать
Его в заботах стольких стала,
Что и считать их не пристало.
Она всего растёрла нежно
И обласкала так прилежно,
Как будто своего отца.
К нему вернулись цвет лица,
Здоровье прежнее и свежесть.
Вот так преобразила нежность
Его как в ангела небес.
И вид бродяги вмиг исчез,
Уж он не немощен, не грязен,
А крепок и благообразен.
Как только разомкнул он вежды,
Девица в новые одежды
Одеться помогла ему.
Он был безмерно рад тому,
Как птица, что в полёт стремится.
Им расцелована девица,
И он сказал ей тоном друга:
«Я только вам, моя подруга,
Обязан, как и Богу, тем,
Что я воспрял, здоров совсем.
Благодаря вам я на воле,
Всё, чем богат я, в вашей воле,
И сердце, и душа моя.
Вы столько сделали, что я
Вам буду верным паладином.
Но пред Артуром-господином

Предстать мне нужно поскорее.
Давно уж не был при дворе я,
Там ждут меня дела, и я,
Подруга нежная моя,
Во имя дружбы вас молю,
Коль вы не против, к королю
Дозвольте мне уехать спешно».
«О Ланселот, мой друг, конечно! —
Она в ответ. — Вас не держу.
Я вашей честью дорожу,
О вашем благе я радею».
Был конь ему подарен ею
Из самых быстрых, самых лучших.
И вмиг без помощи конюших
Вскочить в седло он так сумел,
Что сам заметить не успел.
И был он препоручен Богу,
В котором обретал подмогу.
Так Ланселот пустился в путь,
Такой счастливый, что и будь
Я связан клятвой, это счастье
Не описал бы хоть отчасти,
Ведь был он рад тюрьму покинуть,
Где, как в ловушке, мог бы сгинуть.
Твердил себе, что тот злодей,
Виновник всех его скорбей,
Лишил его свободы, сил
И, опозорив, заточил.
«Я всё ж на воле оказался!» —

Творцом вселенной он поклялся
В том, что отверг бы непреклонно
От Ганга и до Вавилона
Богатства все, лишь бы не дать
Мелеагану избежать
Заслуженного наказанья,
Коль будет он повержен в брани.
Так он желал его позора.
И ход событий очень скоро
Позволил сбыться сей надежде.
Мелеаган, который прежде
Ему надменно угрожал,
Без приглашения примчал [88]
К Артуру с ним одновременно.
Настойчиво и непременно
Потребовав с Гавэйном встречи,
Повёл о Ланселоте речи:
Предатель этот, низкий лжец
Не объявился ль наконец? —
Как будто не осведомлён!
Но знал не всё, конечно, он,
А думал, всё ему известно.
Мессир Гавэйн поведал честно,
Что нет вестей о Ланселоте.
«Раз встретил вас, в конечном счёте, —
Сказал Мелеаган сурово, —
Исполните же ваше слово,
И медлить больше не резон».
И тот: «Я этим не польщён,

Но если Бог позволит мне,
Я полагаю, что вполне
Верну вам долг, не погрешу.
Но если долг я совершу
В бою ударами своими,
Во имя Бога и во имя
Христовой веры — вам конец».
Не медлил больше удалец,
Велел он принести на двор
И разложить пред ним ковёр.
Тут слуги слаженно, проворно
Приказ исполнили покорно,
Без обсужденья и протеста.
Ковёр в указанное место
Они доставить поспешили,
Как было нужно, расстелили.
Гавэйн, вступив на тот палас,
Велел им принести тотчас
Ему оружье боевое.
В его распоряженье трое,
Ещё с себя плащей не сняли[89].
Они в родстве с ним состояли:
Племянники, а то ль кузены,
Оружье знали совершенно.
Он облачён был хорошо.
Работа сделана с душой,
Здесь не допущена небрежность
Иль хоть малейшая погрешность,
Так ладно пригнана броня.

Тогда испанского коня
К нему подводит челядин.
Скакун отменный, исполин,
В лесах и долах Буцефала [90]
Он в скачке затмевал удало.
И на него вскочил умело
Гавэйн, воитель самый смелый
Из тех, пред кем, воздав почёт,
При встрече крестится народ.
Уж было взялся за свой меч он,
Как вдруг им Ланселот замечен,
Он спешивался той порой.
Гавэйн застыл как сам не свой
Пред неожиданным явленьем!
И вправду молвить, удивленьем
Внезапный встретил он приход,
Как будто прямо Ланселот
Свалился с неба только что.
Однако не смогло ничто
Сдержать его и помешать,
Кто перед ним сейчас — узнать.
Лишь Ланселот ступил на землю,
Его в объятия приемля,
Он лобызал его, приветил
И ликовал, поскольку встретил
Того, с кем крепкой дружбой связан.
Я сразу вам сказать обязан,
Чтоб вы не сомневались в том,
Что даже если королём

Его просили бы наречься,
Лишь бы от друга смог отречься,
Сказал бы «нет» наперекор.
Извещены король и двор,
Что долгожданный Ланселот
Вернулся в здравии, и вот
Двор в общей радости, замечу,
Тотчас отправился на встречу
Того, кого так долго ждал.
Здесь ликовал и стар и мал:
Восторг у каждого во взоре,
Веселье вытеснило горе,
Досель царившее в сердцах.
Печаль рассеялась, как прах,
И радость охватила люд.
А разве королева тут
Такой восторг не разделяла?
Да, первою возликовала
Монархиня. А как иначе?
Мой Бог, отрадно ей всех паче,
Как никогда ещё дотоль.
А встретила она его ль?
Была так близко от него,
Что зову сердца своего
Чуть было не поддалась телом. —
А сердце что? В порыве смелом
Оно ласкало Ланселота.
Но тело праздно отчего-то,
Иль не безмерна радость в нём?

Иль гнев зажёгся в нём огнём[91]?
Конечно нет, но сей порыв
Смутил бы двор, всех удивив:
Ведь и король и двор с ним весь,
Узрев, что происходит днесь,
Узнали б тайну чувств их сразу,
Коль сердца каждому приказу
Тотчас бы покорялась плоть.
А если разум побороть
Не смог бы мысль, порыв горячий,
Узрел бы это каждый зрячий,
Что было бы бедой безумной.
Вот почему благоразумно
Она, с собою совладав,
Сдержала сердца пылкий нрав,
Всё отложив на поздний срок.
Уединённый уголок
Найти ей поукромней надо,
Чтоб со своим любимым лада
Достичь там более спокойно.
Был принят Ланселот достойно.
Король его почтил, поздравил.
«Давно о ком-то, — он добавил, —
Я не имел вестей таких,
Чтоб я душой расцвёл от них.
Спросить у вас желанно мне,
В какой земле, в какой стране
Вы пробыли всё время это.
Велел и зиму я и лето

Искать вас всюду и везде.
Никто вас не нашёл нигде».
«О господин мой, расскажу
И в двух словах вам опишу
Всё, что смогло со мной случиться.
Мелеаган меня в темнице
Держал предательски с тех пор,
Как пленники из края Горр
Мной были освобождены.
Мне были муки суждены
В темнице-башне возле моря,
Где заточён я был на горе.
И до сих пор мне было б туго,
Когда бы не одна подруга.
Я прежде юной деве той
Подарок сделал небольшой.
За дар ничтожный, несомненно,
Она услугою бесценной
Мне воздала, благой сеньор.
Тому, кто, заслужив позор,
Обрёк меня судьбе плачевной,
По чьей вине я ежедневно
Был муки вынужден сносить,
Хочу свой счёт я предъявить.
Он хочет этого — получит,
И ждать ему уж не наскучит,
Поскольку биться он готов,
И я готов без лишних слов!
Что ж, пусть расплатится по счёту».

Гавэйн сказал тут Ланселоту:
«При таковом возврате долга
И честь утратить мне недолго.
Коль вашему я кредитору
Долг возвращу, то в эту пору
В накладе не останусь я.
И я готов, ведь мы друзья.
Как видите, я на коне.
Услугу окажите мне,
Друг дорогой, нуждаюсь в ней я».
Но тот ответил, что скорее
Себе позволит вырвать глаз,
Чем даст согласие сейчас.
Поклялся: не бывать тому,
Свой долг лишь самому ему
Исполнить надлежит как должно.
Гавэйн же понял: невозможно
Ему препятствовать ни в чём,
Он снял кольчугу и шелом.
А Ланселот их вмиг надел,
Минуты медлить не хотел,
Ведь не терпелось честь по чести
Исполнить долг заветной мести.
Не будет в жизни он счастлив,
Мелеагану не отмстив.
А тот был удивленья полон,
С ума чуть было не сошёл он,
Невероятное узрев.
Он предпочёл бы спрятать гнев,

В растерянности удалиться.
«Я глуп, коль мог сюда явиться,
Всё не проверив, — молвил он, —
По-прежнему ли заточён
В моей темнице-башне враг.
Перехитрил меня он как?
О Боже, почему я здесь!
И как подумать мог доднесь,
Что выберется узник цепкий?
А разве стены там не крепки,
Не высока ли цитадель?
Нашлась ли трещина иль щель,
Чтоб он без помощи извне
Смог выйти бы? Сдаётся мне,
Что из-за чьей-либо измены
Повреждены темницы стены
Иль башни был обвал допущен.
Но разве б не был он расплющен,
Убит и на куски разорван?
Конечно, был бы сразу мёртв он,
Обрушься башня та. Как знать,
Чтоб эти стены расшатать,
Потребно б было выпить море,
Чтоб извелась вода и вскоре
Настало светопреставленье.
Что ж побудило сотрясенье?
Не так всё, думается мне,
Он только с помощью извне
Наружу вышел, вот нелепость!

А я теперь утратил крепость,
И заговор тому виной.
Будь я внимательней порой,
Не вышло б так, о сей поре
Он не явился б при дворе!
Но ничего уж не исправить.
Гласит пословица не зря ведь
(Мне вспоминать её несносно),
Что запирать конюшню поздно,
Коль сделал дело конокрад.
И мне, конечно же, вдогад
То, что я буду опозорен,
Когда останусь непокорен.
Чего же ради боль сия?
Пока смогу держаться я,
Найду я для него занятье,
На Бога должен уповать я».
Уверенность хранить он тщился,
Меж тем к иному не стремился,
Как только к бранной схватке с ним.
Час пробил, бой неотвратим.
Ему навстречу — Ланселот,
Легко, он чаял, верх возьмёт.
Король Артур пред этим боем
Спуститься повелел обоим
На луг перед донжоном (даже
В Ирландии нет луга краше).
И оба по его указу
Спустились по отлогу сразу.

Король туда же вслед идёт,
С ним войско, свита и народ.
Не исключая никого,
Спустились все до одного.
У дам, девиц одна забота —
В восторге видеть Ланселота.
А там взрастала сикомора[92].
Отрада дивная для взора,
Она раскинулась ветвисто
Среди лужайки травянистой,
Прекрасной, свежей, как газон,
Всегда ухоженный в сезон.
Во Авелевы времена
Была посажена она.
Чистейший ключ там протекал,
Красивый гравий он ласкал.
Всё серебриться роднику:
По золотому желобку
Стекал он, быстрый ток стремя,
В дол между рощами двумя.
В таком-то месте, столь приятном,
Решил воссесть король, а ратным
Велел назад чуть отступить.
И Ланселот тут во всю прыть
Помчался на Мелеагана,
Столь ненависть была в нём рьяна.
Но прежде чем нанесть удар,
Ему он крикнул, грозен, яр:
«Бросаю вызов! Подойди!

Пощады от меня не жди!»
Коня ударив шпорой колкой,
Он отступил назад настолько,
Чтоб можно было без труда
Из лука выстрелить тогда.
И вот друг на друга в упор
Летят они во весь опор.
Разят в щиты они сначала;
Щиты пробиты, но нимало
Удары не коснулись тел,
Никто другого не задел.
И вновь стремительно схлестнулись,
Затем галопом развернулись
И нанесли удар, другой,
Красуясь силою, с какой
Ристают лучшие в боях
На резвых мощных скакунах.
Щиты, что на груди их были,
Внезапно копья отклонили,
И те упали, не сломясь,
Но ранив кожу им в сей раз.
Толкали что есть сил друг друга,
Чтоб наземь скинуть, но подпругу
Держали крепко, не тяня,
Чтоб не упасть в бою с коня
И на земле не оказаться.
В горячке кони их ярятся,
Они кусаются, хрипят,
Убить друг друга норовят.

Упавший мигом поднимался
И сразу же за меч хватался,
Где выгравирован был девиз.
Щиты не опускали вниз,
Умело защищались ими,
Ища места поуязвимей,
Чтоб нанести удар стальным
Мечом пронзающим своим.
Всё Ланселоту нипочём,
Он во владении мечом
Противника умелей вдвое,
Ведь с детства знал искусство боя.
Как прежде их удары тяжки,
Друг друга рубят без промашки,
И шлемы в планках золотых
Уже расколоты у них.
Но Ланселот всё боле, боле
Теснил противника на поле
И, наконец, что было сил
Его в десницу поразил.
И выпустила меч рука.
Хотя броня была крепка,
Но подвела, не защитила:
Сталь руку напрочь отхватила.
Себя увечным ощутив,
Мелеаган воскликнул, взвыв,
Что Ланселот, отнявший руку
Заплатит дорого за муку.
Лишь случай выпадет ему,

Сомненья будут ни к чему,
Теперь-то уж за ним не станет.
Так боль сознание туманит,
Что в бешенстве и муке жуткой
Чуть не утратил он рассудка.
Себя бы он презренным счёл,
Когда по-своему б не свёл
С соперником злодейски счёта.
Он налетел на Ланселота,
Желал застать его врасплох.
Да только Ланселот не плох,
И он недрогнувшей рукой
Нанёс ему удар такой,
Что от него не встал бы смертный,
Лежав апрель и май — всё тщетно.
Рассек ему он нос и губы,
Вплоть до зубов, и вышиб зубы.
От ярости нечеловечьей
Мелеаган лишился речи,
Не попросил пощады он.
Безумьем ум был затемнён,
И он с ним справиться не смог.
Шлем Ланселот с него совлёк
И голову отсек тотчас же,
А тот не увернулся даже:
Он пал, был рок его таков.
И я заверить вас готов:
На зрелище взирая то,
Не пожалел его никто.

Король со свитою и всеми
Торжествовал всё это время.
И тот, кто больше ликовал,
Оружье с Ланселота снял,
Его с триумфом провели.
Сеньоры, здесь рассказ продли,
Я бы превысил свой сюжет,
А уж довел до крайних мет
«Телегу» и стихи сии
Я, клирик Годфруа Ланьи.
И нет худого, несомненно,
В том, что окончил труд Кретьена,
Ведь сделал это в совершенном
Он соответствии с Кретьеном,
Который начал этот сказ.
Продолжил он с того как раз,
Как Ланселот был заточён.
И это всё, что сделал он.
Не будет править он роман,
Чтоб не внести в него изъян.

Здесь заканчивается роман о Ланселоте,
Рыцаре телеги.

Приложения

Обоснование текста

Перевод романа «Ланселот, или Рыцарь телеги» выполнен по наиболее авторитетному на сегодняшний день изданию полного собрания сочинений Кретьена де Труа (в одном томе), вышедшему в серии «Библиотека Плеяды» под общей редакцией Даниэля Пуарьона (Chrétien de Troyes. Oeuvres complètes. P.: Gallimard, 1994. Édition publiée sous la Direction de Daniel Poirion, avec la collaboration d'Anne Berthelot, Peter F. Dembowski, Sylvie Lefèvre, Karl D. Uitti et Philippe Walter).

Из существующих наиболее полных списков романа (их 3) для указанного издания базовым был избран список BN fr. 794, который обычно использовался, в качестве основного, и при издании других произведений Кретьена де Труа. Он известен как «список Гюйо» и относится к первой половине XIII века; был опубликован Ф. Леруа (Les Romans de Chrétien de Troyes édités d'après la copie de Guiot. P.: Champion, 2 vol. 1973; 1975). В качестве контрольного использовался список BN fr. 1450, относящийся также к первой половине XIII века (к сожалению, текст романа в этом списке начинается с 5642-го стиха). Список Гюйо был создан в Шампани, а контрольная рукопись – в Пикардии, что определило общие языковые особенности памятников и возможности объективных сопоставлений. Третий список BNfr 12560 оформлен в XIII веке в Шампани и тоже был учтен в качестве контрольного.

Из пяти прочих списков, также относящихся к XIII веку, использовались для частных уточнений четыре, но все они включают лишь фрагменты романа.

Стихотворный перевод романа Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь телеги»» на русском языке публикуется впервые.

Михайлов А.Д.

Молодые герои Кретьена[1]
(фрагмент)

1

Иоганн Готфрид Гердер уже очень давно обратил внимание на то, что именно во Франции и в довольно определенный исторический момент сложились почти идеальные условия для возникновения рыцарского романа. Немецкий историк писал: «Нигде не было более благоприятных условий для развития романа, чем во Франции. Сошлось множество причин, а потому сам язык, поэзия, образ жизни, даже мораль и религия были заранее, словно нарочно, подготовлены к романам»[2]. С той поры как это было написано, прошло уже немало времени. Немало было и написано нового. Очень многое, о чем говорил Гердер лишь приблизительно, лишь интуитивно, теперь уточнено и подкреплено почти математическими выкладками. Мы можем, например, сказать, сколько существовало тогда рыцарских зам-

---

[1] Впервые статья опубликована в кн.: Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М. «Наука». 1980. Печатается с разрешения правопреемника.

[2] *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 588.

ков, какова примерно была их челядь, как много было в ее составе певцов-поэтов и т. д.[3] Выяснены литературные источники произведений романного жанра, в том числе античные[4], а также, что еще важнее, кельтские[5]. Нам уже приходилось писать о том, когда именно и приблизительно где сложились наиболее благоприятные условия для возникновения нового жанра[6]. Не повторяя наших доказательств, а также не перегружая работу излишними ссылками, укажем здесь, что наиболее подходящая обстановка для быстрого и энергичного развития романного жанра, культурная, идеологическая и политическая, определилась при северофранцузских феодальных дворах, где воцарилась своеобразная куртуазная атмосфера, во многом сходная с подобной же атмосферой на юге, в Провансе, а затем и в других уголках феодальной Европы. Сходная, но не идентичная ей.

Отметим типологическую близость разных национальных и региональных манифестаций феодальной рыцарской культуры, которая сложилась в достаточной мере кодифицированную, а потому обладающую определенной жесткостью систему. Эта жесткость не устраняла до конца ни эволюции этой системы, ни наличия в ней

---

[3] См.: *Bezzola R.* Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident. Deuxième partie, La Société féodale et la transformation de la littérature de cour. Paris, 1960.

[4] См.: *Faral E.* Recherches sur les sources latines des contes et romans courtois du Moyen Age. Paris, 1913.

[5] См.: *Marx* J. Nouvelles Recherches sur la littérature arthurienne. Paris, 1970.

[6] См.: *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976, с. 15–34.

«нюансов» и «оттенков» (если не противоборствующих тенденций). Возникший своеобразный куртуазный универсум отразил чаяния и стремления очень разнородных феодальных кругов, поэтому его содержание, скажем в Провансе, было не совсем такое, как на севере Франции; поэтому *же* те или иные жанры (а следовательно, и типы писателей) получили не везде одинаковое развитие и распространение.

По крайней мере, вначале. С развитием феодального общества, с усилением и усложнением контактов, обмена и т. д., первоначальные местные черты, конечно, стирались. Шло определенное выравнивание. И если ограничиться жанром романа, то задающей тон здесь окажется не провансальская куртуазная среда, где «куртуазия» собственно зародилась, а среда северофранцузская. Дело не только в том, что в первом десятилетии XIII в. в результате так называемых «альбигойских войн» с культурным своеобразием Прованса было покончено, а также в том, что сами эти войны во многом были вызваны имперско-универсалистскими тенденциями, получившими широкое развитие уже с середины XII столетия. Нет, не одни богатства, накопившиеся в провансальских городах, и не возникновение там уравнительных ересей погнали отряды рыцарей на юг. Борющимся феодальным кликам, мечтавшим о господстве на континенте и о создании некоего подобия новой «империи» (в этой борьбе тон задавали английские Плантагенеты, располагавшие обширнейшими территориями во Франции), мешали независимые провансальские княжества, графства, баронства.

Таким образом, возобладал «французский» путь феодального развития, «французский» тип куртуазной культуры, теснейшим образом связанный с крупным (нередко – королевским) двором и с теми идеологическими и политическими задачами, которые в такой среде бывали ведущими.

Гердер в уже цитированном месте своего капитального труда не говорит о дате возникновения во французской литературе нового жанра – романа. В его время это невозможно было сделать: слишком приблизительным было знание фактической стороны дела. Да и сейчас точной даты назвать нельзя. Гердер просто имеет в виду определенную фазу развития рыцарской культуры. Уточним: роман возник в XII столетии, в том веке, который нередко называют одним из «ренессансов» в эволюции западноевропейской культуры. О правомерности этого термина (вернее, о его приложимости к XII в.) давно и оживленно спорят ученые разных школ и направлений, разной национальной принадлежности. То, что это споры не о словах, – очевидно. Вот почему по этому вопросу уже накопилась весьма обширная, очень разнородная, но вне всякого сомнения – интереснейшая и важная научная литература[7]. У «ренессанса XII столетия» есть верные адепты и убежденные противники. В ходе этих дискуссий многие черты культуры XII в. были прояснены или

[7] Ее критический обзор дан в статье Б.В. Горнунга; см.: *Горнунг Б.В.* Существовал ли «ренессанс XII века»? – «Историко-филологические исследования». Сборник статей к семидесятипятилетию академика Н.И. Конрада. М., 1967, с. 272–282. См. также «Entretiens sur la Renaissance du XIIe siècle». Ed. M. de Gandillac et E. Jeauneau, La Haye, 1968.

выяснены, и в этом – положительный результат еще незавершенных споров.

И вот что показательно: даже противники подобного «ренессанса» не могут отрицать, что XII в. по своим культурным результатам разительно отличается от XI в.: он и несравненно богаче, и бесспорно многообразнее. Десятки имен, сотни произведений, многочисленные новые литературные жанры, не существовавшие ранее, – все это принес с собой XII век. Он не был «революционным», «переломным» и т. д., он был просто полнокровным и богатым, щедрым на литературные находки, научные поиски, архитектурные дерзания. Далеко не случайно именно в этом веке, как убедительно и увлекательно показал современный французский ученый Жак Ле Гофф[8], произошло рождение новой европейской интеллигенции. Еще глубоко средневековой, но уже начинающей ощущать себя как некое сословие, вернее, как «прослойку», отличную от других компонентов средневекового общества. И показательно, что очень часто эти «интеллектуалы» начинают организовываться, создавая кое-где цехи, ибо вне коллектива, вне конкретной организации существование в средневековом обществе было невозможно.

Прибежищем этой интеллигенции были заметно выросшие и укрепившиеся в XII в. города, где на смену монастырским школам пришли университеты. В них появлялась «новая» профессура; таким первым профессором, во многом в современном смысле этого слова, стал Абеляр.

[8] *Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen Age. Paris, 1976.

У него был могучий противник, могучий не только по своим связям и непререкаемому авторитету в клерикальных кругах, но и по силе и оригинальности своего мышления – Бернар Клервоский. Учение этого сурового воителя, уверенного в необходимости крестовых походов и жестокого искоренения ереси, и одновременно вдохновенного мистика, убежденного в способности человеческой души познать божественную мудрость и даже в результате экстаза слиться с ней, учение это оказало огромное воздействие на мышление и на чувствования средневекового человека[9]. Оказало влияние на художественную жизнь эпохи, на литературу, не обойдя и роман[10].

Своеобразие и многообразие философской мысли того времени нашло свое выражение, в частности, в увлечении символикой и аллегоризмом. Любой сюжет, любой персонаж, любое случившееся с героем произведения приключение получали множественное истолкование. В литературном памятнике искали не только развлечение, забаву, но и определенную сумму сведений – по истории, географии, естественным наукам, наконец – серьезный моральный урок. Дидактический аспект почти любого произведения эпохи нельзя не принимать в расчет, хотя многие поэты в своем наивном и добродушном морализировании были далеки от нормативности. Их волнова-

[9] Наиболее обстоятельно и глубоко это влияние показано в работе Ж. Дюби; см.: *Duby J.* Saint Bernard. L'Art cistercien. Paris, 1976.

[10] Впрочем, это стало особенно явно чувствоваться к концу века, в последнем романе Кретьена де Труа, в трилогии Роберта де Борона и в ряде других, нередко эпигонских, произведений. Их мы не будем касаться в своем анализе.

ли не неукоснительные моральные ограничения и постулаты, а вопросы личной ответственности человека. Ответственности не только перед богом, но и другими людьми. И рядом с суровой моралью цистерцианцев, для которых теократическая модель общества была неоспоримым идеалом, можно обнаружить попытки рассмотреть человеческую личность вне религиозной доктрины. Не в противовес ей, а именно вне ее, что не делало такие попытки антирелигиозными, не делало их даже нерелигиозными, но открывало широкие возможности для изучения самоценности человека.

Не следует забывать, что XII век – это время крестовых походов. В их обстановке иной смысл получало представление о целях и назначении рыцарства. Не без влияния церковной идеологии суровый «воин» «жест» (т. е. героико-эпических поэм) превращался в не менее сурового христианского «рыцаря»[11]. Защита веры выдвигалась в его деятельности на первый план. Такое понимание института рыцарства проникало и в литературу, но там, под воздействием куртуазной среды с ее специфическими представлениями и вкусами, существенным образом трансформировалось. Возникали идеалы придворной жизни, изнеженной и праздной, и явно противостоящие им идеалы странствующего рыцарства, представители которого пускаются на поиски приключений и совершают подвиги во имя обета, данного даме сердца, или сюзерену, или собратьям по Круглому Столу. Их рыцарские свершения – это не просто подвиги силы, мужества, ловкости

[11] См.: *Chélini J.* Histoire religieuse de l'Occident médiéval. Paris, 1968, p. 296–298.

или находчивости. Немалое место в идеалах странствующего рыцарства занимают щедрость, самоотверженность, милосердие, помощь слабым и сирым и т. д. Таким образом, приключения рыцарей оказывались совсем небессмысленными, как это стало в эпигонском рыцарском романе. Кроме того, благодаря пристрастию средневекового человека к сложной многоступенчатой символике, и подвиг рыцаря, да и сам он, равно как и его дама, могли получать не однозначное толкование. Подвиг мог быть переосмыслен не только в плане морального назидания, но и чисто символически, т. е. нести в себе некий скрытый, сокровенный смысл.

Собственно, все эти качества героя куртуазного романа, продиктованные идейными течениями своего времени, в романе сильно трансформированные, а также многозначные толкования содержания рыцарских повествований, сложились далеко не сразу. В первых романах их не было, ибо первые памятники жанра были переосмыслением, пересказом под новым углом зрения старых античных сюжетов; в них фигурировали соответствующие персонажи, лишь вели они себя по-новому, как кавалеры и дамы XII в., а не далекого прошлого. В полной мере новые качества романа и его героев обнаружились в произведениях Кретьена де Труа; нам уже приходилось писать о его предшественниках[12], поэтому есть смысл сразу обратиться к его творчеству.

---

[12] См.: *Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман, с. 35–64. См. также: *Raynaud de Lage G.* Les premiers romans français. Genève, 1976.

2

Жизнь Кретьена[13] известна нам плохо. Этому, впрочем, не приходится удивляться: о скольких выдающихся поэтах средневековья мы не знаем практически ничего, кроме их имен и, конечно, произведений! Ни один документ эпохи не упоминает нашего поэта – ни приходские книги Труа или иных городов Шампани, ни университетские регистры, ни королевские ордонансы или постановления местных парламентов. Сам Кретьен де Труа, как и многие его современники, говорил о себе скупо, перечисляя лишь им написанное и не задерживаясь на малозначащих, с его точки зрения, событиях своей жизни. Эта незаинтересованность собой как человеческой личностью не означала, конечно, что он был низкого мнения о себе как о поэте. Напротив, у него явственно ощущается пробуждение авторского самосознания. Авторского, но не личностного.

[13] Литература о творчестве Кретьена де Труа достаточно велика; в последние годы она продолжает интенсивно пополняться. В нашей книге (см.: *Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976, с. 112) приведен список основных работ, посвященных Кретьену; его можно дополнить следующими работами: *Haidu P.* Aesthetic Distance in Chrétien de Troyes: Irony and Comedy in Cliges and Perceval. Genève, 1968; *Laurie H. C.* Two Studies in Chrétien de Troyes. Genève, 1972; *Ribard J.* Chrétien de Troyes, le Chevalier de la Charrette. Essai d'interprétation symbolique. Paris, 1972; *Zaddy Z.P.* Chretien Studies. Problems of Form and Meaning in «Erec», «Yvain», «Cliges» and the «Charrete». Glasgow, 1973; *Bednar J.* La Spiritualité et le Symbolisme dans les oeuvres de Chrétien de Troyes. Paris, 1974; *Gallien S.* La conception sentimentale de Chrétien de Troyes. Paris, 1975; *Altieri M.* Les romans de Chrétien de Troyes. Leur perspective proverbiale et gnomique. Paris, 1976.

На этой особенности поэтов типа Кретьена де Труа полезно остановиться несколько подробнее. Их называли и называют «труверами», что звучит как параллель термину «трубадуры». Между тем в этом наименовании, при всей его этимологической близости термину, определяющему поэтов средневекового Прованса, больше противопоставления, чем аналогии. Первые французские лирические поэты, обратившиеся к любовным темам и трактовавшие их в духе провансальской поэзии, были не только малочисленны, но и не выдвинули творческих величин, которые можно было бы сопоставить, скажем, с Гираутом де Борнелем, Бернартом де Вентадорном, Бертраном де Борном, Пейре Видалем, Арнаутом Даниэлем, Гаусельмом Файдитом, Гильемом де Кабестань, Рамбаутом де Вакейрасом, Раймоном де Миравалем, Арнаутом де Маройлем и столькими еще поэтами, оставившими заметный след в лирике своей эпохи. На севере Франции их современниками (но, увы, не соперниками) были Гас Брюле, Жилль де Вьё-Мезон, Пьер де Молен, Конон де Бетюн, Блондель де Нель, Гюйо де Провей, Гуон д'Уази, наконец, сам Кретьен де Труа. Наследие всех этих поэтов невелико и явно носит черты «домашнего стихотворства», хотя песни труверов не лишены ни известной задушевности, ни бесспорной мастеровитости. Оригинальности в них мало: северофранцузские поэты были послушными учениками трубадуров, и лирические интонации последних неизменно звучат в произведениях современников и соратников Кретьена, да и его самого. Подлинный расцвет французской лирической поэзии начался позже, в конце XIII в., и имел иные предпосылки для своего развития.

На севере лирическая поэзия заняла место значительно более скромное, чем на юге, в Провансе. Творческие усилия поэтов были направлены не на раскрытие острого, но мимолетного любовного переживания, а на рассказ об увлекательных и нередко загадочных событиях и приключениях, в основе которых, впрочем, также лежала любовная коллизия, но раскрывалась она в своей эволюции, в хитросплетениях противоречий. Это не значит, что искусство труверов было выше искусства трубадуров. Оно просто было иным. Оно требовало иных навыков, иных знаний, иного вдохновения. Оно, по сути дела, сформировало совершенно иной тип поэта, отличающийся и от дружинных певцов – создателей «жест», и от авторов лирических любовных жалоб и восторгов, выходивших из-под пера провансальских трубадуров. Труверы тоже «искали» и новые сюжеты, и неизбитые мотивы, и неожиданные и затейливые средства их передачи, но искали совсем не там, где находили их лирические поэты Лангедока. Не в творениях античных лириков, не в стихии народной песни и не в собственном сердце. В эпических поэмах античности, в преданиях и легендах языческих племен, еще недавно населявших Европу. Широкое эпическое полотно нельзя было создать на одном дыхании, как лирическое стихотворение. Здесь требовалось время, усидчивость, определенные навыки и знания. Куртуазные романы сочинялись не в седле, не у походного костра, не в краткие моменты передышки во время турнира или замкового пира. Сочинялись они в уединенной монастырской келье или в дальних покоях замка. Они требовали не только лирического вдохновения, но повествовательного и ком-

позиционного мастерства, требовали в достаточной мере четких этических позиций и, как увидим, нередко – зрелого политического мышления. Труверы были для своего времени людьми образованными. Они одолели «тривиум» и «квадривиум», т. е. были знакомы с «семью свободными науками» того времени – грамматикой, риторикой, логикой, арифметикой, музыкой, геометрией и астрономией. Они неплохо знали латынь и литературу на этом языке, причем, не только новую, средневековую (как религиозную, так и светскую), но и античную. Этот момент очень важен. Изучение древнеримской литературы многое дало куртуазным поэтам французского севера – темы, сюжеты, отчасти композиционные и повествовательные приемы[14].

Такой поэт, прилежно проштудировавший классиков, знающий, естественно, латынь (не говоря уже о том, что он прошел и солидную теологическую подготовку), бывал обычно клириком, т. е. принадлежал к духовному сословию. Это не значит, однако, что он непременно был священником или монахом. Он мог и не иметь прихода. Так как он был человеком образованным, он нередко привлекался к государственной деятельности – как законовед, дипломат, составитель королевских ордонансов, как библиотекарь, секретарь, как историограф.

Таким ученым клириком, состоявшим на службе у знатных сеньоров, и был Кретьен де Труа. Кто были эти покровители и работодатели – известно. Один из них –

[14] Показательно, что трактаты по поэтике, создававшиеся в ту эпоху, ориентировались на опыт античной литературы. См.: Faral E. Les Arts poétiques du XIIe et du XIIIe siècle. Paris, 1924.

Генрих Щедрый, граф Шампанский[15]. Он был женат на Марии, дочери французского короля Людовика VII . Графиня Мария унаследовала от своей матери Альеноры Аквитанской[16] широкие литературные и художественные интересы в соединении с известным личным обаянием и незаурядным умом. Не исключено, что Кретьен сопровождал свою покровительницу, когда та посещала Пуатье, где подолгу живала стареющая Альенора после ссоры со своим вторым мужем английским королем Генрихом II Плантагенетом. Графине Шампанской поэт посвятил один из своих романов, назвав ее в первой же строке произведения, но исследователи склонны полагать, что и другие свои книги он создал если не по прямому указанию, то под несомненным влиянием Марии, ее окружения, тех интересов и тех литературных вкусов, что царили при ее дворе. С этим вряд ли стоит спорить. К этому можно добавить, что и муж Марии граф Генрих был личностью незаурядной. Как полагает Джон Беднар[17], он не просто сочувствовал пристрастиям и взглядам своей молодой жены, но и сам показывал пример куртуазной щедрости, изящества и радушия. Можно предположить, что красноречивое восхваление этих достоинств сюзерена в «Клижесе» Кретьена

[15] См. О нем: Bezzola R.. Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident. Troisième partie, La Société courtoise: Littérature de Cour et littérature courtoise. Paris, 1963, p. 373.

[16] См. О ней: Kelly A. Eleanor of Aquitaine and the Four Kings. London, 1952; Markale J. La vie, la légende, l'influence d'Alienor Contesse de Poitou, Duchesse d'Aquitaine, Reine de France, puis d'Angleterre, Dame des Troubadours et des bardes bretons. Paris, 1979.

[17] *Bednar J.* La Spiritualité et le Symbolisme dans les oeuvres de Chrétien de Troyes. Paris, 1974, p. 42–45.

(см. ст. 190–216) продиктовано общением нашего поэта с владетелем Шампани.

Несколько позже судьба свела Кретьена с другим владетельным сеньором. Им был Филипп Эльзасский, граф Фландрский (1142–1191), разделявший интерес к литературе своей жены Изабеллы Вермандуа (ум. 1182). При этом дворе господствовали несколько иные вкусы, не случайно именно здесь возник интерес к легенде о Святом Граале, и наш поэт получил заказ на ее обработку в форме рыцарского романа. Благодаря этому заказу появился «Персеваль» Кретьена и его многочисленные продолжения, дополнения и т. д., т. е. целая обширная литература на многих языках Европы.

Следует заметить, что дворы графов Шампанских и графов Фландрских хоть и были связаны с королевским (как и двор графов Блуаских), но сохраняли по отношению к нему известную независимость и даже не раз вступали в союз с англичанами.

Помимо этой близости к определенным феодальным кругам и восприятия их настроений и вкусов следует отметить увлечение Кретьена, видимо, в молодые годы, произведениями Овидия, о чем он сам рассказал в прологе «Клижеса». Это юношеское увлечение было достаточно сильным и оставило свои следы в произведениях и более поздних лет. Как отмечают исследователи[18], в романах нашего поэта немало реминисценций из произведений древнеримского лирика. Этому не приходится удивляться: XII столетие было временем не просто возросшего интереса к Овидию, но подлинного «овидианского возрождения»,

[18] См.: *Frappier J.* Chrétien de Troyes, I'homme et 1'oeuvre. Paris, 1957, p. 19–20.

когда от чисто школьного (а потому весьма ограниченного, «средневекового») понимания античного поэта старались перейти к его более глубокой и новой трактовке[19]. Результаты кретьеновского увлечения Овидием сохранились, по-видимому, далеко не полностью; мы располагаем сейчас лишь «Филоменой» (обработкой ряда сюжетов «Метаморфоз»). Утрачены переделки «Науки любви» и «Лекарства от любви», возможно, еще что-то. Но у нашего поэта были и иные источники вдохновения, кроме Овидия. Вслед за нормандским трувером Васом, переложившим французскими стихами латинскую псевдохронику Гальфреда Монмутского[20], Кретьен обратился к кельтским сюжетам, дав им очень своеобразную трактовку. Проблемой соотношения творчества Кретьена и кельтской мифологической традиции специально занимался Р.-Ш. Лумис[21], сделавший ряд интересных наблюдений. Между тем здесь далеко не все еще ясно. Отдельные мотивы, отдельные сюжетные ходы и персонажи произведений поэта из Труа, бесспорно, восходят к известным нам кельтским источникам[22] и не

[19] См.: *Pansa G.* Ovidio nel medio evo. Sulmone, 1924; *Rand E.K.* Ovid and his influence. New York, 1928; *Munari F.* Ovid in Mittelalter. Zürich—Stuttgart, 1960.

[20] См.: Faral E. La légende arthurienne, t. II . Paris, 1969; Markale J. L'épopée celtique en Bretagne. Paris, 1971, p. 231–260; idem. Le Roi Arthur et la société celtique. Paris, 1977, p. 37–95.

[21] Loomis R. S. Arthurian Traditions and Chrétien de Troyes. New York, 1949.

[22] См., например, нашу статью о соотношении романа «Эрек и Энида» и его валлийской параллели: Михайлов А.Д. Два «романа» об Эреке (к вопросу о литературных взаимосвязях в эпоху средних веков). – Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л, 1976, с. 327–333.

представляют затруднений для толкования. О происхождении других приходится лишь гадать. Возможно, Кретьен де Труа располагал какими-то письменными источниками кельтского происхождения, откуда он мог почерпнуть и сюжеты, и способы их развертывания. Ведь поэт неоднократно говорит о неких старых «повестях», «рукописях», «книгах», в которые он заглядывал. Впрочем, этим ссылкам на «источники» не всегда следует верить, ибо нередко они служили не столько для сознательной мистификации, сколько были удобным повествовательным приемом: человек средневековья охотно верил всяческим небылицам, но в то же время требовал доказательств их достоверности.

Кельтская тематика была поистине счастливой находкой. О том, какие творческие возможности открывало это перед Кретьеном де Труа и перед его многочисленными последователями, мы скажем несколько ниже. Сейчас же отметим, во-первых, многообразие жанров, к которым обращался поэт, и, во-вторых, энциклопедический характер его творческого наследия.

Кретьен оставил нам пять романов. Перечислим их и укажем приблизительные даты их создания. Приблизительные потому, что точные датировки в нашем случае невозможны – не на что опереться. На основании тонкого анализа стилистики романов и содержащихся в них исторических и иных намеков в настоящее время принята приблизительно следующая хронология произведений поэта[23]. Первым его романом был «Эрек и Энида», написанный,

[23] См.: *Fourrier A.* Encore la chronologie des oeuvres de Chrétien de Troyes. – Bulletin bibliographique de la Société internationale arthurienne, fasc. 2, 1950, p. 69–88.

по-видимому, около 1170 г. Затем последовал «Клижес», датируемый, весьма приблизительно, 1176 г. «Ивейн, или Рыцарь со львом» и «Ланселот, или Рыцарь телеги» написаны в промежутке между 1176 и 1181 гг. На последнее десятилетие – 1181–1191 гг. – приходится работа над «Персевалем, или Повестью о Граале». Полагают, что поэт родился около 1130 г. Если это действительно так, то к работе над романами он приступил уже зрелым, многоопытным человеком, у которого за плечами были и годы учения (возможно, даже вагантского бродяжничества), и десятилетия придворной жизни, и далекие путешествия. А также немало творческого труда: ведь до «Клижеса» (видимо, и до «Эрека и Эниды») были созданы обработки произведений Овидия, а также какая-то версия легенды о Тристане и Изольде, до нас не дошедшая. Полагают, что это был не роман, а небольшая куртуазная повесть, типа бретонских лэ. Выступал Кретьен и как лирический поэт; он оставил две или три песни, написанные под сильным влиянием провансальского трубадура Бернарта де Вентадорна («Amors tançon et bataille», «D'amor qui m'a tolu a moi», «De joli cuer chanterai»). Создал он и произведение иного жанра – агиографическую поэму с очень сильными чертами романа. Это «Вильгельм Английский». Датировка его неясна, а авторство Кретьепа порой оспаривается. Популярность нашего поэта была такова, что ему приписывали произведения, которых он, видимо, не писал. С его именем, например, связывали такие пародийные книги, как «Рыцарь двух шпаг» или «Мул без узды».

Энциклопедический характер произведений Кретьена сказался, конечно, не только в разнообразии жанров, к ко-

торым обращался наш поэт. При всей фантастичности и ирреальности изображаемого романистом артуровского мира (об этом мы скажем несколько ниже), он воспроизвел подробно и разносторонне очень многие важные черты современной ему действительности – быт феодального замка и средневекового города, феодальные отношения, праздники и будни, развлечения, занятия и повседневный труд своего современника. Ведь основные герои его книг – рыцари – сталкиваются на своем пути и с городским простонародьем, и с ремесленниками, трудящимися в своих мастерских, и с крестьянами, пашущими землю или пасущими скот. Откликался Кретьен и на те моральные проблемы, которые волновали человека его эпохи (феодала, рыцаря, конечно). Привлекал его и интимный мир человеческих отношений.

Нами уже были подробно описаны основные черты рыцарского романа, каким он сложился под пером Кретьена де Труа[24]. Не повторяя всех наших наблюдений, отметим лишь главнейшие особенности такого романа.

Все события в романе подобного типа происходят в некоем вымышленном королевстве Артура, которое находится в очень сложной, во многом условной связи с действительностью XII в. и столь же условно локализовано географически. Предполагается, что Артур царит в Британии, Большой и Малой (т. е. в Англии и во французской Бретани), но одновременно его королевство охватывает весь западный мир, Артур – это император Запада. В известной мере его владения совпадают с «империей»

[24] См.: *Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман, с. 148–194.

Плантагенетов, которые имели обширные владения на материке (Аквитания). А можно сказать и иначе: Артуровское королевство – это земли, так или иначе связанные с кельтским населением (помимо Ирландии), в среде которого, по-видимому, и во времена Кретьена имели широкое хождение сказания о легендарном короле Британии, временно покинувшем этот мир, чтобы однажды вернуться и снова властвовать в своих землях.

Столь же условно и неопределенно и время существования артуровского мира. Он возник бесконечно давно и существует по сути дела всегда. Конечно, до времени Кретьена. Но как бы и рядом с ним. Мир Артура – это мир подлинной рыцарственности, которой нет в окружающей поэта и его современников действительности, но которая где-то есть, ее только надо найти. Эта «вычлененность» артуровского мира из реальности, его нарочитая, подчеркнутая и прокламированная фиктивность имели в романах Кретьена де Труа по меньшей мере троякий смысл. Во-первых, противопоставление этого мира истинной рыцарственности и благородства обыденной жизни несло в себе упрек последней в том, что повседневность оказывается бесконечно далекой от этих возвышенных идеалов. Во-вторых, сопоставление этих миров, реального и вымышленного, не могло не носить назидательного смысла. Тем самым королевство Артура становится у Кретьена де Труа поэтической утопией, прежде всего, конечно, утопией моральной, но в ряде случаев (например, в «Клижесе», отчасти в «Персевале») и утопией политической. В-третьих, необычность художественного мира романа позволяла организовать этот мир особым образом, дать ему специфи-

ческие законы существования и развития, в том числе широко ввести в него фантастическое и чудесное, наполнить таинственными превращениями и перевоплощениями, загадочными существами, ввести мотивы зачарованности и заклятия, вообще всяческой феерии (впрочем, весьма рационально организованной).

Роман Кретьена был нов и по своей структуре. Поэт обычно отказывался от подробного и долгого рассказа о всей жизни героя; он как бы выбирал из вечного бытия артуровского мира одного какого-то типичного героя и один какой-то яркий эпизод, и этому посвящал свой роман. Между прочим, в такой организации произведения заключены, как нам представляется, те возможности циклизации, которые позволят в дальнейшем последователям Кретьена создавать бесконечное число произведений на артуровские сюжеты, а потом и объединить все эти разрозненные повествования в гигантскую псевдохронику, в обширнейшую «историю» королевства Артура. Однако в центре кретьеновских романов был не просто один из эпизодов существования Артурова царства. Это и один эпизод из жизни героя (эпизод, конечно, в широком смысле слова). Это важнейший, решающий эпизод его жизни. Момент становления его, как рыцаря, как человека. Поэтому в романе Кретьена де Труа неизменно один герой, один конфликт, одна моральная проблема. Рядом с героем всегда – его партнерша. Она может быть очень активна, может даже определять характер сюжета и влиять на поведение героя, что убедительно показано М. Бородиной[25].

[25] См.: *Borodine M.* La femme et l'amour au XIIe siècle d'après les poèmes de Chrétien de Troyes. Paris, 1909.

Но все-таки основной объект повествования – это именно герой, который никогда не покидает «сцены». Этот герой всегда молод, хотя он иногда уже успел проявить себя как воин (таковы отчасти Эрек и Ивейн, таков, безусловно, Ланселот). Но чаще он еще не имеет сана рыцаря и делает на своем многотрудном пути лишь первые шаги. Хотя Кретьен и не изображает пышных сцен посвящения в рыцари, об этом ритуале говорится в связи с Александром, Клижесом, Персевалем. Эта молодость обусловила важную черту героя кретьеновских романов: герой этот развивающийся, формирующийся, но развитие и формирование происходят не без внутренних противоречий и препятствий, т. е. это сложное становление и развитие характера, и в этом-то и заключается его интерес. Мотивы поведения всех этих героев – разные, хотя в пределах одного произведения поведение героя определяется не одной причиной, не одним поводом. Но, так сказать, «магистральный» мотив поведения у них общий. Отсюда же – и общий «магистральный сюжет» кретьеновских романов. Сюжет этот может быть определен приблизительно так: «молодой герой (т. е. рыцарь) в поисках нравственной гармонии». К такой нравственной гармонии, к равновесию между любовью и осмысленным рыцарским подвигом идут – каждый своим путем – Эрек и Ивейн, для которых (отметим это, несколько забегая вперед) подлинный конфликт заключается в противопоставлении не любви и подвига, а любви настоящей и мнимой. Глубокий нравственный разлад стремится преодолеть одержимый любовью к королеве Геньевре Ланселот. В споре с трагической концепцией легенды о Тристане и Изольде и с куртуазным понима-

нием любви как служения даме разрешаются любовные коллизии в «Клижесе», и в первой его части, где говорится о любви родителей героя, и во второй, посвященной любовным взаимоотношениям Клижеса и Фениссы. Очень сложным путем идет к внутренней гармонии и Персеваль. И в его жизни решающую роль играет любовь. Но чувство к его прекрасной подруге Бланшефлор уступает место иному чувству – любви к высшей мудрости и справедливости, которая также должна быть приведена в гармонию с рыцарскими свершениями героя. Роман Кретьена де Труа, несмотря на обилие в нем сцен поединков, турниров, осад, шумных схваток, остается романом по преимуществу любовным. Отсюда его лирический характер, обилие монологов, неоднократное вторжение автора в повествование. Этим же оказалось обусловлено и еще одно качество такого романа. Речь идет о специфической «психологичности», что во многом отличает произведения нашего поэта от книг его предшественников и современников. «Психологизм» (или все-таки «психологичность») был еще наивным, достаточно примитивным и порой беспомощным. Но появление его понятно: психологизм пробивал себе дорогу в литературу прежде всего в сфере любовных отношений.

Забабурова Н.В.

Ланселот в поисках любви и славы

Ланселот вошел в европейскую культуру как воплощение совершенной куртуазной любви и поэзии адюльтера. Томление провансальских трубадуров и очарование кельтских преданий соединились в этом герое, занимающем особое место в творчестве Кретьена де Труа.

Об истории работы над романом «Ланселот, или Рыцарь телеги» можно судить по некоторым фактам. Он был заказан Кретьену де Труа графиней Марией Шампанской, старшей и любимой дочерью Альеноры Аквитанской, сыгравшей решающую роль в становлении французской куртуазной культуры. Работа началась, как предполагается, в 1176 году, после окончания романа «Клижес». В этот же период Кретьен работал и над романом «Ивэйн, или Рыцарь со львом» (очевидна даже перекличка их названий), который успел закончить. Но в 1181 году Кретьен получил от Филиппа Эльзасского, графа Фландрского, заказ на роман «Персеваль, или повесть о Граале». Не исключено, что в это время он поступил на службу к графу, покинув двор своей покровительницы Марии Шампанской. К этому времени Мария Шампанская овдовела, и граф Фландрский к ней сватался, но получил отказ. Подобная смена патронов – нередкое явление в эпоху Средневековья. Тогда, скорее

всего, и была прервана работа над «Ланселотом». Кретьен поручил «дописать» свой роман некоему клирику, который с гордостью назвал свое имя в финале романа. Вряд ли, как полагали некоторые исследователи, роман автору просто «надоел». Обстоятельства жизни Кретьена нам неизвестны, и стоит полагать, что работу прервала более веская и объективная причина, а может быть, и целый ряд обстоятельств.

О Годфруа де Ланьи, дописавшем роман по указаниям автора, известно немного. Сам он назвал себя клириком, каковым являлся и Кретьен де Труа. Он был уроженцем Ланьи, достаточно крупного северофранцузского города, который, вместе с Труа и Провеном, являлся одним из ярмарочных центров Шампани. В середине XII века в Ланьи случились две разрушительные эпидемии эрготизма (смертельной болезни, вызываемой грибковым вредителем ржи, – спорыньей). Ж. Ле Гофф отмечал, что эта напасть, названная «антоновым огнем», появилась в Европе в конце X века и ее симптомы были описаны в 1090 году хронистом Сигебертом Жамблузским[1]. Может быть, такое бедствие побудило Годфруа де Ланьи покинуть родные края? Расстояние между Ланьи и Труа, по средневековым меркам, немалое – более ста километров. Вряд ли Годфруа имел возможность запросто и часто наведываться в Труа, где могло бы произойти его знакомство и сближение с Кретьеном де Труа. По складу деятельности, клирик Годфруа должен был искать себе постоянное пристанище и работу (явно не связанные с сезонными передвижения-

[1] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 223–224

ми и крестьянским лихолетьем – в лучшем случае монастырь). Могло случиться и иначе. Человек XII века вовсе не был неизбежно оседлым. В эту эпоху странствия были и привычным занятием клириков. «Рыцари и крестьяне, – писал Ж. Ле Гофф, – встречали на дорогах клириков, которые либо совершали предписанное правилами странствие, либо порвали с монастырем (весь этот мир монахов, против которых напрасно издавали законы соборы и синоды, находился в постоянном коловращении)»[2] . Впрочем, следует иметь в виду один интересный факт. В 1179 году именно в Ланьи был устроен грандиозный турнир в честь коронации юного французского короля Филиппа-Августа, в котором приняло участие более трех тысяч рыцарей[3]. На нем присутствовали Генрих Младший (род. в 1155 г.), сын английского короля Генриха II и Альеноры Аквитанской, т. е. сводный брат графини Марии Шампанской, а также Филипп Фландрский, будущий покровитель поэта. Супруг Марии Шампанской Генрих Милостивый, большой любитель турниров, вряд ли мог пропустить такое зрелище, как и сама властительница Труа. Там и могла состояться встреча двух поэтов (а Годфруа оказался весьма талантливым поэтом, раз вполне успешно завершил «Ланселота»),

[2] Там же. С. 127.

[3] На этом турнире присутствовал и один из знаменитых воинов эпохи, избранный наставником Генриха Младшего в ратном деле – Уильям Маршал (фр. Гильом де Марешаль), как говорилось, наиболее успешный "молодой рыцарь" всего XII века. (1146–1219). Он успел послужить четырем английским королям, стал 1-м графом Пемброком и регентом Англии. Жизнь Уильяма Маршала была увековечена для потомства вскоре после его смерти в 1219 году в анонимной поэме "История Уильяма Маршала". В этой поэме есть и описание памятного турнира в Ланьи.

после чего клирик Годфруа де Ланьи вдруг да и получил возможность отправиться вслед за мэтром в Труа и оказаться при дворе Марии Шампанской, неизменно опекавшей людей искусства. Иначе трудно было бы объяснить появление его имени в финале «заказного» романа.

Этому художественному опыту предшествовали два романа, каждый из которых предлагал определенный жанровый вариант, в той или иной мере совместимый с опытом средневековой литературы. В «Эреке и Эниде» очевидно главенство бретонского материала (matière de Bretagne) и очарование кельтской романтики, где есть и заповедные пространства, и чудеса, и фантастические приключения. «Клижес» в чем-то ближе «античному» варианту средневекового романа, со своей необычной для рыцарского романа точной топографией, конкретными политическими аллюзиями и трактовкой центрального конфликта через проблему Восток/Запад. После 1176 года Кретьен явно возвращается к жанровой модели «Эрека и Эниды», и ей уже не изменяет – таков выбор художника.

«Ланселот» принадлежит идее артуровского (бретонско/кельтского) мира. Для автора и его современников это мир, как бы ныне мы сказали, возвышенных романтических преданий, противостоящих современному падению нравов (подобная тема – общее место в сетованиях интеллектуалов Средневековья), в которых реализуется идеал странствующего рыцаря, свободного в своих устремлениях к любви и славе.

Образы кретьеновских доблестных рыцарей уходят вглубь кельтских преданий, которые в течение веков распространялись в Британии и Уэльсе в устной традиции.

В свое время Г. Парис отметил, что артуровские сюжеты имели богатейшую устную традицию к середине 12-го века: «Эти англо-нормандские поэмы почти все утрачены: они известны лишь по английским, валлийским и, главным образом, французским подражаниям» [4]. Об этом свидетельствуют несколько письменных источников. Воспроизведенный в «Ланселоте» сюжет похищения королевы Геньевры связан с рядом довольно древних мотивов, и не только кельтских. Средневековому автору хорошо был известен космологический миф о Персефоне, а также миф об Орфее и Эвридике, донесенный Овидием (пример тому – средневековое «Лэ об Орфее»). В начале XII-го века в валлийском житии святого Гильды Премудрого, одного из первых британских хронистов, рассказывается, как Гильда помогал королю Артуру освободить похищенную королеву Гвеннувар, которую захватил и увез в Гластонию коварный король Мелв. В Мелве легко угадать Мелеагана из романа Кретьена де Труа. Здесь, правда, король Артур сам отправляется за королевой и освобождает ее: «Потребовал король у мятежников королеву на один год, услышал, однако, что она останется. Поэтому он собрал войско всего Корнуолла и Девона; война между врагами была подготовлена»[5]. В текстах, условно говоря, «исторических», к которым можно, прежде всего, отнести «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского, трагедия артуровского мира связана с двойным предательством – Мордреда, пле-

[4] Paris, Gaston. La Littérature française au Moyen Age. P.,1905. P. 94

[5] Гильда Премудрый. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды. С.-П.:Алетейя, 2003. С. 405.

мянника короля, и Геньевры, неверной супруги, которая бросает короля ради узурпатора. Кретьен де Труа полностью изменил этот уже известный сюжет, сделав возлюбленным королевы Ланселота, тем самым значимо сменив акцент: конфликт из династического перерос в психологический.

Ланселот упоминается в романе «Эрек и Энида» как Ланселот Озерный и в перечне рыцарей стоит на третьем месте вслед за Гавэйном и Эреком[6]. Как не раз отмечали исследователи, сюжет Ланселота содержит немало отсылок к тексту «Тристана и Изольды», столь любимому средневековым обществом и известному во многих вариантах. Сам Кретьен в первых строках романа «Клижес» признался, что тоже поведал историю о том, «как любила горячо Изольда пылкого Тристана». Этот текст до нас не дошел и явно относится к раннему творчеству писателя. Но тем больше оснований увидеть в «Ланселоте» очевидные параллели к «тристановскому» сюжету: любовная связь рыцаря и королевы, жены сюзерена, разоблачение измены (простыни, запачканные кровью раненого рыцаря), ложь влюбленных, оправдательный поединок.

У Кретьена Ланселот окружен тайной. Само его имя откроется только к середине романа. В тексте лишь бегло упоминается о некоей «даме-фее», взрастившей его и подарившей ему кольцо с заветным камнем, призванным спасать от бедствий. Мотив этот явно связан с кельтскими преданиями. В более поздних средневековых текстах, связанных с историей Ланселота, эта фея будет именоваться Вивианой,

[6] Chrétien de Troyes. Oeuvres complètes. P.: Gallimard, 1994. P. 42.

чаще Дамой Озера, возлюбленной самого Мерлина, а герой окончательно получит имя Ланселота Озерного.

Роман Кретьена открывается прологом, имеющим особое значение. Ранние докретьеновские романы во Франции обычно соотносились с античными источниками и часто представляли собой даже не перевод, а переложение латинских сочинений (к примеру, «Роман о Фивах», написанный в 1155 году, представляет собой адаптацию поэмы Стация «Фиваида»). Кретьен в прологе подчеркивает, что следует лишь воле графини Шампанской, пожелавшей, чтобы он написал «роман». Обычно считается, что в средневековой литературе романом называли любое произведение, написанное на романском, местном, наречии. В прологе понимание романа намного шире. Кретьен тоже подчеркивает, что обратился к родному языку (таково пожелание покровительницы), но при этом явно предполагает сочинение с совершенно новым сюжетом, который предложен ему Марией Шампанской. Отсутствие отсылок к источникам – важная деталь. При этом автор, получая от заказчицы «сюжет и замысел», оставляет за собой право этот сюжет развернуть и интерпретировать по собственному усмотрению, т. е. перевести в собственную художественную реальность:

О Рыцаре телеги тут
Начнёт Кретьен повествованье.
Сюжет и замысел сказанья
Внушила госпожа ему,
И лишь добавит он к тому
Своё усердье, ум да совесть.

Очевидно, что в центре будущего романа – история

героя, рассказанная на новый лад. Ланселот – это мечта об идеальной любви, живущая в душе средневековой читательницы/слушательницы. Один из исследователей остроумно заметил, что средневековый роман – это клирик и дама, ему внимающая. Знатные женщины в эпоху Кретьена составляли основную читательскую аудиторию.

О продуманном плане романов Кретьена де Труа можно говорить, имея в виду понятия, которыми пользовался сам автор в предисловиях к романам «Клижес» и «Ланселот, или Рыцарь телеги»: “matière”(материал; может быть, фабула), “sens” (смысл), «conjointure» (соединение, или в переводе на язык современных понятий – композиция)[7]. В совокупности эти три элемента составляют, по Кретьену, авторское искусство. Самосознание поэта, утверждающего особую значимость авторского творчества, отражало новые тенденции средневековой эстетики. Как справедливо отмечает Умберто Эко, с появлением рыцарства эстетические ценности «становятся принципами социальными». С вторжением в культуру женского начала «подчеркивается значимость чувства, и поэзия из объективного делания превращается в субъективное изъяснение». В итоге меняется статус поэта и его самооценка: «Труд поэта адресован не Богу и не церковной общине; он не имеет ничего общего с архитектурным произведением, о котором заранее ясно, что оно будет закончено кем-то другим; поэтическое сочинение нельзя считать адресованным узкому кругу знатоков манускриптов. Все это приводит к тому, что поэт все больше и больше вкушает славу быстрого успеха и радость

[7] Kelly D.F. Sense and Conjointure in the Chevalier de la Charette. The Hague; P.: Mouton &CO., 1966.

личной известности»[8]. Именно таков статус автора в романах Кретьена де Труа и в прологе к «Ланселоту», где он гордо называет свое имя.

* * *

Артуровский мир обретает в «Ланселоте» Кретьена де Труа не вполне однозначную характеристику. Драматична ситуация в зачине романа: Артур никак не может противостоять натиску чужеземного рыцаря, который выставил ему ультиматум и в залог взял королеву. Он только печалится и сетует. У Кретьена Артур предстает, скорее, как недвижный символ абсолютной справедливости и достоинства, некий статический центр куртуазного порядка.

Мотив свободного выбора рыцарского служения в такой ситуации обычно акцентирован. Рыцари, не спрашивая дозволения короля (к примеру, Ивэйн и Персеваль), отправляются на покорение врагов и чуждых пространств, где их на каждом шагу могут подстерегать неожиданные опасности.

Среди рыцарей Круглого стола, представленных в «Ланселоте», так поступают не все. Сенешаль Кей появляется почти во всех романах Кретьена де Труа и наделен постоянной характеристикой. Он злоречив, заносчив, груб и всегда является антагонистом и соперником главного героя. Король Артур, порой журя Кея за его злые выходки, тем не менее, наделяет его особым статусом и доверием. При короле Кей исполняет важные обязанности: он явля-

[8] Умберто Эко. Искусство и красота в средневековой эстетике. С.-Петербург. «Алетейя», 2003. С. 167.

ется сенешалем и полностью отвечает за установленный порядок придворной жизни. В «Ланселоте» свое решение сопровождать пленную королеву он облекает в привычную для него форму. Сначала нарочито вызывающе Кей объявляет о своем решении покинуть службу у Артура, пока тот не исполнит его условия, причем смысл ультиматума не разъясняется. Только после обещания короля исполнить любое желание Кея, тот объявляет о своем решении ехать с королевой. Таким образом, разрешение получено. Вслед за Кеем с просьбой к королю обращается Гавэйн, тоже занимающий особое место в иерархии артуровских рыцарей. Гавэйн – племянник Артура. Он неизменно предстает как воплощение доблести и куртуазности, при этом обладает безупречной выдержкой, разумной осторожностью и рассудительностью. Недаром он отказался сесть в телегу и был чрезвычайно поражен поступком Ланселота. Он вызывается, в свою очередь, выступить хранителем и спасителем похищенной королевы и дозволение Артура получает. Ланселот же вообще не появился во дворце, а узнав о случившемся, немедленно бросился в погоню за похитителями. Эта спонтанность порыва определяет его исключительное положение в романе.

При этом Кей терпит полное фиаско, а Гавэйна Ланселоту, в свою очередь, приходится разыскивать и спасать.

Пространственно артуровский мир выстроен в «Ланселоте» по бинарному принципу. Само королевство Артура в романах писателя не имело точных географических примет. У Кретьена оно часто носит название Логр (в «Ланселоте» и «Персевале»). Когда-то Артур завоевал Логр, изгнав из него злых великанов, т. е. выступил в роли

культурного героя, но великаны или подобные им злодеи время от времени пересекают дороги рыцарей, вынуждая вступать с ними в схватку. В «Ланселоте» герой попадает в королевство Горр (узнаваемая анаграмма от названия Логр, а может быть, как считают некоторые исследователи, производное от названия библейского города Гоморры), своего рода антимир, где томятся пленники из Логра, которых предстоит освободить Ланселоту. Горр управляется мудрым и добрым королем Бадмагю (своего рода зеркальное отражение Артура), милостивым к пришельцам, а те ждут своего избавителя, каким предстанет Ланселот.

По мнению многих исследователей, Горр предстает в романе как своего рода загробный мир, а Мелеаган исполняет функцию злого великана. Перед его разрушительной силой бессильны как Артур, так и добрый король Бадмагю. Это достойный противник Ланселота, и их поединок представлен как поистине судьбоносный. Горр – это страна, из которой никто не возвращается. Переход из одного пространства в другое сопряжен с преодолением воли инфернальных существ (карлик с телегой) и заколдованных пространств. Последнюю функцию выполняют зловещие мосты, которые должны преодолеть герои. Рефреном звучат предсказания об их неизбежной гибели. Путешествие в Иной мир – достаточно известный мотив кельтских сказаний. Правда, у кельтов он предстает чаще всего как страна блаженных, расположенная в далеких морских пределах, «морской» рай заколдованных островов. Это одновременно не только страна мертвых, но и тех, кого считают умершими и кто, возможно, жив и способен вернуться. Это пространство заселено богами,

богинями и феями. Здесь время останавливается, и день равен веку. Граница между земным и Иным миром обычно проходит по воде, и миры соприкасаются через морские пределы. Приключения в Ином мире выпадают на долю героя, способного преодолеть все препятствия, а порой его увлекает в свои владения влюбленная фея. Все эти мотивы просматриваются в «Ланселоте». Телега, в которую он вынужден сесть, явно ассоциируется со средневековой повозкой смерти, которая увозит в иной мир, – в данном случае в королевство Горр, откуда никто не возвращается. После этого герою предстоит пройти по символическому обоюдоострому мечу, и все это предвещает ключевой образ последнего кретьеновского романа – кортеж Грааля с источающим кровь таинственным копьем. Не случайно в романе появляется образ кладбища, где нашли покой артуровские рыцари и где Ланселот обнаруживает собственную открытую могилу, словно ожидающую будущего хозяина. Кроме того, сюжет путешествия в загробный мир был известен из классических источников, в частности из «Энеиды» Вергилия – поэта, чрезвычайно чтимого европейским средневековьем.

С этими мотивами связана особая роль «чудесного» в артуровских романах Кретьена де Труа[9]. Ж. Ле Гофф различал два основных источника «чудесного» в средневековой культуре[10]. С одной стороны, это христианская традиция, хотя, на его взгляд, она мало что добавила в по-

---

[9] Carasso-Bulow, Lucienne. The Merveilleux in Chrétien de Troyes' Romances. Genève: Droz, 1976.

[10] Жак Ле Гофф. Средневековый мир воображаемого. М. Издательская группа «Прогресс», 2001.

нимание этого феномена, потому что христианское «чудо» радикально отличается от стихии чудесного в культурах-предшественницах, прежде всего, в народной средневековой культуре. Из этого исследователь делает вывод: «Чудесное в литературе почти всегда имеет дохристианские корни»[11]. Он предложил своего рода «перечень средневекового чудесного»: территории и объекты, существа человеческие и антропоморфные, животные, гибриды (полулюди-полуживотные), предметы (кольцо-оберег, чаша изобилия, меч, ограда, кровать как «сакральное пространство»), исторические персонажи, ставшие легендарными[12].

За пределами артуровского замка, где бы он ни находился, разворачивается особое мифическое/волшебное пространство. Его элементы архаичны и узнаваемы, как первостихии. Пространственный лейтмотив «Ланселота» – вода. Это таинственные реки, через которые нет доступной переправы, непреодолимые мосты как переход в иной мир, морские гавани, где высятся замки и тюрьмы-крепости (в одной из таких, посреди водного пространства, томится несчастный Ланселот). Наконец, венчающие заповедное пространство замки – всегда неожиданные, порой заколдованные, неведомо кому принадлежащие и таящие угрозу. Ланселот встречает на пути волшебный замок (краше «фессалийского» – сравнение сразу указывает на колдовскую природу неведомого приюта), обрамленный высокой стеной и рекой, где его ждут странные рискованные испытания.

Вполне очевидно, что Кретьен создает массу недомол-

[11] Там же. С. 44.

[12] Там же. С. 54–55.

вок, не разъясняя путей, пересечений, встреч с персонажами неожиданными, то добрыми, то ненавидящими, чем и сгущает атмосферу таинственности и авантюрности своих «бретонских» романов. Э. Кёлер недаром заметил, что сама рыцарская авантюра в средневековом романе является свершением чудесного[13]. Многообразны персонажи иного мира, начиная с карлика (в европейских сказаниях он всегда существо хтоническое) до девиц, похожих на фей, то добрых, то злых, которые знают все о прошлом и будущем героя, а потому и испытывают, и искушают, и направляют. Все эти кельтские волшебные обольщения/миражи создают особое очарование романов Кретьена де Труа.

Двойственность географических реалий (то ли островных, то ли континентальных) придает «Ланселоту» особую интригу. С одной стороны, в них все узнаваемо и может быть наложено на средневековую карту, с другой – призрачно. Переход из реального пространства в фантастическое всегда является неожиданным. Правда, в этом фантастическом пространстве тоже легко угадываются пейзажи западного Уэльса (гибельные пропасти, горы, водные потоки, грозные замки).

Меньше всего удается представить Кретьена де Труа наивным автором. Он умел легко общаться с читателем, он искусно владел аллюзиями и почти наслаждался обманными эффектами. Например, Ланселот видит призрачных зверей, то ли львов, то ли леопардов, охраняющих Мост Меча, но это оказывается колдовским наваждением: на

[13] Köhler E. L'Aventure chevaleresque. Idéal et réalité dans le roman courtois. P.,Gallimard, 1974.

берегу никого нет. На заколдованной кровати спящего Ланселота атакуют невидимые враги, но он ловко уворачивается от упавшего с потолка дротика и тушит загоревшуюся от флажка постель, чтобы вновь мирно погрузиться в сон. Фантастическое пространство встроено в социально-бытовое – не без авторской иронии. Как верно отметил Ж. Фраппье, «на его вкус, как и на вкус его французской публики, фантастическое не должно было длиться слишком долго, а должно было время от времени опираться на осязаемую реальность»[14]. Для романов Кретьена это вполне естественно и органично. Из такой недосказанности рождается поэзия.

* * *

В центре «Ланселота» конфликт между любовью и рыцарским долгом. В романах «Эрек и Энида» и «Ивэйн» он имел другую природу и разрешался как гармония земного счастья: рыцарь получал и славу и любовь[15]. То, что Кретьен возвеличил брак, причем брак по любви, для феодального общества, в особенности для куртуазной среды, идея довольно странная и явно нетрадиционная[16]. Об этом, в частности, свидетельствует «Трактат о куртуазной любви» А. Капеллана, современника Кретьена де Труа, также творившего при дворе Марии Шампанской. Капеллан вклю-

[14] Frappier J. Etude sur Yvain ou le Chevalier au lion de Chrétien de Troyes. P. V: Société d'édition d'enseignement supérieure, 1969. P. 128

[15] Peter S. Noble. Love and Marriage in Chrétien de Troyes. Cardiff University of Wales Press, 1982.

[16] Lazar V . Amour courtois et fin'amor. P., 1964.

чил в свою книгу так называемые «суды любви». Среди дам-судей на первом месте стоит, естественно, Мария Шампанская, покровительница автора. Она появляется уже в 1-й книге, в диалоге знатного сеньора и дворянки. Здесь дама выставляет вполне обоснованное возражение против любовных притязаний собеседника: она замужем за достойным и благородным человеком. Влюбленному такое препятствие не кажется непреодолимым, тогда дама предлагает обратиться к арбитру – графине Шампанской – так как никто не сможет усомниться в ее мудрости и справедливости. Они вместе сочиняют письмо графине, рассчитывая на ее окончательный вердикт. Заданы два вопроса: 1) может ли существовать истинная любовь между супругами; 2) должны ли влюбленные испытывать ревность. В трактат Капеллана включено ответное письмо Марии Шампанской, датированное 1 мая 1174 года (дата, скорее всего, фиктивна, как полагает большинство исследователей, хотя о мотивах Капеллана, ее избравшего, судить трудно). На оба вопроса графиня дает вполне определенный ответ. Любовь между супругами существовать не может, потому что они связаны обязательствами и формально не могут ни в чем отказать друг другу, тогда как любовники свободны от какого-либо принуждения и повинуются лишь зову чувства. К тому же между супругами (в данном контексте – равнодушными друг к другу по определению) не может быть истинной ревности, без которой любовь невозможна: «Кто не ревнует, тот не может любить»[17].

Роман «Ланселот, или Рыцарь телеги», как и большин-

[17] André le Chapelain. Traité de l’amour courtois. P., 2002. P. 112.

ство рыцарских романов, имеет в основе сюжет поиска. Поиск неизбежно вовлекает рыцаря в авантюры, призванные продемонстрировать его доблесть. Странствия создают авантюрное движение сюжета и цепь эпизодов. Однако в романе «Эрек и Энида» герой отправляется просто на поиски приключений, в «Ивэйне» герой собирается отомстить обидчику своего кузена, а заодно продемонстрировать свою рыцарскую доблесть. В «Ланселоте» мотивация рыцарского странствия полностью меняется: герой отправляется на поиски похищенной дамы сердца. Все приключения и подвиги обрамляются этой главной целью, и это определяет сюжетную перспективу романа. Но следует подчеркнуть, что у Ланселота появляется еще одна важная миссия, какой не было у прежних героев, – спасение соотечественников. Эта миссия не изначальна, она определяется по ходу движения основного сюжета, но именно она придает деяниям героя истинно эпический смысл.

В «Ланселоте» предыстория героя окутана тайной, но она чрезвычайно важна. Сюжет романа – возможно, лишь эпизод долгой любовной истории, о которой читатель так ничего и не узнает. Неведомо откуда взявшись, герой, оставаясь безымянным, отправляется на спасение королевы Геньевры, дерзко похищенной неведомым рыцарем. Только постепенно читатель открывает для себя историю (далеко не полную) потаенной любви. Но автор мастерски владеет сюжетом, и читателю долго придется пребывать в недоумении. Первое, чем Ланселот должен пожертвовать, – это слава и репутация, что для рыцаря почти равно смерти. Гавэйн, сопровождающий Ланселота, с ужасом на-

блюдает, как тот пересаживается в телегу коварного карлика. Рыцарь в телеге – это не просто нонсенс, это клеймо, которое придется носить. В романе Кретьена получается так, что об этом позорном поступке знают все, в любых землях, и неизбежно подвергают героя остракизму, даже сама королева Геньевра. Этот подвиг во имя любви будет оценен позже. Королева подвергает его новому испытанию: на решающем турнире передает через служанку приказание верному рыцарю – сражаться «как можно хуже», т. е. сдаться. И Ланселот его выполняет, вновь обрекая себя на позор.

В подобном сюжете женщине неизбежно отведена решающая роль. Королева Геньевра, на первый взгляд, вполне соответствует образцу властной куртуазной дамы, феодальной сеньоры, требующей от возлюбленного неоспоримого подчинения. Мы встречаем ее в поэзии провансальских трубадуров: она строга, требовательна и не прощает слабостей возлюбленного. При этом ее любовь – высшая награда, и она дарит ее от всего сердца в награду за верность и подвиги. Геньевра намеренно подвергает Ланселота публичному унижению, чтобы убедиться в его полной покорности. Но в романе Кретьена все не так однозначно. В сцене похищения, открывающей роман, она проявляет полную кротость, выполняя волю короля Артура, и даже по его приказу опускается на колени перед Кеем, моля его не оставлять службы. Она покорно отправляется с Кеем за незнакомым рыцарем, принимая неведомую судьбу. И только тихий, едва слышный шепот раскрывает ее истинное психологическое состояние:

«Ах, друг, когда бы мне на благо

Вы знали всё, то даже шага
Не дали б мне ступить сей миг».

Эти слова обращены явно не к Артуру, а к отсутствующему Ланселоту – единственному, кто смог бы защитить ее от унижения. Здесь приоткрывается потаенная история любви, интригующая читателя, так как имя рыцаря еще не названо. Когда до королевы донесся ложный слух о гибели Ланселота, она предается неподдельной скорби и готова даже к самоубийству. Ее внутренний монолог приоткрывает и всю силу ее любви, и пустоту одиночества, на которое ее обрекает греховная страсть. Поэтому описание ночного свидания в башне, когда разлученные влюбленные могут, наконец, обнять друг друга, исполнено такого лирического напряжения. Влюбленные ведут себя поистине безрассудно, но ими движет искренняя страсть. К тому же они оказываются в ином пространстве, за пределами реальности, и чувства (может быть, впервые?) вырываются свободно. В финале романа, когда Геньевра и Ланселот, которого чествуют как спасителя, вновь встречаются при дворе, они словно возвращаются вспять, к началу романа, к мучительной тайне, вынужденной разлуке, обрекающей на страдания. В трактовке Кретьена запретная связь королевы и рыцаря приобретает черты психологической драмы. Это, несомненно, новая трактовка. Традиционно (Гальфрид Монмутский[18]) королева Геньевра представала предательницей, а ее роман с племянником Артура Мордредом трактовался, скорее,

[18] Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М. Наука, 1984.

как заговор против короля. Любопытно в этом отношении одно из лэ Марии Французской – «Ланваль»[19]. Здесь королева Геньевра предстает кем-то вроде сказочной ведьмы, преследующей рыцаря только за то, что он подарил свою любовь не ей, а волшебной красавице с острова Авалон. Коварная королева терпит поражение, с рыцаря сняты все несправедливые обвинения, и он со своей возлюбленной навечно отправляется в блаженную страну.

В «Ланселоте» в жертву любви принесено все: рыцарь может победить или погибнуть (а то и подвергнуться позору) только по воле дамы. Может быть, налицо воля заказчицы романа – Марии Шампанской? «Ланселот» – это поэзия адюльтера. Сцена ночного свидания Ланселота и Геньевры – апофеоз куртуазной романтики, ноктюрн тайной любви.

Но финал «Ланселота», скорее, открыт и печален, если не сказать тревожен. Освобожденная королева благополучно вернулась ко двору. Ланселот, наконец, сразил коварного Мелеагана, король Артур и вся его свита торжествуют. С рыцаря снимают доспехи, и он с триумфом направляется в пиршественный зал. Но у Ланселота и королевы есть своя опасная тайна, неизбежно влекущая за собой страдания, а быть может, и гибель. Гармоническое разрешение психологического конфликта невозможно.

Происходит своего рода ревизия умозрительных куртуазных принципов. В «Ланселоте» они явно избыточны, и их буквальное исполнение приводит к трагикомическим ситуациям. К примеру, Ланселот так засмотрелся из окна

[19] Poètes et romanciers du Moyen Âge. P., Gallimard. P. 321–338

на внезапно появившуюся королеву, что выпал бы наружу, если бы его вовремя не удержал Гавэйн. Во время боя с Мелеаганом он стоит к противнику спиной, не сводя глаз с башни, откуда наблюдает за поединком королева, и так, из-за спины, наносит удары, к ужасу всех присутствующих. Его вразумляет только вовремя посланная служанка:

Теперь, как видим, неразумно
Из-за спины ты бой ведешь,
К врагу лица не повернешь.
Так повернись и будь бесстрашней,
А взоры упокой на башне.

Очевидно, что Ланселот задуман как крайнее воплощение куртуазного идеала "fin' amor" в духе провансальских трубадуров и Капеллана. Дама является для него заведомо недосягаемой, в матримониальном смысле, целью, а адюльтер узаконен, в духе наставлений Марии Шампанской, поскольку любовь между супругами невозможна. Но Э. Баумгартнер справедливо заметил, что в «Ланселоте» и сам герой, и его поведение несут отпечаток литературной игры [20]. Сюжет романа соответствовал ожиданиям аристократической публики, большей частью женской (как это позже, в XVII веке, выразится и в прециозной культуре), испытывавшей потребность облагородить и кодифицировать любовное поведение тогдашней аристократии, а потому явно был рассчитан

[20] Baumgartner E. Chrétien de Troyes. Yvain, Lancelot, la charrette et le lion. P.:P.U.F., 1992. P. 68–69.

на особое восприятие. Авторская ирония (скорее, мужская) ненавязчива, а гиперболы могли вызвать в женской аудитории и ностальгию по столь беззаветному любовному служению.

Ассоциации с провансальской лирикой при чтении «Ланселота» неизбежны, но они затрагивают не столько стиль романа, сколько психологическую характеристику героя. «Ланселота» называют самым субъективным романом Кретьена из-за того, что все внимание в нем устремлено на внутреннее состояние героя, целиком погруженного в свои чувства и даже странным образом отрешенного от действительности. Ж. Фраппье заметил, что образ грезящего наяву мечтателя, охваченного любовным наваждением, вплоть до приступов каталепсии, не был только плодом авторской фантазии, а отражал точные наблюдения над бессознательными или патологическими состояниями, которые встречались достаточно часто в религиозной практике средневековья. Экстатические переживания влюбленного оказались сродни религиозно-мистическим[21]. Найденный в поле гребень с золотыми волосами королевы превращается для него в святыню, и драгоценную прядь волос он отныне носит на теле под рубашкой:

Ничьи глаза не зрели боле,
Чтоб кто ценил так вещь земную,
Как он ту прядку золотую.

Поведением Ланселота руководят не правила курту-

[21] Frappier J. Chrétien de Troyes. P.: Hatier, 1957. P. 141.

азного кодекса, а законы сердца. Он не ведает сомнений, его невозможно сбить с пути, ввести в соблазн, как это попыталась сделать девица в замке, приказавшая провести с ней ночь (впрочем, оценившая его стойкость). Поэтому его доблесть не знает границ, и он всегда готов на подвиг.

Мотив любви-болезни восходит к Овидию, но он характерен и для кельтской традиции. Достаточно вспомнить ирландскую сагу «Болезнь Кухулина». В «Жизни Мерлина» Гальфрид Монмутский описал, как Мерлин, охваченный безумием, прячется в лесах, где ведет жизнь дикого зверя. Но у Кретьена мотив безумия не является чисто литературным. Согласно средневековой медицине, существуют лишь две формы умопомешательства: буйное (гнев и ярость) и тихое (меланхолия)[22]. С первым состоянием связана попытка самоубийства (ее предпринимает в момент отчаяния Ланселот). Со вторым – странная отрешенность героя, порой разрывающая его связь с действительностью. В дальнейшем тема благородного безумия проходит через века, вплоть до поэмы Ариосто и «Дон Кихота».

В истории Ланселота определяются некоторые новые для романов Кретьена мотивы (они получат развитие в «Персевале»), в частности мотив изначальной вины: он предал сюзерена. Правда, субъективно Ланселот этой вины не ощущает, в отличие от Тристана. Он настолько поглощен своей любовью к Геньевре, что о короле Артуре и не вспоминает. Но эта вина определяет неясную и неизбежно тра-

---

[22] Fritz, Jean-Marie. Le Discours du fou au Moyen Age. P.:P.U.F., 1993

гическую перспективу, которая лежит за пределами кретьеновского сюжета, и усиливает драматизм истории. Ланселот теряет даму не по своей вине, но не обретает ее в финале: она является в статусе жены сюзерена, еще более недоступной, чем в той башне, которую рыцарь с таким трудом покорил. Мотив неизбежной земной смерти (она подстерегает героя на каждом шагу) предвещает сюжет духовного поиска. Ланселот продолжает нести груз вины, пока им неосознанной. Персевалю о его вине будут напоминать разные персонажи, символические знамения, странные искушения, пока он сам не придет к раскаянию и к Граалю. Сюжет «Ланселота» в этом смысле открыт, и это одна из главных причин того, что герой Кретьена начиная с XIII века будет неизменно включен в историю поисков Грааля.

К 1230 году относят обширный анонимный цикл романов о Ланселоте, в который вошли пять произведений[23] (его часто называют «Книгой о Ланселоте Озерном» или «Ланселот-Грааль»). Здесь впервые слились два кретьеновских сюжета – история Грааля и история Ланселота. В этом огромном прозаическом романе описан конец артуровского мира, погибшего от предательства, раздоров и грехов. Здесь история Ланселота развернута в полном масштабе – от его детства до кончины. Совершенный им грех дано искупить его сыну, юному рыцарю Галахаду, воплощающему целомудрие и нравственное совершенство. «Поиск» Грааля станет главным жизненным сюжетом Галахада. Ему, наравне с Персевалем, дано узреть святыню, но после смерти героев Грааль и кровоточащее копье возносятся на небеса.

[23] Lancelot. Roman en prose du XIII siècle. T. 1–9. P. – Genève. Droz, 1978–1983.

В XV веке к истории Ланселота, с теми же ностальгическими интонациями, вернется Томас Мэлори в своем романе «Смерть Артура», магистральным сюжетом которого стала история гибели артуровского королевства и куртуазного мира в целом. У Мэлори сама смерть Ланселота сопряжена с глубоким покаянием, которому он искренне предается. После смерти Короля Артура он прощается с Геньеврой и принимает монашеский постриг. Когда до него донеслась весть о смерти королевы, он явился проститься со своей любовью и сам отслужил заупокойную мессу: «С этого дня сэр Ланселот почти не принимал пищи и не пил, пока не умер, ибо он все больше слабел и чахнул и жизнь в нем угасала. … Все время лежал он, распростершись ниц, на могиле короля Артура и королевы Гвиневеры, и как ни пытались его утешить епископ и сэр Борс и все его товарищи, их старания оставались безуспешны»[24].

Но в культурную память Европы Ланселот навеки вошел не как кающийся грешник, завершивший круг земной, а как юный и прекрасный куртуазный рыцарь, верный паладин любви. В «Божественной комедии» Данте в первом круге ада появляется несчастная, наказанная за прелюбодеяние Франческа, которую, вместе с ее возлюбленным, вечно мчит адский вихрь.

«*Что было вам любовною наукой,*
Раскрывшей слуху тайный зов страстей?» – вопрошает поэт.

И слышит ответ:

«*В досужий час читали мы однажды*

[24] Томас Мэлори. Смерть Артура. М.: Наука, 1974. С. 761–762.

О Ланчелоте сладостный рассказ.
Одни мы были, был беспечен каждый.

Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас».

Примечания к «Ланселоту»

[1] *Коль ждет владычица Шампани…* – Графиня Мария Шампанская (1145–1198), старшая дочь Людовика VII и Альеноры Аквитанской, в 1164 году стала женой Генриха Либерального (или Щедрого), получив титул графини Шампанской. Ее двор стал своеобразным центром куртуазной культуры, восходящей к традициям провансальских трубадуров, среди которых почетное место занял ее прадед по матери Гийом IX Аквитанский. В непосредственное окружение графини входили многие выдающиеся писатели эпохи, в том числе трувер Конон де Бетюн, историк-хроникер Жоффруа де Виллардуен, романист Готье д'Аррас, автор знаменитого трактата «О любви» Андре Капеллан. Марии Шампанской Кретьен де Труа посвятил свой роман «Ланселот, или рыцарь Телеги».

[2] *На языке родном преданий…*– в оригинале употреблено слово «роман» (romans), и это важное свидетельство формирующегося жанрового мышления средневековых писателей.

[3] *Лишь Вознесенья день настал…* – Начало повествования обозначено одним из главных религиозных праздников, и это вполне типично для рыцарского романа.

[4] *Чей галльский говор – всем пример* – Весьма характерная деталь, свидетельствующая о становлении норм французского литературного языка: истинно куртуазная речь противопоставлена расхожей и простонародной.

[5] *А Кей, что пиром управлял…* – Обслуживание трапезы в замке, в том числе и королевском, находилось в ведении сенешаля, который одновременно был и виночерпием и дворецким.

[6] *Пусть даже золота сетье…*– Сетье – старинная мера зерна (примерно от 150 до 300 литров).

[7] *Ах, друг, когда бы мне на благо…* – Эти слова Геньевры, произнесенные шепотом, словно для самой себя, адресованы явно не королю Артуру, проявившему нерешительность, а предмету ее тайной страсти – Ланселоту, что вполне согласуется с дальнейшим развитием сюжета.

[8] *Гинабль граф его услышал…* – граф Гинабль, услышавший шепот королевы, состоит на службе у короля Артура и оказывается своеобразным «переносчиком» вести, ибо в своих странствиях Ланселот сталкивается со многими персонажами, знающими о цели его поисков. Такой прием весьма характерен для волшебных сказок.

[9] *Как некий рыцарь появился…* – Очевидно, что до Ланселота уже донеслась весть о похищении королевы, и он совершил трудный и рискованный путь, чтобы вовремя прийти на спасение. Явное хронологическое несоответствие усиливает атмосферу чудесного.

[10] *Он и телега впереди.* – Статус рыцаря явно несовместим с подобным средством передвижения. К тому же появление телеги должно стать и зловещим предзнаменованием будущих бедствий и позора.

[11] *Тот на два шага уж отъехал.* – Здесь два шага явно обозначают душевный разлад, после чего следует спор между Любовью и Разумом.

[12] *Того, что б худо навлекло* – Это намек на то, что королева очень негативно оценит поступок Ланселота, хотя он продиктован только любовью. Таким образом повествователь контролирует развитие сюжета.

[13] *И сердцу приказала страсть/ Подпасть под карликову власть* – Аллегорический спор Любви и Разума характерен для средневековой литературы. У Кретьена он наполнен особым смыслом. Разум защищает строгие правила рыцарства, правила чести против бесчестия. Любовь подвергает их сомнению в духе феминистических ценностей, воспетых трубадурами и труверами.

[14] *Куда б ни ехал ты, поеду/ По твоему я, карлик, следу* – Здесь Гавэйн противопоставлен Ланселоту: он подчиняется разуму и отвергает безрассудство. Такой контраст сохранится и в других романах Кретьена, в частности в «Ивэйне» и в «Персевале», где Гавэйн выступает таким же осторожным и рассудительным спутником главных героев.

[15] *… рыцарь шоссы скинул…* – шоссы – мужская средневековая одежда, сочетавшая чулки и штаны.

[16] *И на пол-локтя выше их.* – В древнем Риме, чтобы оказать почести гостю, кровать для отдыха ставили в центре обеденного зала. В романе Кретьена, в ином культурном контексте, достоинство гостя подчеркивается увеличением высоты ложа. Локоть (aune) – старинная мера длины, составляющая примерно 1 м 20 см.

[17] *Мелеаган* – сын короля Бадмагю, властителя Горра, в некоторых источниках предстает как великан.

[18] *Отколе нет чужим возврата.* – В королевстве Горр существовал обычай, согласно которому любой рыцарь или дама,

оказавшиеся в нем, становились пленниками. Поскольку в Горр можно было попасть только после преодоления двух смертельно опасных мостов, путь назад явно был закрыт. Королевство Горр, наследником которого является Мелеаган, ведет войну с королевством Логр – владением короля Артура. Артур исполняет цивилизующую роль и побеждает дикое варварство, воплощенное в великанах. У Кретьена указанное противостояние, обозначенное в артуровской мифологии, получает вполне земную трактовку: речь идет о конфликте двух народов.

[19] *Там правит Бадмагю…* – Имя короля Bademagu, возможно, связано с латинским словом «magus» (волшебник, маг). «Bade» – название его королевской столицы: в Баде король устраивает празднество в честь своего дня рождения (ст. 6244–45). Но в романе Кретьена магические функции короля не обозначены.

[20] *Он фута полтора, не боле.* – Фут – средневековая мера длины, равная 32,4 см.

[21] *…дружбу / Со мной вам забывать не след!* – Здесь в повествовании возникает своеобразная лакуна, так как предупреждение девицы не обретает подтверждения. О ней больше речи не пойдет, хотя, возможно, она и есть сестра Мелеагана, которая появится позже.

[22] *И там же брод…* – Брод – это типичный атрибут волшебной сказки. Защита брода может стать поводом для поединка между божеством, которое в нем обитает, и рыцарем.

[23] *Тут он узнал девицу вмиг…* – Уверенность, с которой автор говорит о том, что Ланселот сразу узнал девицу, позволяет еще с большей вероятностью предположить, что это и есть сестра Мелеагана.

[24] *Вдруг повстречалась на пути/ Ему какая-то девица…* – В романах Кретьена де Труа встречи с неведомыми девицами каждый раз превращаются в авантюру-испытание. Такой прием вообще характерен для романов артуровского цикла. Подобные персонажи напоминают сказочных фей.

[25] *Его любила, может быть…* – Мотив внезапной любви феи к земному человеку очень популярен в кельтской традиции.

[26] *Что краше всякой фессалийской.* – Античная Фессалия считалась краем ведьм и колдовства. Фессалийская колдунья Эрихто предсказала победу Цезаря над Помпеем (Лукан. «Фарсалия»). Она появляется и в трагедии Гете «Фауст» в классической Вальпургиевой ночи.

[27] *Конюший даже не встречает.* – Конюший – дворянин, находившийся на службе у сеньора.

[28] *Чтоб он помог ей слезть с седла.* – Помочь подняться на коня или спешиться означало нежелательное сближение. Если при этом были нарушены куртуазные условности, то такой поступок мог ассоциироваться с дурными намерениями.

[29] *Он не ценил их совершенно.* – Секиры в мире рыцарских романов не входили в вооружение рыцарей. Обращение с ними требовало скорее силы, чем ловкости, в отличие от копья и меча.

[30] *Дотоле в королевстве Логр.* – Здесь речь идет о правилах истинно рыцарского поведения. Обычаи Логра, владения короля Артура, – это воплощение цивилизующей роли артуровского мира, в противовес обычаям, царящим в Горре.

[31] *С времен Изора великана…* – Изор – великан (иногда сарацин), который встречается во французских шансон де

жест. Его имя ассоциируется с варварскими временами, предшествующими эпохе Артура.

[32] *Те белокурые власы/ Такой сверкающей красы…* – Красавица, согласно куртуазному канону, непременно должна была быть белокурой.

[33] *Чувств не утратил он едва.* – Этот приступ слабости иллюстрирует популярное для той эпохи представление о любви как болезни. Кроме того, Ланселот вообще склонен к крайним проявлениям любовных эмоций.

[34] *Прядь королевы он отныне/Меж телом и рубашкой прячет*. – Подобный фетишизм связан с эротической символикой волос в романах Кретьена (см. «Клижес»). Стоит вспомнить и о златокудрой Изольде, чей золотой волос вдохновил короля Марка на поиски невесты.

[35] *Мартину с Иаковом святым!*– Мартин Турский (4 в.) – один из самых почитаемых католических святых, считающийся покровителем Франции. Иаков (старший) – один из двенадцати апостолов Христа. По преданию, принял мученическую смерть от рук Ирода Агриппы I в 44 г. Культ Иакова сложился в Испании, где, как считается, увековечен его прах. По средневековым представлениям, святой мог защищать от определенных болезней. В частности, святой Иаков оберегал от артрита и ревматизма – недугов, весьма затруднительных для осуществления рыцарского призвания.

[36] *И на ирландских скакунах*. – Это были мощные кони, выдерживающие вес военного снаряжения.

[37] *Скорей креплений и ремней/Мой щит лишится в одночасье…* – Обычно щит носили на ремне, закрепленном вокруг

шеи, а во время боя вешали ремень на плечо и захватывали рукой крепление.

[38] *Я б справил торг не в этом месте, /Притом с немалым барышом.* – Здесь обыгрывается старинная французская поговорка, где проводится параллель между семейными и коммерческими отношениями: Privez mal achate (букв.: откажитесь от невыгодной покупки).

[39] *Стена и кладбище за нею.* – Обычно не принято было окружать стеной кладбище, располагавшееся около церкви. Такая необычная деталь усиливает ощущение тайны, и это объясняет первый вопрос, заданный Ланселотом монаху.

[40] *… что им подобья/От Домба до Памплоны нет.* – Домб (Dombes) – в XII веке графство, расположенное между Юрой и Божоле. Впоследствии им владели Луиза Савойская, Екатерина Медичи и королевский дом Бурбонов. Памплона – древний город на территории Наварры, основанный Помпеем. В 778 году был захвачен Карломаном и стал столицей всей Наварры. В 1512 году произошло разделение Наварры между Францией и Испанией, и Памплона отошла к Испании. Упоминание именно этих географических названий, по-видимому, не случайно. Речь идет о южных территориях Европы, где гораздо раньше появились роскошь и изысканность, еще неведомые Северу. Кроме того, подобные географические реалии призваны усилить гиперболический масштаб сравнения.

[41] *«Здесь упокоится Гавэйн»,/Иль «здесь Лохольт, иль «здесь Ивэйн».* – Имена Гавэйна и Ивэйна хорошо известны в романах артуровского цикла. Лохольтом именуется сын Короля Артура, который упомянут в романе Кретьена де Труа «Эрек

и Энида» – «вассал, наделенный великими добродетелями» (ст. 1707–1708). Лохольт появляется во многих более поздних романах артуровского цикла.

[42] *И ради города Амьена.* – Амьен был одним из богатейших городов северной Франции и принадлежал покровителю Кретьена де Труа – Филиппу Фландрскому. В 1191 году этот город был захвачен Филиппом-Августом.

[43] *Вассал привет ему изрек…* – В данном контексте вассал обозначен словом vavasseur, т. е. вассал вассала, или подвассал, что указывает на зависимое положение персонажа, занимающего подчиненное положение в феодальной сословной иерархии.

[44] *Родились в королевстве Логр.* – То, что семья вассала родом из Логра (владений короля Артура), может объяснить любезность рыцаря и его спонтанное желание помочь Ланселоту, в котором он, быть может, узнает своего соотечественника.

[45] *Сняла свою накидку с плеч,/Чтоб рыцаря в нее облечь.* – Это не вполне обычное проявление уважения, своего рода оммаж. Есть в этом жесте и практический смысл: рыцарь, снявший с себя оружие и, соответственно, одежду, на которой оно крепилось, не смог бы чувствовать себя непринужденно в обществе хозяина.

[46] *Будь проклят и обычай сей, /И тот, кто оный соблюдает.* – Такой «обычай», скорее, указывает на переход в заколдованный мир, откуда нет пути назад. Как и в волшебных сказках, герой призван снять заклятье.

[47] *Который хуже сарацин.* – Уже в шансон де жест сарацины были представлены как традиционные враги христианства.

[48] *Чреват опасностью проход, / Что Каменным зовет молва.* – Здесь может иметься в виду дорога, ведущая в подземный мир, как это было представлено в «Чистилище святого Патрика» Марии Французской.

[49] *В урочный час…* – В подлиннике указано время – à l'heure prime – т. е. шесть часов утра. Действие происходит в июне, значит, рыцари встали на заре.

[50] *Ведь не желали зла отнюдь/ Ни паладину, ни коню…* – Эта деталь указывает на то, что стражники, возможно, принадлежали народу Логра и потому видели в Ланселоте своего освободителя.

[51] *…намерен тут/ Он справедливость и свободу/ Восстановить всем нам в угоду.* – Речь этого безымянного персонажа расширяет миссию Ланселота: он призван спасать не только королеву, но и весь порабощенный народ Логра.

[52] *Та дама – фея…* – Слово «фея» (fée) еще не очень активно использовалось в эпоху Кретьена. Здесь речь идет о фее (Даме) Озера, которую позже назовут Вивианой, или Нинианой («Ланселот в прозе»). Эта фея взрастила героя в своем мире – на дне озера.

[53] *Прервали бой и те и те.* – В Средние века не принято было сражаться ночью: верхом, к тому же в шлеме, рыцарь вряд ли имел возможность успешно ориентироваться в ходе поединка.

[54] *Как оговоренная мзда.* – Такое неожиданное сравнение, по-видимому, имеет целью подчеркнуть регулярность наносимых ударов.

[55] *Вмиг шлема перевязь порвав/С кольчужными ремнями вместе.* – Рыцарский шлем крепился ремнями к вороту кольчуги. Сильный удар порвал эти крепления.

[56] *Я, как комический герой…* – Подобный персонаж – безумец или шут – довольно часто появляется в средневековых комических фарсах, обычно в роли солдата-фанфарона, посрамленного за свое бахвальство.

[57] *Тебе грядущею порой/Понадобится помощь, верь.* – Встреченная девица является сестрою Мелеагана и в свой час освободит Ланселота из плена.

[58] *При сем девица ликовала.* – О причине столь неистовой ненависти девицы к неизвестному рыцарю ничего не сообщается.

[59] *Любую помощь окажу.* – Король Бадмагю демонстрирует поистине куртуазное поведение. При этом он высказывает и легкий упрек: появление рыцаря внезапно, и он, как король, об этом не предупрежден. Здесь можно усмотреть и желание продемонстрировать свою непричастность к похищению Геньевры.

[60] *Мазь трех Марий зовется мазь та…* – Название мази связано с легендой о лечении ран Христа тремя Мариями. В Евангелии от Марка (16:1–13) упоминается о благовониях, которыми умастили тело Христа жены-мироносицы: Мария Магдалина, Мария Иаковлева (мать Иакова, апостола от 70-ти), Мария Саломия (мать сынов Зеведеевых Иакова и Иоанна).

[61] *Как он умел, не врачевали/Все монпельеские врачи.* – В 12-м веке Монпелье уже прославился своей медицинской школой. Здесь системе Монпелье, основанной на идеях классических авторов (Гиппократа и Галена), противопоставляется искусство целительства, близкое, скорее, к магии.

[62] *Который в Пуатье был сделан.* – В средневековой литературе часто упоминались города, известные своим ремес-

ленным производством, особенно в оружейном деле. Одним из таких центров оружейного искусства был Пуатье.

[63] *Сие Озерный Ланселот…*– Здесь герой впервые назван по имени. Королева явно не хочет себя выдать, но похоже, что девица знает, о ком идет речь.

[64] *А взоры упокой на башне,/С нее сводить не должно глаз.* – В таком положении Ланселот оказывается одновременно и лицом к противнику и лицом к королеве, что соответствует феодальному кодексу чести. Комическая ситуация разрешается, таким образом, весьма остроумно.

[65] *Ведь любит крепче, чем Пирам…* – История любви Пирама и Фисбы, пересказанная Овидием в «Метаморфозах», была хорошо известна в эпоху Средневековья. Ее анонимная французская версия появилась в XII веке. Важно отметить, что и сам Кретьен де Труа обработал один из сюжетов Овидия в своей поэме «Филомена».

[66] *Приму визит его – и только.* – Эта подчеркнутая холодность может объясняться опасением королевы, что ее могут заподозрить в любви к Ланселоту. Но ее ответ Ланселоту делает подобную позицию еще более загадочной.

[67] *Недвижно тело, а глаза/Туманит горькая слеза.* – Аллегорический анализ чувств характерен для куртуазной поэзии, особенно для стиля труверов. Сердце здесь представлено как воплощение воли и страсти.

[68] *И не брабантцы в ней виновны.* – В XII веке существовало немало наемных вооруженных отрядов, которые формировались преимущественно из людей незнатного происхождения, чаще всего из самых бедных и малонаселенных районов Западной Европы: Уэльса, Брабанта, Фландрии,

Арагона, Наварры. Для их обозначения обычно употребляли название местности, из которой они происходили (арагонцы, брабантцы).

[69] *О Смерть, жестокая и злая*! – Прием аллегорической персонификации разворачивает здесь образ смерти, свойственный христианскому сознанию, которое противится мысли о самоубийстве, в противовес образу смерти у Вергилия (самоубийство Дидоны) и у Овидия (судьба Пирама).

[70] *…простыни в крови…* – Здесь явно ощущается влияние романа Беруля «Тристан», где есть аналогичный эпизод. Тристан, поранивший на охоте ногу, является на тайное свидание к Изольде: «Беда! Раскрылась рана вновь,/На простынях повсюду кровь, /Все ложе выпачкано кровью» (Легенда о Тристане и Изольде. М.:Наука, 1976. С. 29).

[71] *Пусть мощи принесут сейчас же…* – Поединок следует правилам «божьего суда»: именно Бог определит виновного. В этих обстоятельствах Геньевра оказывается в ситуации Изольды: она произносит формальную клятву при очевидной виновности.

[72] *Письмо составлено точь-в-точь/ Так, чтобы приняли на веру.* – Доказательством подлинности письма обычно служила печать. Если печать находилась на перстне, то узник не мог воспрепятствовать стражнику, если бы тот захотел ею воспользоваться.

[73] *За этих дама из Ноо, /А из Помлегуа – за тех…* – Это явно вымышленные топонимы. Название Noauz хорошо рифмуется со словом noauz (худший) в соседней строке (5379–80). В заявленном противоборстве нет никакой враждебности: это просто спортивное разделение на два лагеря, обязатель-

ное для турниров. Чаще всего в этом случае противостояли те, кто внутри (в городе) тем, кто снаружи.

[74] *Тут платье алое ему…* – Символика алого цвета связана со страстью, огнем, солнечным светом. Королева Геньевра тоже появилась на свидании с Ланселотом в алом плаще.

[75] *Здесь тот, кто всех локтем отмерит!* – Старофранцузская поговорка "Veez celui qui l'aunera" (букв.: Пришел тот, кто отмерит локтем) встречается в ряде средневековых текстов. Образ того, кто «отмерит», связан с темой победы, а также смерти.

[76] *Он тот, кто первым молвил се.* – Герольды были специалистами в делах турниров, техническими советниками, мнение которых было очень важно. Здесь герольд представлен изобретателем боевого клича.

[77] *Они хотели видеть бой.* – Дамы, присутствующие на турнирах, являлись своего рода судьями, потому также важно появление королевы. Вся церемония должна была иллюстрировать связь между любовью и доблестью, что соответствует шкале ценностей в куртуазном мире.

[78] *Как можно хуже пусть ристает!* – Королева передает Ланселоту короткий приказ "Au pire!", что буквально может означать «Как можно хуже!». Это своеобразная форма куртуазной игры. Во имя любви рыцарь должен пренебречь всеми принципами (своеобразное повторение мотива Телеги). Кроме того, королева хочет таким способом проверить идентичность явившегося на турнир рыцаря, а заодно и свою власть над ним.

[79] *… узниками были/ Иль добровольно крест приняли …* – Упоминание об узниках и крестоносцах связано, вероятно,

с какими-то историческими событиями. Граф Шампанский собирался принять крест в 1178 году, чтобы отправиться в поход год спустя.

[80] *Говернал де Робердик* – Говернал – имя наставника Тристана. Далее перечисляются рыцари, некоторые из которых встречаются в произведениях «артуровского» цикла, но большей частью носят нарочито «переиначенные» (как, к примеру, Говернал *де Робердик*) имена. Дезире – герой одного из лэ, заплативший жизнью за то, что обманул двенадцать своих возлюбленных. Когийян де Мотирек упоминается только в «Ланселоте» как один из участников турнира. Семирамис – историческое имя, достаточно известное, но изначально женское (Семирамида). Не исключено, что в данном контексте, когда подчеркнута неразделимая связь двух рыцарей, даже выступающих под одним гербом, звучит авторская ирония. Идер – рыцарь, упоминавшийся в «Эреке и Эниде». Пиладес, как участник турнира, упоминается только в «Ланселоте». Имя Кей – явно омоним имени Кея-сенешаля, а Толас де ла Дезерт и Тоас Ле Жен – очевидные вариации от имени Толас, которое принадлежит одному из враждебных Артуру рыцарей. Этот игровой прием – демонстрация литературного мастерства и свободной авторской импровизации.

[81] *Они святым поклялись Жаном…* – Праздник в честь Иоанна Крестителя у католиков отмечается 24 июня, в день летнего солнцестояния. Согласно фольклорному и астрономическому календарю, это время полного расцвета природы, высшей солнечной активности. В языческих обрядах, приуроченных к этому празднику, отражен культ плодородия. Поиски жениха/невесты – тоже непременный атрибут этих обрядов.

[82] *В которой рыцарю томиться.* – И вот Ланселот замурован. Скорее всего, с этого места Годфруа де Ланьи продолжил работу Кретьена, как он сам об этом сказал в конце текста романа.

[83] *Хочу, чтоб складен был роман,/ И портить я его не стану.* – Такое достаточно резкое вторжение повествователя может означать стремление продолжателя романа уважать полученные указания.

[84] *И бузина не зацветет…* – Упоминание о бузине, как о вестнике весны, должно указывать на плохой вкус персонажа и грубость его чувств, т. е. усиливает его отрицательную характеристику. Это растение обычно имеет резкий неприятный запах.

[85] *Я б вас нашел, лишь знай заране, /Что вы заключены в тюрьму.* – Смысл упреков Ланселота безупречному рыцарю Гавэйну связан с тем, что сам Ланселот в нужный час, пренебрегая всем, отправился на поиски Гавэйна, когда тот оказался в опасности.

[86] *…и пусть Сильвестр святой…* – Почитание святого Сильвестра в католических странах связано с легендой: в 314 году римский епископ Сильвестр якобы изловил и уничтожил ветхозаветного змия Левиафана, спасши тем самым человечество от катастрофы. Умер святой 31 декабря, потому чествуют его память в канун Нового года. В данном контексте упоминание о Сильвестре подчеркивает злодеяния Мелеагана, заслуживающего возмездия.

[87] *Клянусь я Павлом пресвятым…* – Апостол Павел, не входивший в число двенадцати апостолов и даже принимавший в молодости участие в преследовании христиан, после обра-

щения стал одним из самых авторитетных христианских проповедников. Его послания, вошедшие в канон Нового Завета, высоко ценились в католическом мире Средневековья.

[88] *Без приглашения примчал…* – Мелеаган явно приехал раньше назначенного срока.

[89] *Еще с себя плащей не сняли.* – Оруженосцы, которые облачали рыцаря в доспехи, должны были снять плащи и вновь их надеть, когда работа уже закончена.

[90] *Буцефал* – конь Александра Македонского. В его описании сочетались лучшие качества многих животных, в том числе льва.

[91] *Иль гнев зажегся в нем огнем?* – Подобный риторический прием – серия вопросов и ответов от лица повествователя – придает всей сцене особую экспрессивность.

[92] *А там взрастала сикомора.* – Сикомора – мощное дерево, достигающее тридцати метров в высоту, а его крона в диаметре – шестидесяти метров. По традиции, восходящей к Древнему Египту и сохранявшейся в Средние века, сикоморой называли смоковницу. Это дерево часто упоминается в Библии, поэтому автор и говорит далее об «Авелевых временах», когда было посажено это дерево, украсившее луг.

Содержание

Научное издание

Кретьен де Труа

Ланселот, или Рыцарь телеги

Пер. со старофранцузского
Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди

common place

издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«**Фаланстер**», «**Kaspar Hauser**»,
а также заказать с доставкой на сайте **www.libroroom.ru**
Больше информации о проекте: vk.com/common_place

На обложке — иллюстрации из книги «Dictionnaire raisonné du mobilier français de l’époque carlovingienne a la renaissance» Eugène-Emmanuel Viollet-le-Duc; © Universitätsbibliothek Heidelberg

Подписано в печать 25.09.2013
Формат 70×108/32
Заказ № 161

Издательская инициатива «Common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в типографии «Розовый слон»
Москва, Автомобильный проезд, 8, стр. 1
8 (499) 713-86-84, info@elephant-print.ru